

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН №3 2017 ГАЗЕТА

Святослав Рыбас / Заговор

90
лет

РЫБАС Святослав Юрьевич

Писатель, общественный деятель. Автор книг в серии ЖЗЛ «Столыпин», «Сталин», «Генерал Кутепов», «Громыко», «Василий Шульгин. Судьба русского националиста», а также двухтомника «Сталин. Судьба и стратегия» (совместно с Екатериной Рыбас), «Генерал Самсонов», «Сто лет внутренних войн. Краткий курс истории России XX века», «Московские против питерских: «Ленинградское дело» Сталина», романов о Гражданской войне. По его повести «Зеркало для героя» поставлен одноименный фильм. Входил в состав Рабочей группы по восстановлению памятника российским воинам в Галлиполи/Гелиболу (Турция). Возглавлял Фонд восстановления Храма Христа Спасителя в Москве (1989–1994). Член Общественного совета при Министерстве культуры России. Почетный член Академии военных наук России.

РЫБАС Екатерина Святославовна

Прозаик, автор нескольких книг, в том числе, «Сталин. Судьба и стратегия» (в соавторстве со Святославом Рыбасом), публиковавшейся в «Роман-газете».

Лауреат премии Правительства Москвы.

Светлый образ Русской земли

Художник Павел Викторович РЫЖЕНКО родился 11 июля 1970 года в Калуге. Светлый образ Русской земли и ее многострадальной истории стали для него источником вдохновения.

Годы учебы в Московской средней художественной школе при институте им. Сурикова (1982–1988) — открыли перед юношей новый мир. Мир залов Третьяковской галереи и улочек Замоскворечья. Мир запахов масляной краски, благоговейной тишины и одновременно — многообразие большого современного города.

Служба в армии лишь укрепила в правильности выбранного пути — пути живописца. Поэтому первая половина 1990-х прошла в Российской Академии живописи, ваяния и зодчества, где учителем

и наставником Павла стал народный художник И. С. Глазунов. Это были годы исканий, размышлений, осмысления истории своей страны и своего народа.

К моменту написания дипломной работы «Калка» приходит осознание своего творческого назначения — разбудить генетическую память своих современников, гордость за свое Отечество.

За годы преподавания в Российской Академии живописи, ваяния и зодчества (1997–2007), работы в Студии военных художников им. М. Б. Грекова (2007–2014) Павел Рыженко сформировался не только как выдающийся исторический живописец, но и как мастер диорамного искусства.

Размышления об историческом прошлом своей Родины приво-

дит художника к поиску духовных основ, в его творчество органично входит религиозная тема.

За свою столь неожиданно обрвавшуюся в момент наиболее полного расцвета творческих сил жизнь Павел Рыженко создал галерею образов эпического масштаба («Победа Пересвета», «Царьво молчание» и др.). Всеобъемлющую панораму истории отражают диорамы «Крещение Руси», «Стояние на реке Угре», «Начало войны 22 июня 1941 года».

В 2011 году за высокие достижения в изобразительном искусстве и развитие духовно-патриотической темы Павел Рыженко был удостоен почетного звания — Заслуженный художник Российской Федерации.

Скончался Павел Рыженко 16 июля 2014 года.

Окончание см. на 3 стр. обложки.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

**Редакционная
коллегия:**

Дмитрий Белюкин
Юрий Бондарев
Семен Борзунов
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Юрий Коннов
Владимир Личутин
Юрий Поляков

**Ответственный
редактор**

Елена Русакова

**В оформлении
использован**

фрагмент картины
«Брусиловский прорыв»
и триптих «Наследник»
Павла Рыженко

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат

ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2017
Все права защищены

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
www.gazety.ru

**Подписные
индексы издания:**

в каталоге агентства
«Роспечать»

70782 на полугодие,
71752 на год;

в объединенном
каталоге

«Пресса России»
38915 на полугодие;

в электронном каталоге
«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2017 №3 /1775/ Основана в 1927 г.

Святослав Рыбас Заговор

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Все великие реформы Императора Александра II были сделаны кучкою дворян, хотя и вопреки большинству дворян того времени, так и в настоящее время имеется большое число дворян, которые не отделяют своего блага от блага народного и которые своими действиями изыскивают средства для достижения общенародного блага вопреки своим интересам, а иногда с опасностью не только для своих интересов, но и для своей жизни. К сожалению, такие дворяне составляют меньшинство, большинство же дворян в смысле государственном представляет кучку дегенератов, которые кроме своих личных интересов и удовлетворения своих похотей — ничего не признают, а потому и направляют все свои усилия относительно получения тех или других милостей насчет народных денег, взыскиваемых с обедневшего русского народа для государственного блага, а не для личных интересов этих дворян-дегенератов. (С. Ю. Витте. «Воспоминания».)

В настоящее время наиболее взвешенное мнение (в том числе и автора этой книги) заключается в том, что русская революция была все-таки достаточно случайным событием, явившись результатом нескольких внезапно совпавших обстоятельств, в стечении которых не просматривается никакой логической связи. Многие из них, если бы не игра случая, могли происходить совершенно иначе... (Джордж Ф. Кеннан. «Маркиз де Кюстин и его «Россия в 1839 году».)

«Во время моей встречи с А. Ф. Керенским в 1956 году он сказал мне: «Мы были сами виноваты, что допустили чрезмерное влияние на нас западных союзников». (Валерий Овчинников, президент Попечительского совета Института глобальных технологий и сертификации бизнеса (Россия).

Глава первая. Расстановка сил будущего заговора и переворота.

В феврале 1917 года рассыпалась сказка о Святой Руси, о народе-богоносце, о могучей державе, о неодолимой русской силе и Царе, народном заступнике. Из окон и дверей опустевшего дворца вылезли ликующие карлики в пиджаках, и запылал пожар. Почему так случилось, никто не понимал, никто такого не желал, никто не затевал пожара, в котором они все сгинули. Как сон пролетело — 10-миллионная ар-

Журнальный вариант. Подготовлен при участии Екатерины РЫБАС.

мия, великая культура, имперская традиция. Ничего не осталось. Революция! То есть гигантское преступление, из-за своей обширности названное этим загадочным именем. Она началась почти 100 лет назад и, как уверен автор, не завершилась до сей поры. Возможно, при более детальном рассмотрении, выяснится: и не 100 лет назад, а гораздо раньше.

Что представляла собой Российская империя в начале XX века? Великая держава, соперничающая с другими великими — с Германией, Великобританией, Францией, Северо-Американскими Соединенными Штатами (США), Австро-Венгрией. Правда, она не самая развитая в промышленном и финансовом плане, ее население далеко не самое образованное и состоятельное, ее элита уже не едина. Однако потенциал огромен, темп развития высок, военная мощь колоссальна, внутренний рынок обширен, культурные и научные достижения бесспорны, предпринимательские круги пассионарны, интеллигенция бескорыстна, в целом оппозиционна коронной власти и политически активна.

Власть же сосредоточена в руках узкого правящего класса во главе с монархом, что на протяжении всей истории было вынуждено и объяснялось цивилизационными и географическими особенностями страны, необходимостью сохранить ее от распада. К примеру, император Николай I, говоря об особенностях российского управления, отчеканил, имея в виду сразу все, и климат, и связность территорий: «Расстояния — наше проклятие».

В целом такая картина: огромные пространства, недостаточная связь центра с регионами, постоянная борьба с холодным климатом, скудные почвы и урожаи, сверхнапряжение населения, колоссальные расходы на оборону, сверхцентрализация. Самое северное в мире государство (близко ничего нет похожего на теплый Гольфстрим!) должно было быть нежизнеспособно. Но Россия, пережив периоды раздробленности и смут, стояла. К XX веку многое стало меняться. Промышленный переворот вызвал к жизни образованный класс, обслуживающий это развитие и ставший конкурентом существующей системе управления. В политическом и философском плане это была борьба за демократические свободы. В историческом — напоминало противостояние двух разных русских государств, Новгородский купеческой республики и Московского княжества.

Новгородская вечевая демократия, опирающаяся на «акционерное общество» сорока купеческих семей, оказалась слабее, чем ориентированная на жесткую мобилизацию централизованная власть Москвы. Великий Новгород не смог и не захотел объединять необозримое торговое пространство Восточно-Европейской равнины, его устраивало положение регионального партнера германского купе-

ческого союза Ганзы. В противоположность Новгороду Москва, вынужденная платить дань Золотой Орде в денежной форме, развивала внутренний рынок, поддерживала на своих землях сельское хозяйство и ремесленное производство. Возможно, новгородцы победили бы москвичей, если бы их старшие партнеры, немцы, строили свой союз на иных основаниях. Ганзейские города в принципе были заинтересованы не в единстве Германии, а в развитии балтийской торговли. Как отметил теоретик «евразийства» Петр Николаевич Савицкий, «ганзейцы были полны сепаратизма, не осознавали общности своих интересов с интересами Германии».

Новгородцы следовали тем же курсом. Москва же, ведя борьбу за общерусские торговые пути, становилась «собирающей земель». В отношении всей Руси Новгород оказался «чужим», а Москва — «своей».

Что ж, аналогия не лишена оснований. В имперском политическом ядре родилось противостояние двух конкурирующих сил. Правда, сначала они не могли обойтись друг без друга, ибо для преодоления экономической архаики требовалось сотрудничество, потом обнажились противоречия. Весь XIX век мы видим постепенное изменение в составе экономически активного населения, простонародная Русь прорастала в торговлю и в промышленное производство, готовя для будущих политических столкновений энергичных «чумазых» борцов. Если бы сотрудничество завершилось мирно, то сейчас мы жили бы в другой стране.

Вспомним одну характерную подробность нашей истории. 4 мая 1935 года руководитель Советского Союза И. В. Сталин, проводивший, как и Петр Великий, самые радикальные реформы, выступал на приеме в Кремле перед выпускниками военных академий. Из тысячи с небольшим выпускников академий более половины были инженерами, из них 80 процентов направлялись не в армию, а в промышленные наркоматы. Обращаясь к ним, Сталин охарактеризовал дореволюционную Россию так: «Громадная страна, которая по своему составу, с некоторыми очагами промышленности, точками, где мерцают, теплятся огоньки культуры, а по преимуществу — Средневековье».

Здесь ключевое слово «Средневековье». В неправленной стенограмме сталинской речи оно есть, а в отредактированной и опубликованной в газете «Правда» оно отсутствует. Почему? Потому что яркие проявления прошлого еще не исчезли и в период социалистической модернизации, а в начале века — и подавно.

Второе важнейшее определение в той речи — о том, что современные кадры рекрутируются из среды простых крестьян, которые, добавим мы, стремились не только к социальному успеху, но и несли в

себе мощную традицию средневековой общинной психологии.

В начале XX века перед Санкт-Петербургской империей, которая жила европейскими заветами Петра Великого и одновременно традицией «властесобственности» Московского княжества, встал вопрос: как пройти по лезвию бритвы? Почему накануне решающих побед на фронте имперская элита в 1917 году совершила переворот?

Перед мировой войной Россия не успела завершить экономические реформы (Витте, Столыпин). Она находится перед решающей развилкой: либо продолжать догоняющую модернизацию, оставаясь сырьевым придатком Запада, либо совершить рывок, опередив собственное историческое время.

А что ждет ее в конце гонки? Очевидно, что элита обязана вести и ведет поиск альтернатив и сил, на которые можно опереться. Финансовых источников развития было мало: экспорт сырья и инвестиции иностранного капитала, внешние заимствования. Соответственно, за этими источниками стояли мощные группировки с разными интересами.

Между ними шла постоянная борьба. Возьмем так называемое «Дело «Продугля», синдиката, контролируемого французскими банками (75 процентов всей российской угледобычи). Для максимализации прибыли он применял запрещенные методы конкуренции — вплоть до искусственной приостановки производства с целью повышения цен. Конфликт государства и синдиката приобретал системные размеры. «В 1914 году в своих столкновениях с финансовым капиталом правительство уже чувствовало, что хотя оно и является распорядителем столь привлекательным для финансового капитала казенных денег, но уже далеко не свободным в своих действиях полновластным их хозяином. В отдельных группах буржуазии в это время заходят разговоры о власти. И вот правительство решает дать бой за свой авторитет. Эффект был неожиданный — вокруг «Продугля» под лозунгом «мы можем обойтись без чиновника» сплотилась вся крупная буржуазия, даже ее фракции, не особенно дружелюбно настроенные к иностранному капиталу» (*Гиндин И. Ф. Банки и экономическая политика России. (XIX и начало XX в.). Очерки истории и типологии русских банков. М., 1997. С. 225).*

Экономическая элита, влияя на партии, общественные движения, редакции газет, теснит государственную бюрократию и претендует на участие в реальной власти. А государство? Оно вынуждено лавировать и даже уступать. Не случайно английский экономист Теодор Шанин считал предвоенную Россию «полуколонией Запада».

Была на политическом поле, находясь несколько в тени, еще одна сила, независимая от иностранного ка-

питала и конкурирующая с «питерскими космополитами». Это были московские так называемые «ситцевые капиталисты». У них были свои банки и заводы, свои газеты и собственное видение будущего страны. Отечественная текстильная промышленность, берущая начало с крестьянских мануфактур, принадлежавших в основном старообрядцам, развивалась за счет собственных средств вне влияния иностранных банков. Они не забыли многовековых жестоких преследований за веру со стороны властей. Эта группа, «национальная Россия», сыграла выдающуюся роль в Феврале. В своей газете «Утро России» лидер группы Павел Рябушинский высказался предельно откровенно в отношении режима: «Жизнь перешагнет труп тормозившего ее сословия с тем же равнодушием, с каким вешняя вода переливается через плотину».

Москва выражала Санкт-Петербургу свое несогласие и претендовала на политическое лидерство. Такая активность не могла не вызвать сопротивления в столичных банковских кругах, в том числе экспортеров-сырьевиков и клиентов западных банков. Принадлежавшая Конституционно-демократической партии (кадеты) газета «Речь» обличала московский капитал как «самую косную, самую инертную разновидность русского капитала». В ответ газета «Утро России» заявила, что «купец» изуверился не только в правительстве, но и в кадетях, «представителях буржуазного социализма», не способных отстаивать общенациональные интересы, выражаемые московскими промышленниками. За месяц до начала мировой войны один из лидеров москвичей, крупнейший текстильный магнат, будущий министр торговли и промышленности Временного правительства А. И. Коновалов, с трибуны Государственной Думы резко выступил за защиту отечественного рынка против постоянного роста импорта, который он назвал «чрезвычайно печальным явлением»: «Сотни миллионов русского золота уходят за границу вместо того, чтобы оставаться в своей стране».

Сердцевиной мировоззрения старообрядцев были эсхатологические ожидания, т. е. представления о падении благочестия, о конце света и втором пришествии Христа. Они были убеждены, что Антихрист торжествует, и поэтому надо до второго пришествия хранить в первозданной чистоте истинную веру предков и свою религиозную общину. Каждый старообрядец исповедовал личную ответственность перед Господом и общиной. Отсюда и особая деловая этика старообрядцев, их стойкость, честность, мужество: «Все для дела — ничего для себя».

Если учесть, что патриархальная старорусская Москва всегда была внутренне оппозиционной к космополитическому Петербургу, то рост экономической мощи москвичей рано или поздно должен был приобрести и политическую направленность.

Как выразился известный критик российских порядков маркиз де Кюстин: «Если б великан, именуемый Российской империей, имел сердце, я сказал бы, что Кремль — сердце этого чудовища».

Впрочем, «косность» москвичей на самом деле была очень своеобразной и выражалась в проектах общенационального уровня. Так, они создали Художественный театр Станиславского и Немировича-Данченко, картинную галерею С. Н. Третьякова, организовали урановую экспедицию «отца русского атома» академика В. И. Вернадского и систему коммерческих училищ, основали первый в Европе Аэродинамический институт, начали строительство автомобильного завода АМО («Автомоторное общество», будущий советский завод ЗИЛ), издавали авангардистские журналы, строили в своих предприятиях больницы, школы и жилье для рабочих.

Но пока обе группы конкурировали, трудно было предвидеть, что они станут союзниками в политической борьбе. Для коронной власти было очень важно не дать им объединиться. Пусть экономика в руках буржуазии, но государство незыблемо в своей сословно-монархической основе и без его участия никакой бизнес не сможет развиваться. Результативна его ставка на форсированное развитие промышленности под защитой протекционистских тарифов и с привлечением западного капитала.

Упомянем и такую мощную группу, которую Александр Солженицын назвал «передовым отрядом, создавшим мир капитала (преимущественно в его финансовых формах)». Речь идет о предпринимателях-евреях. Будучи долгие годы ограниченными в правах, психологически закаленные и спаянные взаимовыручкой, они в чем-то походили на русских старообрядцев.

Кроме экономики, были еще другие индикаторы перемен — в образовании и культуре. Резко выросло число молодых людей, окончивших гимназии и реальные училища. По этому показателю Россия обогнала Францию, а по числу студентов вузов была на одном уровне с Великобританией. Зададимся вопросом о будущем этой молодежи. Куда она шла? На заводы и фабрики, в банки, в адвокатуру, в университеты, редакции газет и журналов, в медицину — словом, в те сферы, где общая динамика развития страны открывала ей дорогу. А в идейном плане, скажем прямо, это динамика либерально-оппозиционная. Она противоречит государственной консервативно-охранительной. И велик риск того, что сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин с сарказмом определил так: «Образование чревато кровопролитием».

Правда, мы еще не назвали молчаливое присутствие в нашей трагедии крестьянского общинного коммунизма, охватывающего большинство населения (85 процентов), живущего «натуральным про-

дуктом». Оно в своей основе было равнодушно к рыночным отношениям, и на него опирался политический режим. Император прежде всего был царем русских крестьян и только во вторую очередь — руководителем государства для остальных подданных. Чем отличается царь, Помазанник Божий, от государственного чиновника, не нужно объяснять. Он духовный вождь, обладающий безграничным доверием, мистической силой и неограниченной властью. Без него нет России.

Как известно, Россия по преимуществу православная страна. Христианство восточного обряда, принятое Древней Русью от Византийской империи, сыграло у нас выдающуюся роль. Философ Константин Леонтьев, посвятивший данной теме исследование «Византизм и славянство», писал: «Мы знаем, например, что византизм в государстве значит самодержавие. В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов. В нравственном мире мы знаем, что византийский идеал не имеет того высокого и во многих случаях крайне преувеличенного понятия о земной личности человеческой, которое внесено в историю германским феодализмом; знаем наклонность византийского нравственного идеала к разочарованию во всем земном, в счастье, в устойчивости нашей собственной чистоты, в способности нашей к полному нравственному совершенству здесь, долу. Знаем, что византизм (как и вообще христианство) отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов; что он есть сильнейшая антитеза идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства».

Пока Россия была единой — монарх и православный общинный народ, она была непобедима. Власть опиралась на многовековую традицию государственности, национальную культуру, опытный бюрократический аппарат, традиционные взгляды подавляющего большинства населения, поддержку Церкви, сильную армию, геополитических союзников.

Кто мог предугадать, что через несколько лет империи не станет, а царь и его семья будут убиты?

Глава вторая. Взрывая покой вечности.

Всеобъемлющий образ того времени дал философ Петр Струве: «Деньги, а не натуральный продукт, взрывают покой вечности».

Какая это «вечность», объяснил А. Н. Энгельс: «По понятиям мужика, каждый человек думает за себя, о своей личной пользе, каждый человек эгоист, только мир (мир) да царь думают обо всех, только мир да царь не эгоисты. Царь хочет, чтобы всем было равно, потому что всех он одинаково лю-

бит, всех ему одинаково жалко. Функция царя — всех равнять.

Во всяком случае, равнение, по мнению мужика, не может быть по отношению к кому-нибудь неправдой или обидой. Видя, что у помещиков земли пустуют или обрабатываются не так, как следует, видя, что огромнейшие пространства плодороднейшей земли, например, из-под вырубленных лесов, остаются неводеланными и зарастают всякой дрянью, не приносящей никому пользы, мужик говорит, что такой порядок царю в убыток».

Николай II вполне отвечал народным представлениям. Он был архаичен для своего времени, и никогда деньги не стояли у него на первом месте. Например, хранившиеся в английских банках его личные средства, 200 млн. рублей (сегодня это около 5 трлн.) он без колебаний пожертвовал во время войны на нужды раненых, увечных и их семей, не оставив себе ни одной копейки.

Еще ярче пример с освоением нефтепромыслов в Баку. Его двоюродный брат, великий князь Александр Михайлович, предложил создать государственное нефтедобывающее общество, прибыль которого должна была пойти на промышленные программы, в том числе судостроение. Правительство и император отвергли предложение, Александра Михайловича даже обругали «социалистом». В итоге, как писал великий князь, «нефтеносные земли были проданы за бесценок предприимчивым армянам (...) громадные суммы были потеряны для русского государственного казначейства безвозвратно».

Здесь надо дополнить воспоминания великого князя: не одни «предприимчивые армяне» стали владельцами бакинской нефти, но и Нобели, Ротшильды, Рокфеллеры, что вполне было в духе проводимой экономической политики.

Николай II — старший сын императора Александра III и императрицы Марии Фёдоровны, родился 6 (18) мая 1868 года в Царском Селе. Он получил качественное образование, продолжавшееся тринадцать лет. Первые восемь были посвящены предметам гимназического курса, но вместо латыни и древнегреческого языка преподавались минералогия, ботаника, зоология, анатомия, физиология, английский язык и расширено, по сравнению с гимназическим курсом, изучение политической истории, русской литературы, французского и немецкого языков. Четыре года он изучал предметы университетского курса (экономику, юриспруденцию, военное дело); потом занятия были продолжены ещё на один год. Он знал и любил отечественную литературу.

Цесаревич провёл два лагерных сбора в лейб-гвардии Преображенском полку, исполняя обязанности младшего офицера и ротного командира, затем два летних сезона — в лейб-гвардейском Гусарском

Его Величества полку взводным офицером и командиром эскадрона, еще один лагерный сбор — в рядах Гвардейской артиллерии. До вступления на престол командовал первым батальоном Преображенского полка. С 6 мая 1889 года участвовал в работе Государственного совета и Комитета министров, сопровождал своего отца в многочисленных поездках по стране. В 1892 году был назначен председателем Комитета по сооружению Великого Сибирского пути, возглавлял Комитет по борьбе с голодом 1891—1892 годов.

Кто может сказать, что это неудовлетворительное образование? Современные политики едва ли могут похвастаться подобным. Впрочем, дело было не столько в образовании.

Однако обратим внимание на одиночество будущего императора в детстве и юности. Его постоянно окружали взрослые люди, родственники, профессора, слуги, над которыми возвышался отец. Можно сказать, обычного детства не могло и быть, что и отразилось на его характере.

В апреле 1894 года цесаревич был помолвлен с принцессой Гессенской (род. 25 мая 1872 г.), дочерью великого герцога Гессенского, внучкой английской королевы Виктории и сестрой великого герцога Гессен-Дармштадтского Эрнеста-Людвига. Она рано потеряла мать, воспитывалась в Англии бабушкой, была красивой, умной, утонченной, любила и знала литературу, музыку, философию. Имела характер замкнутый и вплоть до замужества несла в душе глубокий отпечаток сиротства.

Невеста, принявшая в православии имя Александры Фёдоровны, прибыла в Россию за полторы недели до кончины императора Александра III (20 октября 1894 года). 14 ноября 1894 года состоялось бракосочетание Николая II с Александрой Фёдоровной, отныне ставшей российской императрицей. Вскоре после этого, вопреки надеждам образованного общества на политические перемены, молодой император, принимая поздравления по случаю бракосочетания от депутатов дворянств, земств, городских обществ и казацких войск, объявил: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления, пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой покойный незабвенный родитель» (*Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Вашингтон, 1981. С. 49*).

На глазах оторопевших депутатов (тех, кто понял, в чем дело) царь со всей откровенностью обнародовал, что не будет делиться властью ни с кем. Может быть, он вспомнил себя двенадцатилетним мальчиком у гроба убитого террористами деда и гиганта-

отца, отвергшего планировавшееся учреждение совещательного «протопарламента» при Государственном совете.

Его политический взор был, впрочем, обращен к отцовскому наследию, а не к депутациям. Вечером записал в дневнике: «Утомительный день! (...) Был в страшных эмоциях перед тем, чтоб войти в Николаевскую залу, к депутациям от дворянств, земств и городских обществ, которым я сказал речь».

Воспитанный под строгим присмотром отца, 26-летний царь имел характер скрытный, недоверчивый, упорный. Он осознавал свою миссию как самоотверженное и не связанное никакими земными расчетами служение Господу. Это часто отражалось в нежелании спорить с министрами, отстаивавшими иные, чем он, позиции, и неожиданных для них увольнений, — как им казалось, без всяких поводов и разногласий. Показательно, что у царя никогда не было личных секретарей. Он не любил доверять свои мысли другим людям, не хотел случайно оказаться под влиянием приближенного человека. Как вспоминал начальник канцелярии Министерства двора Александр Александрович Мосолов, царь «желал слушаться лишь своей совести».

Отцовское наследие было впечатляющим. В росписи доходов, составленной министром финансов С. Ю. Витте, указывалось, что с 1881 по 1893 год промышленность росла бурными темпами, только протяженность железных дорог увеличилась с 21 226 верст до 33 869, то есть на 60 процентов. Соответственно, железнодорожное строительство тянуло за собой металлургию, угле- и нефтедобычу, тяжелое машиностроение, электроиндустрию, химическое производство.

После Крымской (Восточной) войны, проигранной из-за технологического отставания от Англии и Франции, это были свидетельства подлинной промышленной революции, ставшей памятником покойному императору, который без либеральных послаблений вел страну к преуспеянию. К заслугам и его, и его отца следует отнести выбор выдающихся экономистов на пост министра финансов, который последовательно занимали профессор-экономист Киевского университета Св. Владимира Н. Х. Бунге, профессор-математик и директор Петербургского технологического института И. А. Вышнеградский, железнодорожный управляющий С. Ю. Витте. При их активном участии был разработан покровительственный тариф 1891 года, сыгравший исключительную роль во внешнеторговой политике России и ставший защитой для развивавшейся промышленности.

Покойный император был сторонником мирного развития страны, его неофициально именовали Миротворцем, поэтому его сын мог спокойно смотреть в будущее, следуя по проторенному пути. Была приня-

та «винная монополия», о которой критики говорили, что правительство «спаивает народ», хотя на самом деле была ликвидирована старая коррупционная «откупная» система, породившая особую группу предпринимателей, сконцентрировавших у себя огромные капиталы. Государственная монополия пополнила бюджет, устранив посредников. Важнейшим решением Николая II стал переход к золотому обеспечению рубля, что стабилизировало курс российской валюты и гарантировало устойчивый приток зарубежного капитала. Таким образом, он подвел итог подготовительной работы, начатой еще министром Бунге. Была ликвидирована неустойчивость рубля, тормозившая развитие торговли и промышленности. Правда, пострадали помещики-хлеботорговцы, для которых слабый рубль был выгоден. Но что тут удивляться? В целом вся экономическая политика базировалась на решительном изымании средств из сельского хозяйства и перекачивание их в промышленность.

Что означал переход на золотой стандарт с точки зрения международных финансов? Однозначного ответа мы не найдем. Экономисты правого толка проклинали Витте, банкиры и либералы — возносили до небес. Ответить на вопрос поможет статья в старом советском журнале: «(...) послевоенная политика американского финансового капитала состоит в насаждении золотого стандарта в европейских странах с целью создать «устойчивую обстановку и помешать торговому соперничеству конкурентов, прибегающих к «демпингу» на основе низкой валюты. «Мы не можем забывать, — пишет партнер Моргана, Лямонт, — что развитие нашей внешней торговли, которая по импорту и экспорту достигла в 1928 г. 10 млрд. долл., в значительной степени зависит от регулярного и четкого функционирования нашей международной банковской системы, которая в свою очередь во многом зависит от сохранения золотого стандарта» (Танин М. Борьба мировых финансовых центров. Журнал «Международная жизнь» № 6. М., 1930. С. 29).

Да, Витте осознанно шел на включение слабой финансовой системы России в международную, где надеялся со временем если не обыграть конкурентов, то подтянуться к ним.

Глава третья. Гибель во имя развития?

Российская империя была построена дворянами и погублена дворянами. В течение почти двухсот лет, от Петра Великого, сделавшего из них пожизненных «слуг государевых», которых от службы могли освободить только увечье или смерть, до Петра III, освободившего их от обязательной службы, и Великих реформ, отнявших у них крепостных работников, первое сословие постепенно утрачивало свое главенство. Оно становилось похоже на разбитого пара-

lichem родственника, который уже не живет и еще не умирает. Потомки героев Полтавы, Бородина, Севастополя в большинстве своем либо превратились в чиновников, либо, заложив и перезаложив свои имения в Дворянском поземельном банке, становились экономическими мертвецами.

Как отмечал инженер и предприниматель барон Николай Врангель, отец белогвардейского генерала Петра Врангеля: «Ни помещики, ни крестьяне к новым порядкам подготовлены не были, с первых же шагов начались хозяйственная разруха и оскудение. Помещики, лишившись даровых рук, уменьшили свои запашки, к интенсивному хозяйству перейти не сумели и в конце концов побросали свои поля, продавали свои поместья кулакам и переселялись в город, где, не находя дела, проедали свои последние выкупные свидетельства. С крестьянами было то же. Темные и неразвитые, привыкшие работать из-под палки, они стали тунеядствовать, работать спустя рукава, пьянствовать. К тому же в некоторых губерниях наделы были недостаточные. И повсюду попадались заброшенные усадьбы, разоренные деревни, невозделанные поля. Леса сводились, пруды зарастали, молодое поколение крестьян уходило в города на фабрики. Старая Русь вымирала, новая еще не народилась».

Уже требовались не отвага и мужество в битвах, а иные достоинства. К 1897 году почти половина (47,2 процентов) дворян, проживавших в Европейской России, утратили связь с землей и были горожанами, тогда как еще тридцать лет назад таких было только 15–20 процентов.

Дворянские дети смотрели на жизнь другими глазами, хотя коронная власть по-прежнему считала их неизменной опорой. «После крестьянской реформы 1861 года первое сословие передало вчерашним крепостным почти треть (28 процентов) своей земли. С 1862 года оставшиеся в руках дворян европейской части России 87,2 млн. десятин (без учета земель в прибалтийских губерниях) сократились за следующие 52 года до 41,1 млн. десятин — на 53 процента. И не надо обольщаться мыслью, что оставшиеся землевладельцы располагали обширными поместьями. На самом деле, судя по структуре частного личного землевладения в Европейской России, мелких собственников (до 100 десятин) было огромное количество — 91,7 процента, а крупных (свыше 1 тыс. дес.) — 1,2 процента (*Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.). В 2 т. М., РОССПЭН. 2008. Т. 1. С. 823*).

Угасала поместная Атлантида, поэтично описанная мелкопоместным орловским дворянином, нобелевским лауреатом Иваном Буниним.

Но если посмотреть с другой стороны, в Англии и Франции капитализм утверждался в результате взрывных буржуазных революций, разгромивших феодаль-

ную власть, и после этого распространение новых социальных законов на соседние страны стало подобно медленному истеканию лавы из вулкана. Теперь реформы стали возможны эволюционными средствами, постепенными уступками правящей элитой своих абсолютных прав. Как сказал Царь-Освободитель, лучше было дать волю «сверху», чем дожидаться освобождения «снизу». «Сверху» — означало минимальные необходимые жертвы со стороны дворянства ради сохранения доминирующего положения, чтобы успеть перестроить полусонную экономику.

Поэтому освобождение крестьян было весьма условным, так как главный источник их существования, принадлежавшая дворянам земля, подлежал денежному выкупу и переходил не в личную собственность, а в распоряжение своеобразного посредника — крестьянской общины.

Реформа была попыткой удовлетворить обе стороны противостояния, однако этого не случилось и не могло быть в принципе. И вот почему. Крестьянин выплачивал помещику 20 процентов выкупной суммы, а остальные 80 процентов вносило государство, кредитую «освобожденных» на 49 лет. Ежегодный платёж по этому кредиту составлял 5,6 процента выкупной суммы, и общая сумма выплат составляла 294 процентов от суммы кредита. Финансовый итог — к 1906 году крестьяне заплатили 1 млрд. 571 млн. рублей выкупа за земли, стоившие 544 млн. рублей. Помещики же получили сумму, равную трем государственным бюджетам, — правда, большинство поместий к тому времени было заложено и доход от продажи земли значительно уменьшился. И что очень существенно — помещики лишились даровой рабочей силы и утратили господствующее положение в своей местности.

Крестьяне тоже были сильно разочарованы, посчитав «освобождение» обманом со стороны помещиков. Их «благодарность» была выражена 1176 восстаниями (с 1855 по 1860 год их было 474). За два года после реформы правительство успокаивало своих поданных военной силой в 2115 сёлах. Именно тогда под фундамент империи был заложен фугас революции, взорвавшийся сначала в ногах Царя-Освободителя, а потом разметавший и все государство.

Молодой император должен был знать о настроении народа. Реформа вызвала процесс быстрого обнищания крестьян, средний земельный надел с 1860 по 1880 год в связи с ростом населения уменьшился с 4,8 до 3,5 десятин (почти на 30 процентов), появилось множество разорившихся крестьян, живших случайными заработками, чего практически не было до «освобождения».

Перерождение дворян-землевладельцев стало признаком драматических перемен, как будто в государственном корабле команду поразила невиди-

мая болезнь. Этот поворот произошел на фоне индустриализации, расширения внешней торговли и втягивания населения в торгово-производственную деятельность.

Авторы Великих реформ 1860-х годов поняли, что в управлении происходит что-то непредвиденное — тогда последовал указ о создании земского самоуправления, легендарного русского земства, столь много сделавшего и выдвинувшего на имперскую сцену деятельное поколение политиков, которые в конце концов стали во главе Февраля. Одной из целей Земской реформы было стремление «вознаградить дворян за потерю помещичьей власти», предоставив им «первенство в местной хозяйственной администрации». Однако «вознаграждение» вывело в лидеры провинциальной жизни отряды кооператоров, учителей, агрономов, механиков, врачей, землемеров, которые самым фактом своей деятельности противостояли старорежимным дворянам.

Огромные выкупные платежи за землю, полученные помещиками после реформы 1861 года, улетели как дым. П. П. Рябушинский прямо обвинил первое сословие: «дворянский класс, давший России писателей и поэтов, наслаждался жизнью, но совершил великий и тяжкий грех тем, что не приблизил к культуре толщи русского народа».

Более того, со временем земцы дали подопечным крестьянам не только практические знания, но и нечто другое. Одно из самых радикальных выступлений земских деятелей конца 1870-х годов — записка И. И. Петрункевича (в будущем — депутат Государственной Думы, один из учредителей Конституционно-демократической партии, ставшей мозговым центром Февраля) «Очередные задачи земства» (1879) с требованием свободы слова и печати, созыва Учредительного собрания. Вершиной земского самоуправления виделся созыв представительного органа при императоре. Экономические требования земского либерализма заключались в снижении выкупных платежей, отмене паспортной системы и круговой поруки для крестьян, отмене подушной подати, введении прогрессивного подоходного налога, организации переселений и мелкого поземельного кредита для крестьян как способов решения проблемы малоземелья. Короче говоря, весьма быстро земство превратилось в еще до конца не оформленную политическую структуру.

К тому же изменился состав населения. В 1860 году, накануне Великих реформ, в России было около 20 тысяч интеллигентов, к концу века — около 200 тысяч (свыше 2 процентов от 125 миллионов населения). Эта армия не могла долго оставаться без стратегии, штабов и командиров.

От статистики перейдем к показаниям уникального свидетеля — Сергея Терентьевича Семенова.

Ровесник царя, родившийся в 1868 году в деревне Андреевское Волоколамского уезда, Московской губернии, он был не обычным крестьянином, а еще писателем, автором шеститомного собрания сочинений, лауреатом Пушкинской премии Российской академии наук. Обратимся к его автобиографической книге «Двадцать пять лет в деревне», в ней дышит история без иллюзий и прикрас.

Вот печальная ситуация, сложившаяся после крестьянской реформы. «Заработков местных не имелось никаких: ни железной дороги, ни фабрик поблизости не было. Именья помещичьи пустовали, так как наймом обрабатывать их помещикам не было никакого расчета, а дарового труда уже негде было взять. Поэтому помещики их покинули; если же которые и жили в деревне, то так бедствовали, что и дорогостоящие уголья продавали за бесценок (...) Только и ценился один лес. Лес покупали всюду, рубили его беспощадно и сплавляли по реке в Москву. Некоторые деревни имели в таких лесах по зимам заработков, но наша деревня стояла от этого в стороне, и разве кто-нибудь в одиночку ходил гонять плоты и то очень редко. Жалоб на свое положение, конечно, слышалось много, особенно в малоурожайные годы или после какого-нибудь несчастья: пожара, падежа скота... Жалели даже иногда о крепостном праве. «Что ж это за жизнь, — говорили, — хуже барщины. При господах, бывало, плохо-плохо, а случится какая беда, идешь к барину, и он тебе поможет, потому что ты ему нужен... Да теперь куда идти? Кому мы нужны?» (Семенов С. Т. *Двадцать пять лет в деревне*. «Посредник». Петроград, 1915. С. 4.).

Отпущенные в свободное плавание крестьяне должны были приспособиваться к небывалым условиям существования. Обширная российская Атлантида разрушалась, в деревню словно ворвались бесы, резко участились грабежи, разбои, убийства. Казавшаяся незыблемой крепостью община утрачивала прежнюю силу. Деньги! Вот что выходило на первый план, рационализация всей жизни, новая цена или обесценивание скрепляющих традиций.

Семенов повествует, что постепенно в деревню приходили новые технические культуры, гораздо более выгодные посевы льна, травосеяние, железные плуги заменяли деревянные сохи. «Постепенно земля входила в моду». Это означало, что повышается товарность хозяйства, мужик задумывается о возможностях его развития. И упирается в практику *всех равнять*. А это значит, что начинает мешать община, польза которой ему тем не менее ясна: традиция взаимопомощи, поддержка дорог зимой, строительство мостов и переправ, прудов, колодцев, защита от воров, грабителей, поджигателей, содержание общественных хлебных магазинов на случай неурожая... После проведения Московско-

Виндавской железной дороги ситуация все круче менялась: в округе стали появляться новые рынки и исчезали старые, строились земские школы, библиотеки, больницы и фельдшерские пункты, склады сельскохозяйственных орудий, магазины сортовых семян, ввели страховку от пожаров и т. д. Но против земства активно выступали крупные землевладельцы, так как теряли от конкуренции: травосеяние отбило у них крестьянскую аренду покосов, распространение грамотности создавало иную культурную обстановку, земская интеллигенция изменяла социальную обстановку. И вот результат: «В уездном городе все интеллигенты получали подметные письма, в которых грозили, что их убьют».

Удивительно наблюдение Семенова о том, какую литературу предпочитали крестьяне: совсем не читается Тургенев с «Охотничьими рассказами» и поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», зато интересны «Капитанская дочка» Пушкина, «Кавказский пленник» Льва Толстого, «Сигнал» Всеволода Гаршина. Кажется, уж на что уж «народные» Тургенев и Некрасов, но их взгляд слишком «дворянский», чужой. Разумеется, культурные запросы простого народа не отличались эстетизмом. Да, неразвитый был народ, его ментальность была двойственна. Большинство по-прежнему находилось под властью общинных коллективистских представлений, молодые и грамотные крестьяне, имевшие постоянные заработки в городе, уже выражали другие установки. В народной, лубочной литературе, которую они читали, появились новые герои. До конца XIX века в этих книжках свобода и порядок рассматривались как взаимоисключающие категории. Противостояние выражалось в образе разбойника, который восстает против власти и становится свободным. В старых изданиях показывалось, что разбойник обречен и полученная незаконным способом свобода давит тяжким бременем. Он должен либо погибнуть, либо раскаяться. Раскаяние сопровождалось героическими деяниями во благо общины, Церкви, государства. Индивид всегда уступал требованиям общины. Но эта доминанта изменяется, рядом с разбойником появляется новый персонаж — частный сыщик Нил Кручинин, такой же свободный, как и разбойник, но защитник общественного порядка и справедливости. Кроме сыщика, в начале века родился еще один персонаж — предприимчивый человек, полагающийся на свои силы. Рынок народной литературы отразил появление потребителей новой философии.

Показательно, что, по словам А. А. Мосолова, простые люди, обслуживавшие царя и царицу, в политическом плане стояли не на стороне монархов. «При выборах в Думу дворцовая прислуга голосовала преимущественно за эсеров». Напомним, что эсеры были проводниками и боевиками террора.

Какой же вывод? К примеру, в 1902 году на заседании губернского комитета гродненский губернатор (будущий премьер-министр) Петр Аркадьевич Столыпин, говоря о модернизации деревни, подчеркнул: «Ставить в зависимость от доброй воли крестьян момент ожидаемой реформы, рассчитывать, что при подъеме умственного развития населения, которое настанет неизвестно когда, жгучие вопросы разрешатся сами собой — это значит отложить на неопределенное время проведение тех мероприятий, без которых немыслима ни культура, ни подъем доходности земли, ни спокойное владение земельной собственностью».

Столыпин не был склонен идеализировать сельских хозяев. Экономическая обстановка диктовала необходимость расширения внутреннего рынка для растущей отечественной промышленности, а сделать это можно было только включив в активную экономическую деятельность народные массы. Не спрашивая их согласия.

Индустриализация делалась за счет сельского хозяйства, аграрный сектор облагался налогами в 3—3,5 раза выше, чем промышленный, что уже упиралось в тупик по причине схлопывания внутреннего рынка.

Само по себе перекачивание денег в промышленность (в «капиталистического паразита», по Марксу) было разрушительно для архаичной массовой культуры.

Вот тут и началась драма Семенова и его односельчан, которые хотели выйти из общины, выделить свой надел из общественной земли и стать полными юридическими собственниками. Да, это была война. Она случилась уже после 9 ноября 1906 года, когда был подписан указ императора, разрешающий крестьянам беспрепятственно выйти из общины. Впрочем, попытка Семенова получить свой участок земли, так называемый отруб, встретила ожесточенное сопротивление авторитетных стариков и подчиненного им большинства. Вся низовая власть: староста, волостной писарь, уездный начальник — встала стеной против Семенова. В ход пошли лжесвидетельства, запугивание, угрозы убить, препятствование страхованию от пожара, даже глумление над государственными землемерами. Особую силу продемонстрировало сельское общество, когда Семенов, вопреки его решению, вышел пахать в церковный храмовый праздник. На него подали коллективную жалобу уездному начальству, судебный следователь объявил, что по 182 статье Уголовного уложения Семенову грозит от четырех до восьми месяцев тюрьмы — за кошунство. Это было как страшный сон, хотя совсем недавно в газете «Русские ведомости» было опубликовано разъяснение Сената: никому нельзя запрещать работать, особенно в сельском хозяй-

стве. Выездная сессия Московского окружного суда, несмотря на отказ прокурора от обвинения, приговорила Семенова к пяти дням ареста. Правда, крестьянина спасло то, что по данной статье «вышел срок давности».

В деревнях еще действовала традиционная солидарность. Газеты были полны сообщений, что «расправы из-за земельных разделов шли по всей Руси». И отступников убивали, и жгли, и изгоняли из сел. В конце концов Семенов и его единомышленники добились своего: против государственного давления сельская община не могла устоять. Он испытывал огромное удовлетворение. («Сразу же обнаружился новый подход к земельной работе, выплыла редкая заботливость к земле».) Однако в декабре 1922 года в той истории была перевернута последняя страница, односельчане (как тогда писали газеты, «банда кулаков») убили Семенова.

Судьбу этого уникального крестьянина нельзя рассматривать отдельно от судеб царя, Витте, Столыпина и вообще всей империи, которая должна была двигаться вперед, разрушая и одновременно перестраивая самое себя. Отдельно взятый Сергей Терентьевич Семенов тоже был и разрушителем, и строителем. Даже его гибель от рук земляков, таких же, как он, русских крестьян, была показательна. И закономерна.

Что же касается взаимоотношений не внутри простого народа, а между двух краев российского населения, простонародной Руси и дворянской верхушки, то здесь нельзя говорить о какой-то солидарности. Если среди дворян было немало «кающихся интеллигентов», то крестьяне смотрели на господ очень трезво.

Характерный случай приводит Н. Е. Врангель. Одна «молодая княгиня Б.», которую в высшем свете считали «немного красной» за то, что она «любуется с народом» (создала за свой счет школу и больницу), во время аграрных погромов 1904–1905 годов натолкнулась на крестьянские претезии: у нее потребовали «какую-то пустошь», грозили поджогом. Помещица примчалась в деревню, позвала крестьян «побеседовать». Явились все, стали убеждать, что любят ее, что она красавица, что пальцем тронуть ее не посмеют. Выслушав, княгиня спросила: «Вы моему слову верите?» И, получив заверения, пообещала: «Если меня кто-нибудь обидит, хоть одну скирду спалит, спалю и вашу, и все соседние деревни. Поняли? Состояние на это потрачу, в Сибирь пойду, а сожгу дотла. Даю обет перед Богом. Не исполню, пусть меня гром убьет на месте. Смотрите! Вот крест кладу перед образом. А теперь ступайте по домам; разговаривать с вами больше не желаю». Эта история завершилась так: «Соседей всех разграбили, у нее и курицы не тронули».

Отважная княгиня тогда сохранила свое имущество. Однако под тонким слоем столыпинского рационализма тяжело шевелилась магла древних уравнилельных идеалов. Убийственный по разрушительности заряд культурного «низа» грозил сломом государственному порядку, сделавшему ставку на раздробление крестьянского мира на отдельные единицы.

Царь не хотел разрушения общины. Она могла быть жизнеспособной и созидательной, крестьяне, переселяясь в Сибирь, ее восстанавливали, создали на ее базе многочисленные кооперативы, которые даже вели торговлю с зарубежными странами.

У него были и более определенные поводы для глубоких раздумий. Главный из них: как обеспечить безбедное существование России в окружении в иных государств, более сильных, более изощренных отстаивании своих интересов. Он должен был обращаться к опыту своих предшественников, мысленно вступая в беседы с прошлым. Еще у Льва Толстого в «Войне и мире» сказано: «Царь — раб истории».

Отец правил твердой рукой, но деда убили народолюбцы, прадед Николай закончил свои дни в глубокой печали после поражения в Крымской войне, Александр I, победитель Наполеона, в конце жизни разочаровался в либеральных началах, которым был привержен с юности, и стал консерватором, а Павел I был убит приближенными. Кто из них был счастлив? Да и можно ли императору говорить о счастье? Показательно, что Александр III, проживая с семьей в Гатчине в замке, некогда бывшем резиденцией Павла I, время от времени заходил в мемориальные комнаты убитого императора, где находились привезенные из Михайловского замка его трон и кровать, и подолгу там находился, о чем-то размышляя. Неужели он предчувствовал судьбу своего сына и своих внуков?

Николай II был счастлив только в семье — и не далее семейного круга. Дальше начинались обширные владения многочисленной родни — великих князей, их жен, сыновей, внуков, у которых были личные интересы и обязательства. Дядья, которые привыкли видеть в нем мальчика, пытались навязать ему свои решения, не стеснялись приводить без разрешения в его семейное застолье незнакомых людей, что вообще выглядело верхом неприличия. А он — один, у него обязательства только перед Россией.

Память о Павле была очернена дворянским общественным мнением — и не случайно. Этот император, вспыльчивый, жаждущий справедливости, долго проживший под присмотром матери Екатерины Великой, которая, как он считал, узурпировала трон, едва не разорил первое сословие, начав борьбу с Британией, не желая понимать, что экономические интересы российских верхов входят в противо-

речие с его действиями. В описании будущего декабриста М. Фонвизина объяснялось: «Павел, сперва враг французской революции, готовый на все жертвоприношения для ее подавления, раздосадованный своими недавними союзниками, которым справедливо приписывал неудачи, испытанные его войсками... вдруг совершенно изменяет свою политическую систему и не только мирится с первым консулом Французской республики, умевшим ловко льстить ему, но становится восторженным почитателем Наполеона Бонапарта и угрожает войною Англии. Разрыв с нею наносил неизъясненный вред нашей заграничной торговле. Англия снабжала нас произведениями и мануфактурными, и колониальными за сырые произведения нашей почвы. Эта торговля открывала единственные пути, которыми в Россию притекло все для нее необходимое. Дворянство было обеспечено в верном получении доходов со своих поместий, отпуска за море хлеб, корабельные леса, мачты, сало, пеньку, лен и пр. Разрыв с Англией, нарушая материальное благосостояние дворянства, усиливал в нем ненависть к Павлу, и без того возбужденную его жестоким деспотизмом. Мысль известить Павла каким бы то ни было способом сделалась почти всеобщей».

Не касаясь всех внешних и внутренних обстоятельств павловской политики, касаемся лишь одного — в 1800 году Россия вступила в антибританскую коалицию, и в Англию прекратился всякий ввоз товаров, многие порты в Европе для нее закрылись, нехватка хлеба грозила ей голодом.

В ночь с 11 на 12 марта 1801 года Павел был убит гвардейскими офицерами в собственной спальне в Михайловском замке. Его сыновья Александр и Константин знали о заговоре, хотя не предполагали, что отца убьют.

Колебания российской внешней политики напрямую отражались на внутренних делах. Так, после Тильзитского мира с Наполеоном полным ходом пошло замещение импорта: в 1808 году была основана первая частная бумажная фабрика (в 1812 году в одной Москве их было 11); вместо английской пряжи появилась отечественная; началось широкое строительство фабрик и заводов. Русский купец смотрел на англичан как на вредных конкурентов и был рад их исчезновению. Помещики терпели убытки, а купцы и новые заводчики могли благодарить Наполеона.

Идеологом торговцев и промышленников был сын священника Михаил Сперанский, секретарь императора, фигура в российской истории трагическая. Перспективу он видел в развитии свободного предпринимательства, что совпадало с успехом бумажных и текстильных мануфактур, где практически не было принудительного труда, и отвергал

практику старых отраслей производства, железодельных заводов и суконных фабрик, где работали приписные крестьяне. И хотя помещичье землевладение с крепостными крестьянами по сравнению с новыми производствами было безбрежным океаном, Сперанский был его опасным оппонентом. Сперанский считал необходимой выборность существенной части чиновников и законодательное установление их ответственности (включая ответственность министров перед законодательным органом). А также повышение роли судебной власти и соблюдение принципа разделения властей.

Изменение внешнеполитической ситуации перевернуло внутреннюю. Когда Россия разорвала союз с Францией, последовало и падение Сперанского, «изменника» в глазах крупных землевладельцев. Он был сослан в Сибирь, а когда возвращен, то уже не занимался социальными «мечтаниями».

Что же касается итогов Отечественной войны 1812 года, то победа России оказалась прежде всего торжеством Англии, устранившей самого главного конкурента, французского императора.

Поначалу казалось, что вывоз хлеба в Англию, выросший в 1813—1817 годах в пять раз, долго будет радовать российских помещиков за их правильный политический выбор, но как быстро изменилась конъюнктура! Лондон очень скоро продемонстрировал приоритет собственных интересов, и российские помещики были возмущены его беспредельной неблагодарностью. Но чего они хотели? Речь шла о прибыли британских земельных собственников: были подняты таможенные пошлины на ввозимое в Англию чужое зерно (так называемые «хлебные законы»), и российские «сырьевики» понесли огромные потери.

Английская газетная карикатура демонстрирует эту перемену: русский купец, прибывший на своем корабле, показывает товар: «Вот отличное зерно! Отдаю его по 50 шиллингов». Английские лендлорды отвечают: «Не желаем вашего хлеба, мы удерживаем цену своего зерна на 80 (шиллингов). А если бедняки не могут за него платить, то пусть мрут от голода» (*История XX века. Под редакцией Лависса и Рамбо. Пер. с французского. «Издательство политической литературы». М., 1940. В 10 тт. Т. 4. С. 6*).

Так что многие опасности мог увидеть Николай II в зеркале истории. Главная — у России не было постоянных союзников.

Глава четвертая. Витте — агент биржи, дикарь, циник, великий государственный?

Вообще С. Ю. Витте можно рассматривать как символ. В любом случае такой человек должен был появиться, чтобы возглавить перестройку всего российского здания. Его предшественники на посту ми-

нистра финансов, возможно, тоже были перестройщиками. Без некоторых виттевских качеств.

Кто он? Дворянин, сын крупного чиновника Кавказского наместничества, внук генерала. Его мать из рода князей Долгоруковых. Семья по духу была монархической, но связь с землей уже утратила, не имела поместий, позже потеряла свои сбережения после попытки играть на бирже. Юный 17-летний провинциал поступил в 1866 году на физико-математический факультет Новороссийского университета в Одессе (а не в Санкт-Петербургский), что свидетельствует о скромных возможностях семьи. Одновременно он был репетитором сыновей одесского банкира Рафаловича, связи которого вскоре весьма ему помогли. А связи отца и деда помогли ему стать чиновником в канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, где занимался вопросами службы движения железных дорог. Железные дороги буквально тащили на себе промышленный прогресс. И почти сразу стал работать в управлении Одесской казенной железной дороги, не постеснялся поработать грузовым кассиром, конторщиком, помощником машиниста. Затем стал начальником конторы движения, что вполне можно объяснить уже личными способностями. В 1877 году (ему 28 лет) стал начальником эксплуатации Одесской железной дороги, оказавшейся в том году прифронтовой в связи с начавшейся Русско-турецкой войной.

Патриотический подъем привел молодого железнодорожника в Одесское благотворительное общество имени Кирилла и Мефодия, где он стал заместителем председателя и познакомился с председателем Славянского комитета И. С. Аксаковым и редактором влиятельной газеты консервативного направления М. Н. Катковым. Он оказался в зоне большой политики, сумел проявить себя сильным администратором, был замечен великим князем Николаем Николаевичем-старшим и получил две высочайшие благодарности. Спустя два года он уже руководил перевозками Юго-Западных дорог, от его решений зависела экономическая жизнь на огромной территории. Витте назначают членом правительственной комиссии, созданной указом Александра II «для исследования железнодорожного дела в России» и разработки устава русских железных дорог. Председателем правления Общества Юго-Западных железных дорог был варшавский банкир И. С. Блюх, владевший большими пакетами акций крупных железнодорожных обществ. Жил в Варшаве, делами же руководил вице-председатель правления, выдающийся математик-машинистроитель, профессор Михайловской артиллерийской академии И. А. Вышнеградский, будущий министр финансов.

Таким образом, Витте оказался связан с представителями двух мощных ветвей экономики — бан-

ковским капиталом и военной промышленностью. Своим математическим умом он смог охватить важнейшие проблемы развития отрасли, напечатал книгу «Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов», которая принесла ему известность. В 1889 году министром Вышнеградским он был назначен начальником образованного специально под него Департамента железнодорожных дел при Министерстве финансов, начал проводить политику выкупа казной многочисленных частных железных дорог. В феврале 1892 года он назначается управляющим Министерства путей сообщения, в августе того же года — управляющим Министерства финансов, а в 1893 году, в возрасте 44 лет, — министром финансов. Так началось «государство Витте».

Вышнеградский был выдвиженцем влиятельной политической группы Победоносцева — Каткова, экономическая программа которой предусматривала развитие национальной промышленности, протекционизм, контроль над биржевыми операциями и частным предпринимательством, государственные монополии (винную и табачную), экономическую поддержку дворянского землевладения при помощи Дворянского и Крестьянского банков, укрепление общинного землевладения.

Некоторые подробности начального периода виттевской карьеры содержат воспоминания редактора газеты «Биржевые ведомости» Поппера. Когда Витте в феврале 1882 года получил пакет из императорской канцелярии о назначении управляющим МПС, Поппер находился в его кабинете и наблюдал восторг назначенца, а на следующий день выслушал его программу первых шагов на новом посту. Главные ее пункты состояли в реорганизации расписаний железных дорог для своевременного снабжения семенным зерном голодающих районов и привлечении к работе «известных ему со времен Юго-Западных дорог» евреев-хлеботорговцев.

«Они знают, как вытащить застрявшую телегу из грязи, и я с ними установлю такой порядок определения цены, чтобы транспортные расходы входили в цену товара, существующую не в Одессе, Киеве или Либаве, а в месте назначения с ограниченным сроком поставки и высоким штрафом поставщиков за его нарушение. Остается лишь мало времени. Цена, — к этому нужно быть готовыми, — будет, пожалуй, значительно выше. Нужно еще в Министерстве внутренних дел получить кучу разрешений на пребывание и передвижение еврейского персонала, в худшем случае я обращусь в Комитет помощи (голодающим) под председательством наследника. Вы можете себе представить, — добавил Витте, смеясь, — выражение лиц полицейских начальников в Бугульме, Чистополе или Уральске, когда прибудет бердичевская гвардия. Но без шуток, я уверен, что только ев-

реи с их невероятной энергией смогут вовремя доставить семенное зерно к месту назначения».

В то время он не был антисемитом, каким стал позже. Предпринятая акция удалась, а затребованные торговцами цены оказались даже ниже рассчитанных губернскими правлениями».

Витте стал отцом российской модернизации, создателем нового политического строя, парламентской монархии, и «ускорителем» революции, чего он, конечно, не желал. Он сформулировал задачи ближайших десяти лет: догнать промышленно развитые европейские страны, закрепиться на рынках Ближнего, Среднего и Дальнего Востока. Ускоренное развитие обеспечивалось привлечением иностранных займов, накоплением внутренних ресурсов за счет винной монополии и увеличением косвенных налогов, таможенной защитой промышленности от западного импорта и поощрения экспорта. Государственная монополия на продажу спирта, вина и водки действительно дала бюджету огромные средства. Кстати, «золотая реформа», обеспечив приток иностранных инвестиций, повысила себестоимость зерна, что ударило по помещичьим и крестьянским хозяйствам.

За десятилетие с 1891 по 1900 год, как и предполагал Витте, промышленное производство удвоилось — с 1493 до 3083 млн. рублей. Особенно мощно оно развивалось в южнорусских губерниях — это угледобыча, металлургия, металлообработка, — куда на работу хлынул поток русских крестьян из центральных губерний, сделавший малонаселенный регион русской Новороссией, «Новой Америкой». В частности, производство чугуна выросло в три раза, суровых хлопчатобумажных тканей на 75 процентов, добыча каменного угля почти в 2,7 раза. С 1895 по 1899 год ежегодно строилось 3064 километра железных дорог. Нефтяная промышленность вышла на международный уровень, успешно конкурируя с американской. В российскую экономику активно вошел иностранный банковский капитал — преимущественно французский. В итоге доля России в мировом промышленном производстве поднялась до 5 процентов (пятое место в мире). К началу XX века более 40 процентов действовавших фабрик и заводов вступило в строй в годы этого подъема.

Вообще анализ финансового рынка может открыть малоизвестные явления политической истории России. В том числе и его влияние на природу Февраля, так как противоречия между русскими и иностранными финансово-промышленными группами стали одной из причин крушения империи. Здесь надо учесть одно важное обстоятельство: «Российские банки не были продуктом эволюции российской национальной экономики, напротив, именно они подготовили и проложили дорогу этой

эволюции» (*Эпштейн Е. М. Российские коммерческие банки (1864–1914). Роль в экономическом развитии России и их национализация. Пер. с франц. А. А. Елистратова. РОССПЭН. М., 2011. С. 79*).

Поэтому созданная в результате Великих реформ банковская сеть имела, позволительно сказать, не вполне российское обличье (что и заставило Витте отбросить славянофильские идеи). Крупнейшие российские банки контролировались из-за рубежа: Международный банк и Русский банк для внешней торговли — немцами, Петербургский Частный банк, Русско-Азиатский, Азово-Донской — французами. Так, Русско-Азиатский имел сильные позиции в железнодорожном строительстве и машиностроении, судостроении, военной промышленности, нефтедобыче, угольной промышленности, металлургии; «немецкие» банки в машиностроении, электропромышленности, металлургии, железнодорожном машиностроении, судостроении.

К 1914 году 55 процентов российских ценных бумаг принадлежали иностранному капиталу, что позволяло председателю Совета синдиката «Продуголь», члену Совета Министерства торговли и промышленности Н. С. Авдакову считать российский торгово-промышленный капитал как «силу равновеликую правительству». Впрочем, он несколько преувеличивал, забывая о постоянно используемых правительством мер государственного регулирования — поддержке Государственным банком частных банков, государственных заказов промышленности, интервенций на бирже, нормировании производства. Они в либеральной прессе получили название «государственного социализма». Уровень личной экономической «свободы» Авдакова, выраженный в окладах и доходах от акций в 1906 году, составлял около 400 тыс. рублей в год.

Министр же получал 22 тыс. рублей в год, а гоноляр писателя Льва Толстого (в 1896 году) — тоже 22 тысячи.

Нельзя сказать, что в Петербурге не понимали всей сложности проблемы, связанной с нехваткой презренного металла. Еще предшественник Вышнеградского, Н. Х. Бунге, позволил выдачу кредитов Государственного банка под торговые операции с зерном. То же было разрешено частным банкам и переучитывать векселя в Государственном банке. Данные кредиты были настолько велики, что превзошли по объемам все кредиты Государственного банка. Были включены принудительные финансовые механизмы в поддержку зернового экспорта: на крестьян оказывалось сильное налоговое давление, вынуждая их продавать зерно. Требовалось укреплять бюджет.

О последствиях налогового прессы в «Письмах из деревни» А. Н. Энгельгардта есть такая запись: «Дети питаются хуже, чем телята у хозяина, имеющего

хороший скот. Смертность детей куда больше, чем смертность телят, и если бы у хозяина, имеющего хороший скот, смертность телят была так же велика, как смертность детей у мужика, то хозяйничать было бы невозможно. А мы хотим конкурировать с американцами, когда нашим детям нет белого хлеба даже в соску? Если бы матери питались лучше, если бы наша пшеница, которую ест немец, оставалась дома, то и дети росли бы лучше, и не было бы такой смертности, не свирепствовали бы все эти тифы, скарлатины, дифтериты. Продавая немцу нашу пшеницу, мы продаем кровь нашу, то есть мужицких детей».

Вообще экономическая история отечественного XIX века творилась в непрерывной борьбе государственной власти с финансовым голодом и бюджетным дефицитом. Трудно поверить, но только в мае 1862 года были приняты правила «о составлении и исполнении государственной росписи и финансовых смет министерств и главных управлений», то есть единый бюджет. А до этого каждое ведомство было государством в государстве, имея собственные бюджеты. Тогда же была пресечена практика винных откупов, как тогда говорилось, «страшная язва дореформенного строя, развращавшая одинаково как население, так и администрацию». Правда, надо уточнить, что не пьющее «население», а сами откупщики, наживавшие огромные богатства, и чиновники были субъектами коррупции. Потом эти богачи естественно влились в «виттевскую экономику».

Министерство финансов было подобно Атланту, державшему на плечах государство. Однако казне пришлось сделать трагический для многих выбор. Да, Витте можно объявить врагом помещиков, ибо он не хотел давать им дешевых кредитов, считая возможным расширение крестьянских кредитных учреждений, заметно поворачивая в сторону социального процесса, который потом ярко выразится в аграрной реформе П. А. Столыпина.

Витте, может быть, не был бы столь суров к отечественным аграриям, но финансы были ограничены. Неурожай и голод 1891 года, на ликвидацию которого были потрачены почти все свободные средства Государственного банка (161 млн. рублей), вычеркнули из повестки дня вопрос о поддержке деревни. К тому же в связи с правительственным запретом зернового экспорта был временно потерян внешний рынок, что Витте посчитал большой ошибкой. По его мнению, не следовало идти на поводу у сострадания голодающим и создавать дополнительные хлебные резервы. Требования спасти бюджет, развивать промышленность делали из Витте откровенного циника, не останавливающегося перед жертвами.

«В структуре российского вывоза в конце века сельскохозяйственные продукты и сырье составляли огромную долю — 94,4 процента, а промышленные

изделия — 3,5 процента, полуфабрикаты — 2,1 процента. В 1861–1865 гг. экспорт хлеба из России оценивался в 56,3 млн. руб. (31 процент от общей стоимости вывоза 181,6 млн. руб.), а через 30 лет в 1891–1895 гг. — 296,7 млн. руб. В пятилетии 1906–1910 гг. средняя стоимость хлебного импорта достигла 435,3 млн. руб., что равнялось почти половине стоимости всего экспорта (41,5 процента) (*Китанина Т. М. Хлебная торговля России в конце XIX — начале XX века. Стратегия выживания, модернизационный процесс, правительственная политика. СПб., 2011. С. 45*).

Другими словами, международный рынок был для России главнейшим, любая его деформация приводила к кризису. При этом внутренняя экономическая политика выжимала из сельских хозяев все соки.

Л. Д. Троцкий говорил, что «Витте — агент биржи», подчеркивая главную особенность министра. Характеристики других людей, лично знавших Сергея Юльевича, более пространны, но не опровергают Троцкого. Читаем у П. Б. Струве: «В истории русского управления мало фигур можно поставить рядом с Витте, и одного только человека можно поставить выше его: Сперанского. Но и то не по личной даровитости, которой Витте превосходил всех русских государственных деятелей, облеченных властью, начиная с Александровской эпохи и кончая нашими днями. Витте был, несомненно, гениальным государственным деятелем, как бы ни оценивать его нравственную личность, его образованность и даже результаты его деятельности (...)».

Обвинения со стороны интеллектуала Струве в отсутствии у Витте «моральных устоев» — это больше литературный образ. Будь у министра эти самые «устои», он был бы вынужден оставить пост после завершения первого этапа индустриализации. Если говорить о его «гениальности», то надо, видимо, принять и его «аморальность». Витте только в 1890-е годы делал ставку на промышленников, в дальнейшем он стал «агентом» финансовой олигархии, что отвечало духу времени.

Посмотрим, что пишет сотрудник Витте И. И. Колышко: «Прежде чем перейти ко второй, пореформенной эпохе властвования над Россией Витте, хотелось бы хоть поверхностно зафиксировать след, оставленный на русской жизни его молниеносными материалистическими реформами. След этот ярче всего обозначался в местах людского скопления — в столицах, фабричных и торговых центрах. И он весь отобразился в явлении, до Витте чуждом России, — на спекуляции деньгами и ценностями, на поднятии со дна жизни к поверхности ее лиц и учреждений, руководивших этой спекуляцией. Я имею в виду банки. В нишей, полуголодной стране трепался весь обмотанный роскошью, весь просоченный жадностью, сотканный из бездушия и эгоиз-

ма, банковский сгусток. Отделившись от отошавшего русского тела, сгусток этот попирает распавшуюся перед ним толпу. Апогея цинизма он достиг в разгар Великой войны, вспухнув до гомерических размеров при Керенском, чтобы лопнуть у ног Ленина» (*Колышко И. И. Великий распад. Составление и предисловие И. В. Лукоянова. Санкт-Петербург: «Нестор-История», 2009. С. 131.*)

В конце концов Витте в своих интригах и комбинациях запутался.

Глава пятая.

Банкиры — власть в «государстве Витте».

Развитие банковской системы было важнейшим условием модернизации, должно было привести к созданию нового центра власти и вызвать ослабление власти коронной. Но кто задумывался о таких последствиях?

Вообще российские банки могли возникнуть только из капиталов не вполне стерильных и усилениями (кроме государственной бюрократии) вчерашних откупщиков, коррупционеров-чиновников, спекулянтов-торговцев и прочих далеко не благородных персонажей.

По свидетельству И. И. Колышко: «Русские банки времен Витте из объектов истории стали субъектами ее. Они оперировали почти целиком на средства Государственного банка. Администрация этих банков при фикции выборности была по существу чиновниками Министерства финансов. А так как биржу составляли именно они, то ясно, что и биржа, с ее взмахами вверх и вниз, с ее аппаратом обогащения и разорения была филиалом Министерства финансов.

Чтобы сделать банки гибче и услужливее, Витте выписал для руководства ими немецких и австрийских банковских служащих и создал банковские уставы, делавшие эти учреждения пешками в руках его кредитной канцелярии. Схема была простая. К Витте обращались русские или заграничные предприниматели. Вносили устав. Дело обделывалось «посредниками». Уставы, прошения, гарантии — все это были формальности предreshенного дела. Но когда кончали с формальностями, Витте обыкновенно ставил условием, чтобы дело финансировалось тем или иным, более или менее ему угодным банком. Это значило, чтобы данный банк выпустил в публику данные акции и внес в Государственный банк часть обусловленного акционерного капитала. Само собою разумеется, что выбор этого банка был заранее предreshен — первую свою мзду «посредники» получали с этого банка. И банк этот раньше официальных шагов успевал условиться с людьми Витте. Словом, дело делалось в двух плоскостях: официаль-

ной и приватной. В большинстве случаев авансы получались тогда, когда и устав еще не был написан. В крупных же размерах дележка начиналась по выпуске акций. Министр финансов устанавливал не только номинальную, но и выпускную цену акций. Собака зарыта была в последней. Если, например, сторублевую акцию запускали на биржу по 125 руб., то с одного маха зарабатывалась одна четверть акционерного капитала (то есть миллионы). Но выпускная цена была лишь фикцией: новые акции, еще до появления их на бирже, вздувались и проникали в публику по двойной и тройной цене. Миллионные барыши помножались на два, на три, на десять. Акции, например, пресловутого Золотопромышленного общества, впоследствии переименованные в Ленские («Лена Захаровна»), акции Парвизайнен, Табачные, Салотопы, Лесные и др., доставались публике чуть ли не по удесятеренной цене. Это был заработок банков — законный. Это была премия банкиров. Из нее выплачивались маклерские «посредникам», проводившим дело чиновникам, поездки, кутежи и расходы по делу. Второй, высший, сорт участников получал не деньгами, а акциями».

Витте был уверен, что, держа в руках финансы, он в состоянии всех переиграть. Конечно, это было дерзко и самонадеянно. Коронная власть, можно сказать, сжав зубы, признавала необходимым существование многих банков и банкиров, и, соответственно, министр Витте при всей его одаренности не мог повернуть время вспять.

Одним из источников накопления капиталов была система винных откупов, отмененная только в 1863 году. На откупах разбогатели многие, одни были русскими купцами, другие — распорядителями финансовых средств еврейских общин.

Железнодорожное строительство открыло небывалые возможности откупщикам, а также ряду близких к власти дворян. Грюндерство (учредительство) акционерных обществ по строительству дорог и дальнейшая их перепродажа или получение огромных доходов от государственных субсидий вывело к вершине русского капитализма новые фигуры.

Переплетение частных экономических и государственных возможностей породило влиятельные группы акционерных банков, которые, как, например, банкирский дом Лазаря Полякова, учреждали железнодорожные общества, строили железные дороги, занимались сельским хозяйством, развитием торгового мореплавания и даже международной политикой, представляя интересы правительства в Персии.

Академик Б. В. Ананьич, исследователь банковской практики в империи, отмечал исключительную роль в учредительской кампании акционерных банков, биржевых спекулянтов и банкирских домов, которые действовали вместе с «князьями, чиновника-

ми, генералами, адмиралами, купцами, профессорами». В начале 1870-х гг. выдвинулась «семья Поляковых, организовавшая и контролировавшая», выражаясь современным термином, целую систему кредитных учреждений».

Крупные акционерные коммерческие банки заняли лидирующее положение в финансовой жизни страны. Их влияние росло: многие банкирские дома стали соучредителями или партнерами этих банков, особенно Петербургского Международного, Русско-Азиатского, Азовско-Донского.

Поэтому для того, чтобы правительству (С. Ю. Витте) не позволить новоявленной элите стать доминирующим фактором в политике и одновременно предоставлять ей возможности развития, необходимо было возглавить ее. При этом надо учитывать, что банки сильно отличались друг от друга по предыстории, отношению к властям и по составу учредителей. Например, деловые структуры старообрядцев Рябушинских резко отличались от бизнеса Гинцбургов, а бизнес Поляковых от тех и других.

Этнические евреи Гинцбурги и Поляковы сотрудничали с государством, русские Рябушинские предпочитали держаться в стороне, отрицательно относились к биржевым спекуляциям, предпочитали развивать реальное производство. В этом отношении первые были ближе властям, вторые — дальше.

Гинцбурги разбогатели на винных откупах в Бессарабии, Киевской и Волынских губерниях; они принадлежали к старинному роду раввинов. Евзель Гинцбург был пожалован в потомственные почетные граждане за «содействие к пользам казны при торгах на питейные откупа, а в 1854 году «за оказанное им усердие при сношении с откупщиками награжден золотою медалью «За усердие» для ношения на шее на Владимирской ленте». Проявив мужество и хладнокровие, он «прекрасно заработал» во время обороны Севастополя, «оставил южную сторону с кассою одним из последних, чуть ли не одновременно с комендантом гарнизона». В 1859 году он открыл банкирский дом в Петербурге и отделение в Париже на бульваре Османн.

Получение винных откупов, то есть посреднические операции с властями для получения доли от правительственных сборов с виноторговли, позволили Гинцбургам завязать самые тесные связи с Государственным банком. Также у Е. Гинцбурга установились связи с принцем Александром Гессенским, братом императрицы Марии Александровны (жены Александра II). Он стал генеральным консулом герцогства, получил титул барона.

Деловые связи переплетались с родственными, в том числе с крупными представителями банковского мира России, Германии и Франции — банкирского дома Варбурга, одесского банкирского дома «Е.

Ашкенази», французскими финансистами, Э. Ротшильдом.

Основным объектом приложения капиталов банкирского дома Гинцбургов стало Ленское золото-промышленное товарищество. Показательно, что дивиденды по его акциям были огромны: за 1909/10 год — 56 процентов.

Сокрушающий удар по авторитету имперского правительства был нанесен с его приисков в результате «Ленского расстрела». Требование рабочих об увеличении на треть заработной платы было отвергнуто, его удовлетворение «понижило бы прибыли Товарищества на сумму более миллиона трехсот тысяч рублей». «Погоня за прибылями обернулась трагедией на Ленских приисках, покрывшей позором и членов правления Ленского золотопромышленного товарищества».

А за ленскими золотопромышленниками стояли большие силы, не одни только банки, включая Государственный. В создании Товарищества активно участвовали близкие Витте деятели — А. И. Вышнеградский (сын бывшего министра финансов, бывший вице-директор особенной канцелярии Министерства финансов, член правления Русско-Китайского, Международного коммерческого банков) и А. И. Путилов (председатель правления Русско-Азиатского банка, бывший директор общей канцелярии Министерства финансов). Кредитовали Товарищество — Учетно-Ссудный банк Персии (Поляковых), Петербургский международный коммерческий банк и его отделение в Варшаве, London Joint Stock Bank, одесские банкирские дома «Давид Рафалович», «Федор Рафалович и К», «Ефрусси и К».

Среди акционеров «Лена Голдфилдс», которой принадлежали 75 процентов акций Товарищества, были сам С. Ю. Витте (к тому времени уже в отставке) и императрица Мария Федоровна (мать Николая II) (*Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. 1 т. С. 1216*).

Влиятельность банкиров Гинцбургов особенно подчеркивает следующий факт. Один из Гинцбургов, Габриель (Гавриил), участвовал в совершенно секретной операции, в коммерческом прикрытии продвижения империи на Восток, создании российских лесопромышленных предприятий в Корее (так называемая «Безобразовская клика»), которые по просьбе самого Николая II возглавлял великий князь Александр Михайлович. Габриеля Гинцбурга называли «корейский гений Лесопромышленного товарищества».

Иная история у огромного бизнеса братьев Рябушинских. Они в своем роде уникальны, так как находились в стороне от государственных финансов и всегда, когда тайно, а когда вполне откровенно, были оппозиционны коронной власти.

Перед началом Отечественной войны 1812 года двенадцатилетний старообрядец Михаил Рябушинский пришел в Москву из деревни и подрядился торговать вразнос. Через четыре года у него уже была своя лавка. Война и пожар Москвы разорили его. Его сын Павел начал с того, что вместе с матерью торговал по деревням чужим текстильным товаром, затем открыл маленькое ткацкое производство, из которого выросла фабрика. В 1840-х годах Рябушинские — уже миллионеры. В 1867 году открыли Торговый дом «П. и В. братья Рябушинские». В 1869 году они купили близ Вышнего Волочка бумагопрядильную фабрику, через пять построили там же ткацкую, а в 1875 году — еще две, красильно-отбельную и аппретурную.

Их просьба получить потомственное почетное гражданство была Сенатом отклонена на основании секретного высочайшего повеления: раскольникам отличия и почетные титулы давать только в виде исключения. Это было не единственное ущемление прав огромного слоя русских; например, их детей не принимали в университеты и т. д. По разным данным, к старообрядцам относилось от восьми до 38 процентов русского населения; под давлением многие из них официально переходили в православие, но все же сохраняли верность своим законам. Только в 1884 году Рябушинские были «возведены» в потомственное почетное гражданство. К 1897 году основной капитал Товарищества официально составлял 4 млн. рублей, а запасной — 1 млн. 680 тыс. рублей.

Павел Михайлович Рябушинский умер в 1899 году, оставив восьмерым сыновьям многомиллионное наследство. Старший сын, Павел Павлович, стал директором-распорядителем Товарищества и вскоре выдвинулся в первый ряд отечественных предпринимателей.

Впрочем, нельзя сказать, что столь крупный бизнес мог существовать вне внимания государства. Причем для Министерства финансов не имело значения, как и где молятся Богу Рябушинские. Гораздо важнее было то, что первое место в промышленном российском экспорте занимали хлопчатобумажные ткани, продаваемые в Персию, Афганистан, Китай, Маньчжурию, Монголию. Это была география больших политических интересов Петербурга.

Думается, поэтому Рябушинским было позволено поглотить Харьковский Земельный банк, принадлежавший покончившему с собой южнорусскому промышленнику Алексею Константиновичу Алчевскому. Это был первый в России акционерный банк, созданный по частной инициативе. Показательно, что устав банка был составлен управляющим Харьковской конторой Государственного банка экономистом и публицистом Иваном Васильевичем Вернадским (отцом выдающегося академика Владимира Ивановича Вернадского). Иван Васильевич был сторонни-

ком конституционного правления, считал самодержавие вредным пережитком старины.

Алчевский, начав с мелкорозничной торговли чаем, был в числе основателей Донецко-Юрьевского металлургического общества, совладельцем Земельного и Торгового банков. Однако в результате экономического кризиса он оказался в сложном положении, пытался получить правительственный заказ на производство рельсов и добиться разрешения на выпуск облигаций под залог имущества принадлежавших ему предприятий. Однако С. Ю. Витте ему отказал. Почему? Может быть, из-за независимых взглядов промышленника, склонного к «украинству»? Едва ли. Скорее оттого, что Алчевский претендовал на финансовую автономию и не вписался в виттевские расчеты. 7 мая 1901 года Алчевский бросился под поезд. Вскоре при поддержке Министерства финансов владельцами Харьковского Земельного банка стали Рябушинские, банку был беспрепятственно открыт кредит в размере 6 млн. рублей, чтобы позволить ему рассчитаться по своим срочным обязательствам.

В 1912 году Рябушинские создали Московский банк с капиталом в 10 млн. рублей, который вырос перед самой войной до 25 млн. рублей. Вскоре они расширили бизнес, занявшись производством и экспортом льна (вторая статья вывоза после текстиля) и леса (третья статья), вытесняя различного рода перекупщиков. В 1915 году братья создали Среднероссийское торгово-промышленное общество (холдинг) «Ростор».

В годы войны Рябушинские занялись нефтяной промышленностью, покупая паи товарищества «Братья Нобель» и проявляя интерес к Ухтинским месторождениям нефти, их внимание также привлекла горнодобывающая промышленность и добыча золота, они изучали состояние судоходства на Днестре и Волге и судостроение, начали строительство первого в России автомобильного завода АМО, финансировали экспедиции В. И. Вернадского для изыскания радия.

В целом война принесла Рябушинским большие доходы. Вклады и текущие счета банка достигли почти 300 млн. рублей. Они планировали купить крупный Волжско-Камский банк и создать новый банк «мирового уровня» с капиталом в 120 млн. рублей, что сегодня равняется примерно 2,7 триллиона долларов США. (Государственный банк имел ежегодный валовой доход от 127 до 133 млн. рублей.) Сделка не состоялась не по вине Рябушинских.

«Перед нами тип предпринимателей с известным налетом местного, московского «патриотизма», предпочитающих иметь дело со своими единомышленниками — московскими банкирами и фабрикантами. Для них столица — город «биржевых вакханалий и беспринципных маклеров», где «погибло» и

«свернуло с прямого пути» много московской молодежи, посланной Рябушинскими в свое Петроградское отделение. Национально-московская старообрядческая окрашенность предпринимательской идеологии Рябушинских проявлялась в самых разнообразных формах. Рябушинские в годы войны открыто демонстрировали известную оппозиционность по отношению к правительству, с их точки зрения отдававшему предпочтение в организации послевоенной торговли лесом иностранным предпринимателям из Англии, Франции и Бельгии.

Рябушинские стремились максимально расширить свои возможности, в том числе политические. В 1917 году стали одними из основателей «профсоюза» российской буржуазии — Всероссийского союза торговли и промышленности, стали идеологами национального предпринимательства, сформировали вокруг себя группу единомышленников, выпускали газету «Утро России», организовали в Москве «Экономические беседы» (общественную трибуну для выражения своих взглядов, куда приглашали и правительственных чиновников), создали партию прогрессистов, оппозиционную коронной власти. Среди их союзников — выдающиеся представители московских предпринимателей-старообрядцев, Александр Иванович Гучков и Александр Иванович Коновалов, одни из главных действующих лиц Февраля.

Перейдем к истории еще одного клана, интересного своим влиянием на внешнюю политику империи. Его глава Самуил Соломонович Поляков был мелким откупщиком и подрядчиком, но его судьба переменилась, когда он стал управляющим винокурным заводом в имении министра почт и телеграфа графа П. М. Толстого. Тот, кроме винокурни, сдал ему «на оптовое содержание несколько близлежащих почтовых станций». Покровительство министра сделало Полякова миллионером за счет льготных казенных кредитов и гарантий.

Горный инженер Костантин Аполлонович Скальковский, занимавший пост директора Горного департамента в Министерстве финансов, писал в «Новом времени»: «Отрицать энергии, ума и ловкости у Полякова нельзя... Но выстроенные им на живую нитку дороги были также в своем роде замечательны. Для получения концессии Азовской дороги он обещал земству 300 тысяч и построить рельсовый завод, но и завода не построил, ни земству денег не дал; для получения Воронежско-Ростовской дороги он также обошел Донское войско. Обе дороги имели целью развить каменноугольное дело, но долго возили уголь только из копей самого Полякова. Для постройки дорог Поляков валил, понятно, мерзлую землю, клал дурные маломерные шпалы, подвижной состав заказывал пресловутому Струсбергу». (Как указано в Энциклопедии Брокгауза и Эфрона:

Бетель-Генри Струсберг — железнодорожный предприниматель и аферист. (...). В 1875 г. он был объявлен несостоятельным должником, арестован в Москве по прикосновенности к делу о крушении Моск. коммерч. банка и приговорен к изгнанию из России. (...) Умер в нищете.)

К 1870 году 32-летний коммерции советник С. С. Поляков приобрел репутацию мецената и даже был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени. Его репутации способствовало открытие в Москве на Крымской площади в январе 1868 года по инициативе редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова и на средства П. М. Леонтьева, С. С. Полякова и П. Г. фон Дервиза лицея в память цесаревича Николая.

Сыновья С. С. Полякова заняли исключительное положение в предпринимательском мире 1870—1890-х годов как железнодорожные дельцы, учредители банков и различных предприятий. Москва была штаб-квартирой банкирского дома Лазаря Полякова, а его Московский Международный банк — одним из самых крупных и влиятельных поляковских банков. Яков Поляков называл себя учредителем не только Донского Земельного и Петербургско-Азовского Коммерческого банков, но и Азовско-Донского Коммерческого банка с отделениями во всех портах Азовского и Черного морей и на Кавказе и утверждал, что как учредитель этих банков он способствовал развитию торговли в самом крае, вывозу товаров (зерно!) из Приазовья за границу и финансированию землевладельцев.

Особая роль принадлежит Учетно-ссудному банку Персии, созданному Я. С. Поляковым и переданному им в управление Государственному банку. С 1894 года частный банк фактически стал структурой русского Государственного банка, главным инструментом для закрепления России в Персии. С. Ю. Витте определил основные задачи банка: содействовать «развитию активной торговли русских в Персии, сбыту туда русских фабрикатов, распространению среди персидского населения российских кредитных билетов, а равно вытеснению из Персии английских произведений».

В этой формуле отражена геоэкономическая ситуация и стратегия министра финансов. Было бы наивно считать, что Витте не знал историю поляковского клана, как, впрочем, и других банковских объединений. Но исторические детали, какими бы острыми они ни были, мало интересовали министра. Деньги очищали всех!

Приведем наблюдение активного участника российской индустриализации Н. Е. Врангеля: «Промышленность стала рабом банков. Банки скупали акции предприятий, ставили во главе их своих людей, и те совершали от имени этих предприятий

сделки, невыгодные для них, но полезные другому предприятию, находящемуся у тех же банков в руках. Затем акции первого продавались заблаговременно на бирже, а акции второго взвинчивались и, когда достигали ничем не оправданной высоты, спускались публике. Словом, промышленность, как и все остальное, болела».

Глава шестая. Империя на внешних рынках в направлении мировой войны.

Великолепны были попытки Гинцбургов и Поляковых получить в начале 1880-х годов с помощью правительства концессию на строительство в Болгарии железной дороги София—Русчук и на учреждение в Софии национального банка. Они видели направление внешней политики — на Восток, на Балканы, куда указывало повелительное стремление российского зернового и промышленного экспорта.

Самуила Полякова поддержал обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, передавший Александру III письмо предпринимателя с предложением скрытного приобретения акций турецких и болгарских железных дорог с помощью синдиката банков и при посредничестве голландской биржи. Создание синдиката должно было придать всему делу «вид исключительно частного интереса», «а затем, через некоторое время, с такою же осторожностью и втихомолку русское правительство могло бы приобрести эти акции в свои руки».

Поляков предупреждал, что железные дороги в Европейской Турции и Болгарии, находившиеся «в аренде у компании австрийских капиталистов», могут попасть «в английские руки». Железнодорожный делец и предприниматель демонстрировал завидное понимание задач и методов империалистической экспансии. «Владеть железными дорогами на Востоке, — писал он, — значит владеть фактически страной. Итак, для нас было бы великою силой, когда бы железные дороги в Турции, Болгарии, Сербии и пр. могли бы быть в русских руках». (*Ананьич Б. В. Там же. С. 104.*)

Так же упорно двигался в сторону Средней Азии, Балкан, Персии и Китая текстильный магнат Тимофей Саввич Морозов, который не жалел средств на организацию экспедиций по изучению тамошних условий торговли. Этот знаменитый старообрядец, кроме финансирования Московского императорского университета и других учебных заведений и больниц, снарядил во время Русско-турецкой войны в 1877 году отряд генерала М. Г. Черняева и «Болгарскую дружину» воинов-старообрядцев.

Александр III одобрил предложение Полякова, но без финансовой поддержки. Это означало, что еще не

пришла пора для подобной экспансии. Зато персидское направление вскоре было актуализировано.

Пореформенная Россия — это уже новая страна, развивающаяся в иных скоростях. Железные дороги, телеграф, электричество преобразуют ее жизнь, стимулируют внутренний рынок, науку и образование. Мир тоже изменяется, отменяется рабство в Соединенных Штатах, в Японии идет «революция Мэйдзи», Пруссия объединяет немецкие княжества сначала в Северогерманский союз, а затем в Германскую империю, объединяется Италия.

Появление единого германского государства изменило баланс сил в Европе и, соответственно, положение России. Берлин, желавший укрепиться, и Петербург, ставший изгоем после Крымской войны, были заинтересованы в союзе. В 1864 году Пруссия отвоевала у Дании герцогства Шлезвиг и Гольштейн, населенные преимущественно немцами, — Россия отнеслась к этому нейтрально; в 1866 году Пруссия разгромила Австрию — Россия тоже не вмешалась. В 1870 году Германия при дружественном нейтралитете России победила Францию — и Россия заявила об отмене статей «послекрымского» Парижского договора 1856 года о нейтрализации Черного моря. Добавим, что англичане не увидели для себя опасности в усилении немцев и были удовлетворены поражением Франции, своего конкурента на Ближнем Востоке и в Африке.

Протекционистская политика канцлера Бисмарка привела к быстрой индустриализации Германии, и уже в 1877 году германские товары составляли 46 процентов в российском импорте. В 1870-х годах Германия опередила Британию по объему торговли с Россией почти на 50 млн. рублей. Рынок Германии открывал для России новые возможности.

В это время на восточном направлении картина была иной. После крымского поражения Россия была вынуждена искать на нем компенсации и снова сталкивалась с английскими интересами. Генерал А. Е. Снесарев, один из лучших российских востоковедов, писал: «Гибель нашего средиземноморского флота пресекла в корне наши завоевательные тенденции, связанные с проливами и Царьградом. Но та же гибель, слишком принизившая нас по отношению к Англии, заставила искать иных дорог для восстановления нашего на нее влияния или — правильнее — ее от нас зависимости. Крымская война, главным образом, выявила смысл наших будущих подходов к Индии, т. е. вскрыла существо среднеазиатской проблемы. Хотя было ясно, что мы в Средней Азии еще слишком слабы и вести наступательную операцию против Индии не можем, но уже важно было теоретическое или пока что кабинетное сознание, что дорога к восстановлению нашего международного равновесия с Англией пролегла по Средней Азии, а не на-

правлялась, как раньше, к Средиземному морю и что пока далеким фонарем, освещающим этот крупный путь, была Индия» (*Снесарев А. Е. На страже национально-государственных интересов и военной мощи России. Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А. Е. Снесарева. М., 2003. С. 37*).

Геополитическую задачу подкрепляла торгово-экономическая. В 1859 году журнал «Вестник промышленности» опубликовал статью Гавриила Каменского «Англия — страшный соперник России в торговле и промышленности». В ней шла речь об ужесточившейся после крымского поражения конкуренции в Центральной Азии со стороны Лондона. Еще недавно российские караваны с товарами шли в среднеазиатские ханства, Кабул, Герат, в Кашгар, Северную Персию, в Белуджистан и Лахор. Теперь же для английской промышленности «открыт свободный и удобный доступ в Среднюю Азию... Нашему отечеству таким образом угрожает сильное соперничество в его торговле на Востоке».

На эту конкуренцию последовал ответ: в 1860-х годах произошла российская колонизация Средней Азии, завоеваны Кокандское ханство, Бухара, Хивинское ханство. В итоге Россия, кроме решения геополитической проблемы (возможность постоянно угрожать Индии и отвлекать англичан от Балкан и Европы), получила контроль над хлопкосеющим регионом, ставшим сырьевой базой для российской текстильной промышленности.

«Вот так и получилось, что русские всего за десять лет аннексировали территорию размерами в половину Соединенных Штатов и установили поперек Центральной Азии защитный барьер, простирающийся от Кавказа на западе до Коканда и Кульджи на востоке. Те, кто отвечал за оборону Индии, крайне встревожились» (*Питер Хопкирк. Большая игра против России: Азиатский синдром. Пер. с англ. И. И. Кубатко. М., 2004. С. 417*).

На этом очередная серия русско-английского противостояния завершилась. Летом 1875 года оно вспыхнуло на другом фронте, когда началось антитурецкое восстание в Герцеговине, где турецкие сборщики налогов попытались вторично взять налоги, уплаченные за несколько дней перед этим. Восстание охватило все Балканы — Сербию, Боснию, Черногорию и Болгарию. В мае 1876 года турки вырезали 12 тысяч болгарских повстанцев. Тогда же Австрия, Германия и Россия приняли меморандум о прекращении военных действий и дипломатическом урегулировании требований восставших христиан. Меморандум поддержали Франция и Италия, но Англия отказалась, усматривая в ослаблении Турции опасность новой попытки России выйти к Ближнему Востоку. С критикой протурецкой линии правительства консерваторов выступила английская оппозиция.

Турция не приняла меморандум, наступление в Балканах продолжилось, и в ответ туда из России стали поступать оружие, амуниция, оборудование госпиталей, более 20 млн. рублей частных пожертвований; император Александр II лично пожертвовал 10 тысяч рублей. Прибыли около пяти тысяч добровольцев, среди них были знаменитые художники В. Д. Поленов и К. Е. Маковский, писатель Г. И. Успенский, врачи С. П. Боткин и Н. В. Склифосовский.

Россию охватил эмоциональный порыв, который возглавили «Московские ведомости» Каткова, Иван Аксаков заявил: «Я раскачаю этот колокол!» Первоначально император, зная, что армия и государственные финансы, находившиеся в самом разгаре реформирования, не готовы к войне, предпочел только дипломатические усилия. Но вскоре он понял, что Турция затягивает переговоры, и заявил, что «если Европа не расположена действовать решительно и настойчиво, он будет вынужден действовать единолично».

Но что такое «единолично»? Идти на риск новой Крымской войны? Петербург запросил Берлин о том, можно ли рассчитывать на его нейтралитет, если бы война с Турцией повлекла за собой войну с Австрией? Ответ был уклончивый, несмотря на то, что с 1873 года действовала русско-германская военная конвенция, обязывавшая обе стороны при нападении на одну из них любой другой европейской державы послать союзнице на помощь 200-тысячную армию; позже к ней присоединилась Австрия («Союз трех императоров»).

Тогда Россия вступила в переговоры с Австрией и достигла секретного соглашения о ее нейтралитете, взамен чего Вена при заключении мира получает право занять Боснию и Герцеговину.

Франция в ответ на циркулярное письмо русского министра иностранных дел А. М. Горчакова заявила, что не намерена прибегать «к принуждению».

Россия все же начала войну, которая завершилась ее победой. 31 марта 1878 года в Сан-Стефано, у ворот Константинополя, был подписан предварительный мирный договор, по которому получали полную независимость Черногория, Сербия, Румыния, а Болгария становилась автономным княжеством, Босния и Герцеговина должны были получить самоуправление. Кроме того, к России отходило устье Дуная, Добруджа передавалась Румынии в обмен на Бессарабию, города Ардаган, Карс, Баязет в Малой Азии и черноморский порт Батум.

Но такой исход не устраивал ни Австрию, ни Англию: усиление России на Балканах было нежелательно, особенно — создание Великой Болгарии с выходами в Черное и Эгейское моря и кратчайшим сухопутным путем в Константинополь. Австрия де-

монстративно объявила мобилизацию в Далмации и в районах вдоль Дуная и Савы. Английский флот готовился войти в Дарданелльский пролив.

Тогда Александр II отдал приказ занять турецкую столицу, и после этого английское правительство отозвало эскадру. В Туркестане генерал-губернатор К. П. Кауфман приготовил 30-тысячную армию к походу на Индию.

Германия могла бы оказать России содействие, однако Бисмарк выступил за созыв международной конференции (конгресса), где у России были минимальные шансы отстоять условия Сан-Стефанского договора. Тогда Петербург, с целью отдалить Австрию от Британии, предложил Вене стать вместе с ним участником договоренностей с Турцией и, в частности, определять судьбы Боснии и Герцеговины. Однако Австрия, недавно потерпевшая поражение от Германии и вытесненная из Италии, претендовала на большие приобретения на Балканах и заявила о выделении 60 млн. форинтов на дополнительные вооружения и о необходимости занять Боснию и Герцеговину. Австрийцы произвели мобилизацию войск в Карпатах. Англичане же указали, что не примут участия в конгрессе, если им на рассмотрение не будет представлен полный текст проекта мирного договора; из послания королевы Виктории парламенту следовало, что на действительную службу могут быть призваны резервисты. Английские корабли вошли в Мраморное море и остановились у Принцевых островов. Россия направила свои войска к Константинополю. Из Индии на Мальту был перебазирован 7-тысячный британский корпус.

Румыния, несмотря на то, что получала Добруджу, стала протестовать против возвращения России Бессарабии, а Турция начала реорганизовывать армию.

Россия оказалась в сложном положении. Ей пришлось сосредоточить войска на границах Сербии и Трансильвании, закупать у Соединенных Штатов множество судов, готовясь к каперской войне, и искать пути к отступлению.

Далее проследовала фантастическая дипломатическая комбинация. Вот как ее описывают французские историки.

«Болгарская кампания уже обошлась им (русским) в четыре с лишним миллиарда, кредит России был почти исчерпан. Вот почему Александр весьма благоразумно решил вступить в непосредственные переговоры с Англией и обезоружить ее уступками; эти уступки были внесены в особый меморандум, подписанный в Лондоне 30 мая 1878 года. Россия приносила в жертву Великую Болгарию и отказывалась от части своих завоеваний в Азии; Англия, твердившая, что действует в общих интересах, а в действительности имевшая в виду исключительно английские интересы и охрану своих сообщений с Индией, приняла

все остальные условия договора. 4 июня она подписала тайный договор с Портой, по которому обязывалась защищать Азиатскую Турцию от всякого нападения России; в уплату за эти будущие услуги она выговорила себе право занять остров Кипр. Получив таким образом то, что ей было нужно, она была готова отправиться на конгресс, в полной уверенности, что там ее, в свою очередь, поддержит Австро-Венгрия, которой она обещала Боснию и Герцеговину» (*История XIX века. Под редакцией Лависса и Рамбо. Т. 7. Конец века. 1870—1900. Часть первая. С. 444*).

Тринадцатого июня 1878 года в Берлине случилось дежа-вю финальной части Крымской войны: под председательством Бисмарка открылся конгресс, в работе которого участвовали государства, подписавшие Парижский трактат 1856 года. Все делегации были против российской. Даже Франция, не проявлявшая после Франко-прусской войны большого интереса к восточному вопросу, была на стороне Англии и Австрии, чтобы не рисковать своими капиталовложениями в Турции.

Горячие споры велись вокруг судьбы Болгарии: «Сан-Стефанская Болгария» воспринималась как российский сухопутный маршрут прямо к Средиземному морю. Условия Сан-Стефанского договора были радикально изменены: Болгария по Балканскому хребту делилась на две части — северную и южную, северная (ее территория сокращалась на две трети) признавалась вассальным от Турции княжеством со своим правительством и армией; южная (Восточная Румелия) объявлялась автономной турецкой провинцией с губернатором-христианином, назначаемым султаном. Австро-Венгрия получала право оккупировать Боснию и Герцеговину (без указания срока), держать там войска и строить железные дороги, а также руководить торговлей и судоходством на Дунае.

Лондон получил все, что хотел. Баязет возвращался Турции, что позволяло Англии сохранять контроль над путями на Средний Восток. Ей передавался остров Кипр, что укрепляло ее в Азиатской Турции, на путях к Египту и Персидскому заливу и ослабляло влияние России в Малой Азии.

Батум оставался за Россией, но объявлялся «порто-франко» (порт беспошлинной торговли), что урезало выгоды его владения (в 1886 году Александр III отменил это условие). За Россией оставались крепости Карс и Ардаган, однако их стратегическое значение испарялось: проходы через Сoganлукский хребет, ведущие к Эрзеруму, возвращались Турции, это затрудняло продвижение к Босфору сухопутным путем через Малую Азию. Южная Бессарабия все-таки становилась российской.

Сербия, Черногория и Румыния признавались независимыми, но и здесь положение сербов, наде-

явившихся объединиться, резко ослаблялось размещением австрийских гарнизонов между Сербией и Черногорией в Новопазарском санджаке, который оставался за Турцией. А Черногория, получившая на Адриатическом море порт Антибари, не имела права иметь флот, морской и санитарный контроль в ее водах передавался Австро-Венгрии.

Таким образом, победив в кровопролитной и затратной войне, Россия уступала основные экономические и политические выгоды, они достались Англии и Австро-Венгрии.

Глубоко продвинувшись на Балканах, Австро-Венгрия теперь стала участником средиземноморского соперничества, что качественно изменяло ее отношения с Россией и Германией. Если конкуренция с первой приобрела постоянный характер, то союз со второй становился стратегическим.

Соответственно, и Англия, которая традиционно избегала участия в европейских коалициях и руководствовалась постоянной целью противодействовать наиболее сильной на текущий момент континентальной державе, должна была пересмотреть свою внешнюю политику.

Пожалуй, не мог не возникнуть вопрос: ради чего же Россия вела войну? Французские историки сделали обескураживающий вывод: теперь на путях к Проливам вместо одной слабой Турции еще встали Румыния и Болгария, «был воздвигнут двойной барьер — препятствие, гораздо труднее преодолимое как с материальной, так и с моральной точки зрения, чем турецкие армии, столько раз уже побежденные».

Тем временем в российских газетах развернулась антигерманская кампания. России срочно требовалось найти нового союзника, с которым были бы общие интересы, и таким союзником могла быть только Франция, не забывшая поражения от немцев в 1870 году и по-прежнему опасавшаяся Германии.

В октябре 1879 года Берлин заключает с Веной «Обоюдный договор», согласно которому они должны совместно отражать нападение России. Если же Германия подвергалась нападению Франции, то Австро-Венгрия обязывалась соблюдать нейтралитет.

В 1885 году началась война между Сербией и Болгарией, за первой стояла Россия, за второй — Австро-Венгрия; Франция же поставляла оружие в Россию. Положение обострялось, в Петербурге и Париже начали разрабатывать планы на случай войны с Германией. Бисмарк попытался привлечь к «Обоюдному договору» Англию, для чего, надеясь сыграть на противоречиях между Англией и Россией, предложил британскому правительству заключить военный союз, но встретил отказ. Лондон уже стал опасаться Германии.

Примерно тогда, в середине 1886 года, газетой «Московские ведомости» началась кампания против

ориентации российской дипломатии на союз с Германией и за сближение с Францией, врагом последней. М. Н. Катков поддержал внешнеполитические идеи своего союзника Победоносцева. Почему? Причина заключалась в необходимости защиты отечественной промышленности, к тому времени показавшей бурный рост благодаря барьеру в виде «чудовищных пошлин». Протекционизм Санкт-Петербурга вызвал сопротивление Берлина, немцы не жалели сил, чтобы пробиться на российский рынок, подводя напряжение к военной угрозе. Поэтому Франция становилась более привлекательной.

Как подчеркнул современный исследователь Павел Жаворонков, переход российского фондового рынка с англо-германского на французский был связан с балканской политикой России. Поскольку европейские союзники Османской Турции — Пруссия и Великобритания одновременно являлись крупнейшими держателями русских государственных обязательств, прусский банковский дом Блейхредеров и британские Ротшильды — главные кредиторы России — напомнили о скорых сроках погашения принадлежащих им железнодорожных займов на сумму более 200 млн. руб.

Эти ценные бумаги выпускались для финансирования программы строительства железных дорог в Российской империи, и к концу 1870-х годов они являлись самыми дорогими кредитными обязательствами в мире. Российский Минфин вел переговоры с Блейхредерами и Ротшильдами о реструктуризации этих долгов. Соглашение было уже достигнуто, но политический конфликт спутал карты.

Правительства Пруссии и Великобритании запретили размещение новых русских ценных бумаг на своих биржах. Удар был очень сильный, германский денежный рынок фактически закрылся. Германское правительство дало указание Имперскому банку не принимать в залог русские ценные бумаги, а в германской прессе началась кампания по дискредитации экономического положения России.

В Берлине рассчитывали на уступки Петербурга, однако российский государственный корабль круто повернулся в сторону Парижа. Крупнейшие банки Credit Foncier и Societe Generale, финансовая группа Ноэля Бардака и банковский дом французских Ротшильдов объединились в синдикат, с целью «перенести весь оборот русских ценных бумаг с лондонской и берлинской бирж во Францию». В ноябре 1888 года российское правительство получило от банковской группы французских Ротшильдов заем в 500 млн. франков, затем в 1889 году два займа на 700 млн. и 1200 млн. франков, затем — новые займы 1890 и 1891 годов.

Сотрудничество Франции и России приобрело черты политического союза. Во франко-русском союзном договоре впервые был провозглашен прин-

цип государственного покровительства для частных инвесторов из дружественного государства, что означало упрощение правил регистрации, процедуры покупки недвижимости; оборонные заказы стали размещаться на французских заводах. В первые годы франко-русского союза было инвестировано в создание новых промышленных предприятий почти 200 млн. руб., к 1917 году — свыше 700 млн. Приоритетными отраслями стали горная промышленность, металлургия и машиностроение. Новые предприятия окупались за 2–2,5 года и начинали приносить французским акционерам прибыль порядка 35–40 процентов (!) в год.

В июле 1891 года французская эскадра прибыла с визитом в Кронштадт; встречая ее, Александр III с непокрытой головой прослушал гимн Великой Французской революции «Марсельезу», что ранее казалось немыслимым. Тогда же был заключён франко-русский консультативный договор, затем принят проект военной конвенции.

Потом началась германо-русская таможенная война.

Александр III был убежденным защитником национальной промышленности, таможенные ввозные пошлины росли почти каждый год. В результате немецкий импорт сократился почти до 27 процентов, а немцы в ответ ввели пошлины на русский хлеб.

Вскоре Германия значительно увеличила военные расходы, а русская эскадра демонстративно отдала визит французскому флоту в Тулоне, и Александр III одобрил проект франко-русской военной конвенции. Ее первая статья гласила: «Если Франция подвергнется нападению Германии или Италии, поддержанной Германией, Россия употребит все свои наличные силы для нападения на Германию. Если Россия подвергнется нападению Германии или Австрии, поддержанной Германией, Франция употребит все свои наличные силы для нападения на Германию».

Это уже был настоящий военный союз.

Германия начала таможенную войну, обложив русские товары более высокими пошлинами, чем товары других стран. Доля России во ввозе хлеба в Германию сократилась за 1891–1893 годы с 54,5 до 13,9 процента. Витте ответил значительным повышением пошлин на германский импорт в Россию. Обе стороны несли большие убытки. Германский ввоз в Россию почти прекратился, русская внешняя торговля также страдала от сокращения рынка. Однако, поняв, что таможенная война не приводит к желаемым результатам, германская дипломатия предложила возобновить переговоры. В феврале 1894 года в Берлине был заключен русско-германский торговый договор сроком на 10 лет, устроивший обе стороны.

Однако мировая обстановка уже была иной: четыре самые могущественные континентальные дер-

жавы сформировали военные союзы. Очередь оставалась за Великобританией, которая, как всегда, была труднопредсказуемой. Она должна была выбрать, какая из двух коалиций представляет наибольшую опасность. И время ее выбора вскоре наступит.

Вот так, балансируя между сильными европейскими государствами, периферийная Россия пыталась обеспечить свое экономическое развитие и не скатиться до положения полуколониальной страны. Можно сказать, и доныне это постоянные обстоятельства ее героического существования.

Продолжим наше восточное «путешествие» в компании с российским бизнесом и под крышей российского МИДа. В 1893 году Персидское страховое и транспортное общество Лазаря Самуиловича Полякова приобрело концессию на строительство в Персии дороги Энзели—Казвин, было образовано Общество Энзели-Казвинской дороги, получившее право продолжить дорогу до Тегерана и Хамадана. 77 процентов выпущенных Обществом акций, по указанию С. Ю. Витте, были выкуплены государственным казначейством. Весь контроль над деятельностью Общества Энзели-Тегеранской дороги оказался сосредоточенным в руках правительства.

Чтобы понять дальнейшую интригу, необходимо углубиться еще дальше на восток, куда была проложена Транссибирская магистраль. После поражения в Крымской войне и утраты из-за сопротивления Англии всех преимуществ, полученных после войны с Турцией, Россия развернулась в противоположную сторону от Европы.

Британия энергично выступала против этого поворота, видя в нем угрозу своим восточным владениям. Вскоре после начала стройки Транссиба комментатор А. Колкхэм выразил господствующее мнение Министерства иностранных дел Британии и лондонского Сити: «Это направление будет не только одним из величайших торговых путей, которые когда-либо были известны миру, но и превратится в политическое оружие в руках русских, значение и мощь которого трудно переоценить. Это сделает Россию единым государством, которому больше не будет необходимости в проливах Босфор и Дарданеллы или Суэцком канале. Он даст ей экономическую независимость, которая сделает ее сильнее, чем она когда-либо была или когда-либо мечтала стать».

В результате строительства возник центр русской экономической экспансии в городе Харбин (Китай), а за последующие 14 лет население Сибири и Дальнего Востока удвоилось, вдоль Транссиба выросло десять новых городов, и он обрел выход в океан в незамерзающих бухтах Порт-Артура и Дяляньвана. Без этих бухт Транссиб оставался бы геополитически не завершенным.

Однако дальнейшее продвижение России на Восток натолкнулось на ожесточенное сопротивление. Она потерпела поражение в Русско-японской войне 1905 года, в которой Британия стала союзником Японии.

Если мы проследим связь между российским железнодорожным рывком к Тихому океану и прокладкой Германией железной дороги между Веной и Константинополем, по которой первый поезд прошел в декабре 1887 года, станет понятно, что обе континентальные империи, Россия и Германия, двигаются в одном направлении, — туда, где их вовсе не ждет Великобритания.

Если прибавить к этому колоссальный рост германского торгового и военного флота, то станет понятно, что угроза в ближайшей перспективе утратить положение «владычицы морей» поворачивала Англию лицом к вчерашнему врагу России для создания нового союза. И Англия повернулась, поманив Россию Проливами.

На российское правительство давили мощные лоббистские группы — экспортеры зерна, банкиры, углепромышленники, машиностроители, судостроители, нефтепромышленники, для которых было принципиально важно получить контроль над черноморскими проливами, дающими выход в Средиземное море. Многие были связаны с французским капиталом (производство металла, добыча нефти и угля, экспорт нефти и зерна).

«Но кроме зернового экспорта надо принять во внимание текстильный — вывоз бумажных тканей на азиатской границе составил в 1909 году 21,5 млн. рублей, а в 1913-м — 40,8 млн. рублей, почти удвоился. Уже война 1877—1878 годов была в известной степени попыткой выбросить за границы России железнодорожное строительство, возможности которого внутри империи нетерпеливым грюндерам казались исчерпанными. Об этом неопровержимо свидетельствует *б о л г а р с к а я* политика Александра III, железнодорожный смысл которой так и бьет в глаза...» (*Покровский М. Н. Империалистическая война. 1915—1930. Книжный дом «Либроком». М., 2010. С. 115*).

В архиве российского МИДа было немало материалов на тему этого дипломатического «покера», в котором британцы проявили себя в полном блеске, чего, увы, не скажешь о российских.

Впрочем, сотрудничество с Англией было *НЕ*эвзалимовыгодное. И вот почему. В XIX — начале XX века продвижение России в центральноазиатском направлении было одним из приоритетных. Персия в нем играла особую роль, здесь сошлись интересы русских промышленников и дипломатов. Накануне мировой войны российский ввоз составлял более половины всего персидского импорта, и две трети иранского экспорта шло в Россию. Население Пер-

сии носило одежду, изготовленную из российских тканей фабрик Рябушинских, Гучковых и Коноваловых. В российском ввозе 80 процентов составляла продукция промышленности, половина всего русского экспорта хлопчатобумажных тканей (вспомним Рябушинских!), до трети экспорта сахара, 11 процентов экспорта металлических изделий. К началу XX века российский купец был монополистом на севере Персии.

Летом 1907 года, после всех бед военного поражения и революции, Россия заключила с Великобританией соглашение о разделе сфер влияния в Азии, разделив сферы влияния в Персии и отказавшись от продвижения в Афганистан и Тибет.

Соглашением предусматривалось разделение Персии на три зоны влияния: север страны — России, юг — Великобритании, середина — нейтральна. Россия «получила» то, что имела, но отдала практически все. Так, начальник Генерального штаба Ф. Ф. Палицын сказал во время обсуждения условий конвенции: «Афганистан имеет для России едва ли не самое большое значение на всем среднеазиатском театре. Новая доктрина английских военно-политических кругов, рассматривающая Среднюю Азию в качестве решающего плацдарма возможной войны с Россией, превращает страну эмира из буферного государства в британский аванпост, в огромную боевую позицию, угрожающую целостности и покою империи» (*Лунева Ю. В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны. (1907—1914). М., 2011. С. 38*).

Впрочем, когда были получены гарантии англичан о согласии предоставить России исключительные права на проход ее военных кораблей через Проливы, Генеральный штаб снял возражения. При этом Форин Офис убедил российский МИД не включать пункт о Проливах в текст официального соглашения, объяснив это возможным раздражением Германии, и этот довод был принят, чтобы сохранить свободу рук и возможность балансировать между европейскими державами. Но насколько можно было верить английским дипломатам?

В соглашении ничего не говорилось о нефти, которую британцы получали как незапланированный приз и впоследствии, выкупив акции Англо-персидской нефтяной компании, беззастенчиво вошли в нейтральную зону и частично даже в северную. Зато в соглашении говорилось об отказе обеих империй вмешиваться во внутренние дела Персии. В итоге правительство Мохаммед-Али-шаха, главный союзник России в Центральной Азии, осталось без российской поддержки и было свергнуто проанглийской оппозицией. Поворачиваясь лицом к Проливам и Балканам, Россия теряла свои перспективы в южной Персии и Персидском заливе, ограничива-

ла свои возможности в нейтральной зоне, где находились интересующие англичан нефтяные месторождения; Петербург лишил себя возможности даже в перспективе распространить влияние на всю Персию. В дальнейшем Лондон действовал настойчиво и блокировал русские инициативы в Персии, заявляя, что представит Россию европейскому общественному мнению как реакционера и агрессора.

Генерал-майор Е. А. Вандам (Едрихин), военный разведчик и аналитик, с сарказмом заметил: «Плохо иметь англосакса врагом, но не дай бог иметь его другом!»

Увидев, что новоприобретенные союзники опасны, Петербург обратился к Берлину, заключив с ним в 1911 году в Потсдаме соглашение, чтобы получить дополнительные гарантии своих интересов в северной Персии. Германия признавала эту зону сферой влияния России, а Россия обязалась не препятствовать строительству Багдадской железной дороги. В результате русско-германское соглашение вопреки упованиям МИДа активизировало строительство Багдадской железной дороги и роковым образом повлияло на обострение всех межгосударственных противоречий, прежде всего — русско-германских и во вторую очередь — англо-русских.

Россия оказывалась зажатой между двух мощных «союзников», поэтому надо было снова искать выход.

Планировалось, что Германия должна заявить об отказе от поддержки австрийской наступательной политики на Балканах. В ответ от нее было получено требование, чтобы Россия отказалась от «намерения оказывать поддержку враждебной Германии политике в случае, если бы таковой придерживалась Англия». Но прочно привязанный к Парижу финансовыми займами Петербург отверг попытку сделать германские предложения основой для переговоров.

Еще в апреле 1904 года английская дипломатия начала антигерманскую стратегическую операцию — было подписано генеральное соглашение с Францией по комплексу спорных территорий от Ньюфаундленда до Сиамы, получившее название «Сердечного соглашения» (Антанта). Россия, связанная союзным договором с Францией, стала его составной частью.

Однако нельзя сказать, что в российской верхушке не понимали двойственности отношений с Парижем. Еще на заре сердечной дружбы с французами звучали опасения в полезности таковой. В дневнике товарища министра иностранных дел империи В. Н. Ламздорфа (позже — министра) от 3 февраля 1892 года приводится замечание министра финансов Вышнеградского: «Только не пускаться в соглашения с французами, они нас «надуют» и не могут быть нам полезными, а немцы для нас настолько необходимы, что я согласен на уступки для сближения по финансовым и по тарифным интересам».

Ламздорф уточнял: «Вместо того, чтобы систематически ссориться с немцами и донкихотствовать в пользу французов, мы должны были бы договориться с ними о нашем нейтралитете, необходимом для обоих; мы могли бы его обещать при условии предоставления нам известной свободы действий на Востоке. После этого нам оставалось бы только заниматься нашими собственными делами, предоставив другим устраивать свои дела между собой. Им понадобилось на это не менее столетия!..»

С другой стороны, отечественная промышленность нуждалась в защите от германской конкуренции, так что выбор был небольшой.

Еще надо учесть, что экономика России являлась полем постоянного соперничества разных групп зарубежного капитала, из которого к началу мировой войны на долю стран Антанты (Франция, Англия, Бельгия, США, Италия) приходилось 75 процентов, а на долю Германии и Австро-Венгрии всего 20 процентов. Поэтому понятно, на чьей стороне в итоге оказалось и политическое влияние.

Черноморский «доворот» в российской политике произошел после Боснийского кризиса в 1909 году, когда Австро-Венгрия при поддержке Германии ввела войска в Новобазарский санджак (турецкий район между Сербией и Черногорией), аннексировала Боснию и Герцеговину. Центральные державы получали путь к Средиземному морю и Ближнему Востоку. Не готовая к войне Россия была вынуждена согласиться с аннексией. Кризис обнаружил еще одно, дипломатическое, поражение Петербурга — министр иностранных дел А. П. Извольский пошел на неформальные переговоры с австро-венгерским коллегой А. Эренталем, дал согласие на признание Россией аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в обмен на обещание Эрентала поддержать требование России открыть черноморские проливы для прохода русских военных судов и предоставление территориальных компенсаций Сербии. Всю ответственность за переговоры с другими государствами Извольский взял на себя, хотя едва ли кто-нибудь поверил в его самоуправство, и все это закончилось «дипломатической Цусимой». Франция и Англия даже не думали поддержать российского министра. За Проливы Россия еще должна будет заплатить запланированную Лондоном цену, что и было совершено вступлением ее в мировую войну. А без войны — извините, в Лондоне простакам не подают!

Разумеется, у России были большие интересы на Балканах и в зоне Проливов. (Еще Наполеон говорил: «Кто владеет Проливами, тот владеет миром».)

Академик М. Н. Покровский разложил ситуацию по полочкам: «...отчего в 1914 г. война вспыхнула не между Россией и Англией, а между Россией и Герма-

нией? Ответ может быть только один. Империалистская война не была исключительно или даже главным образом русским делом. Русский империализм был на мировом театре второстепенным или даже третьестепенным — а европейскую войну (с самого начала имевшую тенденцию стать мировой войной, поскольку участниками явились Япония — и *de facto* и *de jure* — и Соединенные Штаты — *de facto*, ибо они сразу же стали главной индустриальной базой *одной* из воюющих сторон), мог развязать только империалистский конфликт первого порядка. Первостепенным было — или казалось — военное могущество России, и это дало последней такое положение в конфликте, которое совершенно не соответствовало ее значению экономическому».

Зато громко звучали голоса поощряемых из-за Ла-Манша и из Парижа политиков и финансируемых отечественными банкирами и промышленниками интеллектуалов: «Вернуть ключи от собственного дома!» Было ясно, что «ключи» — в черноморских проливах, надо только не стесняться протянуть к ним руку.

Что же получилось в итоге колоссальных российских усилий по продвижению на Балканы, в Центральную Азию, на Дальний Восток? А получились три войны — с Турцией, с Японией, с Германией.

Прокладывали железные дороги, вывозили зерно через Проливы, организовывали промышленный экспорт в Азию, боролись за рынки, но при этом не замечали собственный внутренний рынок, потому что не искали, как обогатить бедное население.

Было забыто предостережение канцлера А. М. Горчакова, что для России «расширение территории есть расширение слабости».

Возможно ли было, что крестьянин Сергей Терентьевич Семенов и подобные ему земледельцы разбогатели бы настолько, что текстильным магнатам надо было не волноваться о чужеземных рынках? Наверное, возможно. Во всяком случае, успех нескольких лет премьерства Петра Аркадьевича Столыпина позволяет так думать. Политическая система «третьей июльской монархии» опиралась на дворянство и финансово-промышленную буржуазию и обладала достаточной устройчивостью, чтобы преодолеть трудности. Для ее обрушения были необходимы чрезвычайные обстоятельства и силы.

Глава седьмая. За что велась борьба внутри российского правящего класса?

Среди высшей бюрократии было немало прозорливых людей. Один из них, государственный контролер П. Х. Шванебах, писал, указывая на бедность крестьян, которые, создавая основной экспортный

продукт, лишены возможности развивать свое хозяйство и поддерживать платежеспособный спрос: «Нельзя не обратить внимания вот еще на что: всякий понимает, что наше сельское хозяйство может выбраться на надлежащий путь только с переходом к усовершенствованным способам культуры и к более интенсивному извлечению доходов из земли».

Если из всех более 10,9 миллиона крестьянских хозяйств только десятая часть могла продавать свои продукты, то оставшиеся 90 процентов представляли собой огромный резервуар для роста товарного производства и расширения рынка. Или не резервуар, а пороховой погреб?

Проблема бедности была обратной стороной индустриальной стратегии Витте. Переставшее быть чисто дворянским, государство, бюрократическое и финансово-предпринимательское, вслед за «лишними» дворянами не знало, как поступить с простонародной массой.

Хлебная торговля от крестьянского двора до морского порта была перенасыщена посредниками и ростовщическим капиталом. Это не только тормозило развитие аграрного сектора, но и лишало производителя части необходимого продукта, удушало деревню. Скупка урожая «на корню», ценовые сговоры перекупщиков, выплата мизерных авансов под будущий урожай были основной формой легального паразитирования скупщиков. Если в Министерстве земледелия США работало специальное бюро для сбора информации о хлебной торговле во всех регионах страны численностью 150 тыс. человек, то в России в важнейшем экспортном секторе царила анархия. Ежегодно на экспорте зерна посредники, среди которых доминирующую роль играл иностранный капитал, зарабатывали до 50 млн. золотых рублей.

Министерство финансов не стремилось навести здесь порядок, повысить платежеспособность крестьянских хозяйств. Страна с колоссальными возможностями расширения и усовершенствования торговли, экспортируя до 700–800 млн. пудов (до 5 млн. т.) хлебов (вывоз в 1910–1911 гг. составлял 21,9 % мирового экспорта), отдавала рыночные позиции конкурентам.

Железнодорожные тарифы, например, были изменены таким образом, чтобы наиболее выгодно было везти хлеб к портам и к западной границе, а не к промышленным центрам и потребляющим губерниям.

Оставался верным вывод П. Х. Шванебаха, относившийся к более раннему периоду: «Но если бы операции 1893–1896 гг., хлебную и золотую, изобразить бухгалтерски, то пришлось бы в актив занести привлеченное и удержанное в России золото, в пассив же — прогрессивное разорение нашего земледелия, выразившееся для крестьян в росте недоимок и в учащающихся голодовках, а для помещиков — в

росте неоплатной для многих задолженности... Бедность крестьян побуждает к самому разорительному сбыту зерна.

Не приходится ли опасаться, как бы с дальнейшим ростом хлебного вывоза не стали учащаться наши голодовки и продовольственные затруднения?»

Шванебаха с другого края российского общества поддерживал Антон Павлович Чехов. Так, отмечая последствия понижения на мировом рынке цен на зерно, он в письме А. С. Суворину 10 января 1895 года писал: «Если приедете, то поговорим о хлебном кризисе. По-моему, этот кризис сослужит России большую службу. Лошади сыты, свиньи сыты, девки веселы и ходят в резиновых калошах, скот дорог, мужики даже телят не продают — одним кулакам плохо, что и требовалось».

Насколько серьезны были конкуренты отечественных сельских хозяев и экспортеров, можно судить по французской фирме «Дрейфус Луи и К°». С 1860 года братья Дрейфусы занимались экспортом зерна из Одессы, в 1873-м открыли первый филиал фирмы в Таганроге. Первоначально отгрузка зерна производилась из портов Одессы, Николаева и Таганрога, в дальнейшем — из Ростова-на-Дону, Севастополя, Бердянска, Мариуполя, Ейска, Феодосии, Темрюка, Новороссийска, Петербурга, Либавы, Риги, Архангельска. К 1914 году в России действовало 114 отделений фирмы, а в ряде регионов агенты фирмы закупали зерно даже в деревнях. Через черноморские проливы зерно вывозилось во Францию, Великобританию, Германию, Голландию, Бельгию, Италию, Скандинавские страны, где фирма тоже имела свои отделения. Это была организация мирового уровня, работающая, кроме России, в Аргентине, Болгарии, Румынии. Она участвовала в создании Общества южнорусских биржевых комитетов и экспортеров в Одессе, оказывала финансовую помощь ряду еврейских благотворительных обществ в Одессе, Ростове-на-Дону, Николаеве, Мелитополе. За вклад в развитие российской торговли Л. Л. Дрейфус был награжден орденами Св. Анны 2-й степени и Св. Станислава 2-й степени и, соответственно, стал личным дворянином.

И таких фирм в России, особенно на Юге, было великое множество.

Напомним, что зерновой экспорт был важнейшим для российского бюджета и, соответственно, тема «ключей от собственного дома» никогда не уходила из повестки правящего класса. Для простого люда предлагалось более понятное: «Водрузить крест на Святой Софии», то есть завоевать Константинополь.

Константинополь? В Берлине, пожалуй, возражали бы не все. Читаем в мемуарах Бисмарка: «Я думаю, что для Германии было бы полезно, если бы русские тем или иным путем, физически или дипло-

матически, утвердились в Константинополе и должны были бы его защищать. Это избавило бы нас от положения гончей собаки, которую Англия, а при случае и Австрия, натравливают против русских вожделений на Босфоре; мы могли бы выжидать, будет ли произведено нападение на Австрию и наступит ли тем самым наш casus belli... Если бы я был австрийским министром, то не препятствовал бы русским идти на Константинополь; но я начал бы с ними переговоры только после их выступления».

Русско-японская война явилась эпиграфом к Февралю 1917 года. Ее цели для общества оказались непонятны, оппозиционная пропаганда обвиняла власти в потворстве корыстолюбивой «безобразовской клике», человеческие жертвы и финансовые потери взывали к отмщению. На самом деле, получение лесных концессий в Корее на протяжении 800 километров и использование якобы для охраны вооруженных отрядов было прикрытием геополитических проектов и защиты российских дальневосточных границ от неизбежной экспансии Японии. Еще в 1896 году статс-секретарь А. М. Безобразов, правнук графа Ф. Г. Орлова, разработал проект, в котором, предвидя неизбежную войну с Японией и для укрепления позиций на Дальнем Востоке, предлагалось организовать коммерческие предприятия в Корее и Маньчжурии по типу британской Ост-Индской компании.

Геополитический резон войны знали только единицы, и к тому же среди них не было уверенности в ее необходимости. Похоже, на Дальнем Востоке империя получила повторение крымской эпопеи. И с тем же результатом.

Несоответствие между экономически активной и образованной частью населения и «старосветски-помещичьим» характером государства создавало буквально каждый день все новые напряжения. Террор «Народной воли», настигший Александра II, был в начале XX века продолжен новыми образованными молодыми людьми, идущими на самопожертвование. Вслед за императором погибли тысячи людей, ставшие по эту сторону невидимой баррикады, — министры, губернаторы, генералы, офицеры, священники, купцы, крестьяне, простые обыватели, женщины, дети. Они погибли от руки наследников «Народной воли», социал-революционеров, сокращенно — эсеров, чьей идеологией был террор, террор, террор.

Были убиты министр народного просвещения А. П. Боголепов, министр внутренних дел Д. С. Сипягин, министр внутренних дел В. К. Плеве. Эти покушения проведены Боевой организацией эсеров, которой руководили Г. Гершуни, Б. Савинков, Е. Азеф.

Противостояние коронной власти и общества дошло до немыслимого градуса, характерного только

для революций или гражданской войны. Например, в 1902 году дворянин Павел Николаевич Милюков, помещик, интеллектуал, ученик знаменитого историка В. О. Ключевского, будущий председатель парламентской партии конституционных демократов, высказывался так: «Еще два-три покушения на царских министров, и у нас будет конституция».

Революция 1905 года вывалась из разрыва Традиции и Модерна, коронная власть оказалась в самом жерле вулкана.

Дальнейшие события, инициированные либеральными интеллектуалами, привели к массовым забастовкам (бастовало 90 процентов предприятий страны, железные дороги, почта, телеграф, торговля, бойни, аптеки, нотариусы, водопроводчики), крестьяне громили помещичьи усадьбы, в Прибалтике латыши заживо сожгли захваченных драгун, гремели взрывы бомб, восстали крепости Свеаборг и Кронштадт, команды черноморских броненосцев «Потемкин» и «Очаков». Экономически активное население, общинное крестьянство и «бывшие» дворяне поставили империю на край пропасти. Всего за три года революции было 26 628 террористических актов, погибли 669 человек, свыше 2000 было ранено.

Поражение в войне сорвало сдерживающие засовы.

Тринадцатого октября Николай II поручил Витте возглавить Совет министров, войска Петербургского военного округа переподчинялись генерал-губернатору столицы Д. Ф. Трепову. 14 октября в Петрограде начал работу Совет рабочих депутатов, куда вошли представители революционных партий и выборные делегаты от заводов. Председатель Петербургского совета Г. С. Носарь-Хрусталеv прямо заявлял, что всеобщая политическая забастовка 1905 года профинансирована крупным капиталом (!). Правительство не рискнуло закрыть Совет, опасаясь новых рабочих забастовок. 15 октября не вышли все российские газеты, кроме киевского «Киевлянина». В Москве население испытывало большие трудности. На рынках не было продуктов, в водопроводе — воды. Торговцы, лишившиеся возможности зарабатывать, и городской люд за несколько дней забастовки пришли в сильнейшее раздражение против ее зачинщиков. Уже 14 и 15 октября на московских улицах начались столкновения простонародной толпы с забастовщиками. Стали избивать студентов. 16 октября сказала свое слово Церковь. Вот всех храмах было прочитано обращение митрополита Владимира, призвавшего народ бороться со смутой. 17 октября с утра заработал водопровод, стали принимать скот бойни, застучали по рельсам вагоны конки. Сразу на трех железных дорогах — Казанской, Ярославской, Нижегородской — служащие решили приступить к работе. В Твери вечером 17 октября толпа осадила губернскую управу, где собрались земские служащие

для обсуждения вопроса о забастовке, подожгли здание и били выбегающих из него людей, не различая сторонников и противников забастовки. 16 октября делегация Петроградского Совета рабочих депутатов потребовала от городской Думы ассигнования на продолжение стачки и на приобретение оружия и организацию пролетарской милиции.

Семнадцатого октября император подписал манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», назвав свой шаг «страшным решением, которое он, тем не менее, принял совершенно сознательно». Как утверждали приближенные, при подписании у него из глаз катились «крупные слезы». Россия из абсолютной монархии становилась конституционной. Манифест давал максимум возможного: «даровать народу незаблемые основы гражданских свобод» (неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний, союзов, участие в выборах в Государственную Думу всех слоев населения, признание Думы законодательным органом, без одобрения которого ни один закон не мог вступить в силу). Монархия показывала, что готова к диалогу с главным оппонентом, состоятельной и образованной частью общества, не исключая и народ. Дальнейшие события зависели от способности сторон не впадать в разрушительные крайности и выстраивать новую, парламентскую государственность.

Царь признал, как размышлял о своем выборе: «Предстояло избрать один из двух путей: назначить энергичного военного человека и всеми силами постараться раздавить крамолу; затем была бы передышка, и снова пришлось бы через несколько месяцев действовать силой; но это стоило потоков крови и в конце концов привело бы к теперешнему положению, т. е. авторитет власти был бы показан, но результат оставался бы тот же самый... Другой путь — предоставление гражданских прав населению... Кроме того, обязательство проводить всякий законопроект через Государственную Думу — это, в сущности, и есть конституция».

Говоря другими словами, император предпочел не использовать всю мощь государства, а спустя двенадцать лет, в 1917 году, фактически повторил свой выбор. Именно с этого момента начинается трагическое ненахождение общего языка двух главных политических сил: традиционной имперской государственности и буржуазной демократии. Николай II, сделав беспрецедентный по трудности выбор, до конца своего царствования надеялся найти союзника в лице образованной части общества.

Обнародование манифеста взорвало страну. Пиком противостояния стало Московское вооруженное восстание в декабре 1905 года, подавленное с применением артиллерии Семеновским гвардейским полком под командованием генерал-майора

Геorgia Александровича Мина, почти сразу и застреленного в августе 1906 года учительницей (!)-эсеркой Зинаидой Коноплянниковой.

Манифест оказался недоваренным и трудноперевариваемым блюдом. Общество оказалось не готовым к сотрудничеству. Витте с размаху налетел на пустоту, которую принимал за прочную опору. Суворин записал в дневнике 23 июля 1907 года как эпитафию отставленному премьеру: «У Витте большой талант и большой ум, умение узнавать людей, но малое образование и полное отсутствие нравственных правил. Он старается подкупить всякого человека тем или другим способом и вытянуть из него все, что можно. Огромная ошибка была издать Манифест 17 октября, никого не предупредив: губернаторы узнали из газет, когда они стали выходить».

Государственная Дума, избранная в апреле 1906 года, оказалась малоспособной в конституционной деятельности. Да и коронная администрация слабо представляла деятельность парламента. Она исходила из многовековой сущности монархии: Россия как большая семья держится на патернализме царской власти, на личности монарха, неотделимой от заботы о народе. Избранная Дума эту связь фактически разединяла, и роль монарха должна была измениться.

С самого начала Дума отказалась морально осудить терроризм, поправка депутата М. А. Стаховича осудить политические убийства не прошла! Лидеры кадетов говорили, что невозможно осуждать террор, так как партия утратит моральный авторитет.

Струве же раскрыл причины политической зависимости российского либерализма от западных банков: «одним из устоев нашей конституции» является «внутренняя политическая и финансовая слабость России».

(Можно проследить аналогию политической реформы 1905 года с советской «перестройкой», в результате которой разрушился Советский Союз. Вопрос в обоих случаях стоял так: с каких реформ начинать — с политических или экономических? Сошлемся на принципиальный разговор М. С. Горбачева и Дэн Сяопина, состоявшийся 16 мая 1989 года во время официального визита советского лидера в КНР. Касаясь идущих в Советском Союзе и Китае реформ, Горбачев сказал: «Вы начали преобразования с экономики, а мы — с политики, но в итоге придем к одному результату».

Дэн Сяопин возразил: «Мы придем к разным результатам».

В своих мемуарах Горбачев предпочел об этом умолчать, а Евгений Примаков, сопровождавший Генерального секретаря, в беседе с автором этих строк подтвердил, что такой разговор был.

Реформы Горбачева разрушили политическую систему СССР, базировавшуюся на конституцион-

ности партийных органов. Как только КПСС стала уступать власть, она превращалась в живой труп, от нее следовало скорее избавиться. Нечто подобное стало происходить в Российской империи.)

Среди генералов зарождались мысли о перевороте, о чем можно судить по мрачному высказыванию члена Государственного Совета, бывшего Киевского генерал-губернатора графа А. П. Игнатьева: «Мы попали в тупик. И придется, пожалуй, пойти в Царское с военной силой...»

Но тут на сцене появляется герой-спаситель. Петр Аркадьевич Столыпин (2 (14) апреля 1862—5 (18) сентября 1911) в апреле 1906 года с должности саратовского губернатора был назначен министром внутренних дел, а в июле того же года стал премьер-министром.

После досрочно распущенной 1-й Думы и громкого покушения на Столыпина (взорван дом, сын и дочь ранены) по приказу Николая II для борьбы с террористами были учреждены военно-полевые суды, в порядке упрощенного судопроизводства (в 24 часа) террористов стали вешать и расстреливать. В 1905—1913 годах было приговорено к смертной казни 6871 человек, казнен 2981. Революция пошла на спад.

В уездах начали работать правительственные комиссии по проведению аграрной реформы, которая была объявлена указом императора 9 ноября 1906 года. Предстояло решить экономическую и социальную проблемы. Сельское население европейских губерний с 1861 года выросло с 50 до 86 млн. человек, ежегодно оно увеличивалось на два процента, но сельское хозяйство не давало адекватного увеличения продовольствия. Соответственно, у крестьян не прибавлялось и земли.

Теперь крестьяне могли выходить из общины, получили возможность покупать землю через Крестьянский банк по льготной цене в многолетний кредит, — до 95 процентов стоимости кредита оплачивало государство. В Крестьянский банк безвозмездно передавались государственные земли и земли, принадлежавшие царской семье. Земля не продавалась ни помещикам, ни крестьянским обществам, ни банкам, ни горожанам — только в личную собственность крестьян. Спекуляция приобретаемой землей исключалась. Большинство покупателей были середняки и бедняки.

Началась столыпинская аграрная реформа, которая должна была наделить землей желающих расширять свое хозяйство крестьян. Делая ставку на «сильных хозяев», правительство не предполагало насильственного разрушения общины, но невидимая война между «Семеновыми» и общинниками шла везде, где без кровопролития, а где с кровопролитиями и убийствами.

Еще одно важное обстоятельство, открывшееся после аграрной реформы приведено в книге Александра Исаевича Солженицына «Двести лет вместе»: «И еврей-землевладельцы, часто с изрядными участками, проявили себя противниками столыпинской земельной реформы, передающей землю в частную собственность крестьян. (Не только они, — поразишься ярости, с которой эту реформу встретила пресса тех лет, не только крайне правая, но и вполне либеральная, а уж тем более — революционная.) Еврейская энциклопедия толкует: «аграрные реформы, основанные на передаче земли исключительно в руки тех, кто ее обрабатывает личным трудом, нарушили бы интересы некоторой части еврейского населения, находящейся при больших хозяйствах еврейских землевладельцев». Прошла революция, и советско-еврейский автор, оглядываясь, уже с пролетарским негодованием, писал так: «Еврейские помещики имели при царской власти более 2 миллионов гектаров земли (особенно при сахарных заводах на Украине, а также большие имения в Крыму и Белоруссии)», даже имели «более 2 млн. гектаров лучшей черноземной земли», например, барон Гинцбург в Джанкойском районе имел 87 тыс. гектаров, фабриканту Бродскому принадлежали десятки тысяч гектаров при его сахарных заводах, и такие же имения у других сахарозаводчиков, всего еврейским капиталистам принадлежало 872 тыс. гектаров сельскохозяйственной площади. А за земельной собственностью следовала и хлебная торговля, и мучная. (Вспомним: хлебный экспорт «осуществлялся почти исключительно евреями».) «Из всего еврейского населения СССР до революции целых 18% [больше миллиона человек! — А. С.] приходилось на тех, кто занимался хлебной торговлей самостоятельно, как хозяин, и на членов их семей. Это обстоятельство создавало известное нерасположение к еврейскому населению со стороны крестьян» (ибо скупщики стремились всячески понизить цену на хлеб, чтобы продать его выгоднее). Становились евреи скупщиками и других крестьянских продуктов в западных губерниях и на Украине. (Впрочем, как не отметить: деятельные трудолюбивые старообрядцы в Клинцах, Злынке, Стародубе, Еленовке, Новозыбкове не отдавали торговлю в чужие руки.) Бикерман считает, что невозможность для еврейских хлебных торговцев распространиться на всю территорию России покровительствовала неподвижности, застою, кулачеству. Но «если русская хлебная торговля... вошла составной частью в мировой торговый оборот... то этим страна обязана главным образом евреям». Как мы прочли раньше, «уже в 1878 г. на долю евреев приходилось 60% хлебного экспорта из Одессы. Евреи первые развили хлебную торговлю в Николаеве, Херсоне, Ростове-на-Дону, они же — и в

Орловской, Курской, Черниговской губерниях, и были значительно представлены в петербургской хлебной торговле». А в Северо-Западном крае приходилось «на 1000 торгующих зерновыми продуктами — 930 евреев».

Однако большинство источников не освещает рыночного поведения этих еврейских скупщиков. А было оно порой суровым и по сегодняшним меркам незаконным: например, еврей-скупщики иногда сговаривались и отказывались вообще покупать урожай — чтобы цены падали. Не случайно же в 90-х годах XIX века, впервые в России и опередив в том Европу, в южных губерниях возникли земледельческие кооперативы (под руководством графа Гейдена и Бехтеева) — как противодействие этой, по сути, вполне монопольной, скупке крестьянского хлеба» (*Солженицын А. И. Двести лет вместе Ч. 1. С. 298–299*).

В стране стали параллельно существовать два мира с различным экономическим устройством: одна треть крестьян активные «рыночники» и две трети — их антиподы. При этом те крестьяне, которые продали свои наделы и перебрались на заводы и стройки, несли туда общинную психологию, отвергающую буржуазную экономическую реформу. Можно сказать, что под покровом реформы Россия оставалась двуликим существом, состоящим из двух половинок.

Впрочем, у Столыпина были основания надеяться на то, что государство проскочит между монархической наковальней и крестьянским молотом. Стратегия реформ: создать в деревне опору государственной власти из крепких собственников, изжить уравнительную общинную практику, избыток рабочей силы направить в растущую промышленность, обеспечить модернизацию сельского хозяйства. И вот что важно: мелкие и средние хозяйства должны были объединяться в самоуправляемые структуры (своеобразные «колхозы») под патронажем крупных помещичьих хозяйств. Но мы знаем, что эта эволюционная «коллективизация» сельского хозяйства не состоялась, а была доведена до логического конца в 1930-е годы во время социалистической индустриализации, которая явилась оборотной стороной «столыпинской медали».

Теперь следовало, учитывая опыт американских аграриев и промышленников, вырвавшихся на мировой сельскохозяйственный рынок, применить машинную обработку почвы на обширных площадях, создать и построить элеваторы, складскую и транспортную логистику, обеспечить дешевые банковские кредиты. Стояла задача — сделать высокодоходным ведущий сектор экономики, пребывающий в архаике времен царя Гороха. А для этого надо было дать ему финансовую опору.

Еще очень важное обстоятельство: мелкие и средние помещичьи хозяйства быстро исчезали. Страна должна была пройти через неизбежное реформирование дворянского политического класса, а тот, кто проводил это реформирование, оказывался под прицелом недовольных.

Программу премьера составлял не только проект земельной реформы, а целая законодательная «революция»: законы о свободе вероисповеданий, неприкосновенности личности и гражданском равноправии, улучшении крестьянского землевладения, улучшении быта рабочих, государственном страховании, административной реформе — реформе земского самоуправления, введении земства и Прибалтийском и Западном краях, земском и городском самоуправлении в Царстве Польском, реформе местного суда, реформе средней и высшей школы и массового начального образования, введении подоходного налога, объединении полиции и жандармерии, издании нового закона об исключительном положении, новой территориальной организации империи по примеру американских «штатов» или германских «земель». Кроме того, намечалась отмена ограничений для евреев. Столыпин понял главную проблему момента: укрепить государство и успокоить общество.

Однако страна, в которой жил Столыпин, была «необъятным и темным мужицким царством с очень слабо развитыми классами, с очень тонким культурным слоем, с царем, сдерживающим это царство и не допускавшим растерзания народом этого культурного слоя» (*Бердяев Н. А. Судьба России: Сочинения. М., 2004. С. 493–494*).

«Чтобы понять масштаб проблемы, надо сказать, что рост населения привел к огромной перенаселенности в деревнях (скрытой безработице), составляющей в 1900 году в 50 центральных губерниях примерно 23 млн. человек» (*Хромов П. А. Экономическое развитие России. М., 1967. С. 326*).

При этом по стране бродило около 10 млн. так называемых «сердитых нищих». Куда, на какие новые стройки городов, заводов и портов, должны были уйти эти люди? Да и были ли такие стройки в нужном количестве?

Чтобы укрепить аграрный сектор, Столыпин бросил вызов финансовому миру, потребовал, чтобы государственный Крестьянский поземельный банк перешел в подчинение МВД (Столыпин занимал пост и министра внутренних дел) и выпустил облигационный заем на колоссальную сумму в 500 млн. рублей.

Кирилл Александрович Кривошеин в своей книге об отце, ближайшем сотруднике Столыпина, повествует о борьбе реформаторов с министром финансов В. Н. Коковцовым за создание настоящего инвестиционного банка для поддержки сельского

хозяйства, остро нуждающегося в деньгах. Получив землю, крестьяне напоминали армию без патронов; государству следовало сделать решающий шаг для их поддержки, чтобы уменьшить хищничество экономически сильных. Однако чисто «бухгалтерский» подход Коковцова, считавшего, что главным для министерства является не развитие, а накопление золотого запаса, вело политику Столыпина в тупик.

Российский золотой запас был самым большим в Европе, но Государственный банк эмитировал недостаточное количество денег. «Россия была одной из редких стран, где сумма кредитных билетов в обращении была ниже суммы золотого запаса».

Если бы замысел Столыпина—Кривошеина был реализован и премьер стал бы экономическим диктатором, жизнь государства повернулась бы в новом направлении.

Да, Столыпин усмирил революцию, держа «в одной руке пулемет, а в другой — плуг» (выражение В. В. Шульгина), но чем дальше революция уходила в прошлое, тем чаще слышались в окружении царя недовольство и ревность к премьеру.

Вот что можно увидеть за строками Докладной записки Совета съездов представителей промышленности и торговли «О мерах к развитию производительных сил России и улучшению торгового баланса», представленной правительству 12 июля 1914 года, то есть за 19 дней до начала мировой войны. Столыпина уже нет в живых, империя находится перед роковой развилкой.

«Страна переживает в настоящее время переходное состояние. В сельском хозяйстве, в самой системе землепользования начался громадный переворот, результаты которого пока еще только намечаются, но не поддаются учету (...) Города растут у нас с поистине американской быстротой. Целый ряд железнодорожных станций, фабричных и заводских поселков, особенно на юге, обратился в крупные центры городской — по всему своему складу и запросам — культуры. Естественный в известные периоды экономического развития процесс концентрации населения, в силу происходящих сейчас коренных изменений в жизни сельскохозяйственного населения России, пойдет несомненно с возрастающей быстротой, и лет через 20–30 мы увидим, быть может, картину самых крупных в этой области перемен (...)

Но переживаемый ныне период экономического подъема сопровождается нарушением торгового баланса, делая его пассивным, по причине возрастания ввоза иностранных произведений, при невозможности удовлетворить внутренний спрос продуктами отечественной, хотя и развивающейся промышленности. Ныне, как и тогда, мы заняты усиленным строительством флота, работами для государственной обороны, сооружением железных до-

рог, портостроительством и пр. и начинаем прибегать к ввозу металлических изделий, каменного угля, нефти и т. д. Задержка в принятии мер к твердой охране таможенного тарифа и развития внутреннего производства уже оказала неблагоприятное влияние на торговый баланс и на финансы государства (...)

Основное условие этого развития блестяще сформулировано финансовой комиссией Государственного Совета; в своем докладе по государственной росписи доходов и расходов на 1914 г. финансовая комиссия считала нужным вновь *«указать на устарелость законов о промышленности и на излишние стеснения, испытываемые предпринимателями в разных областях промышленной деятельности. Между тем успешное развитие этой деятельности возможно лишь при условии предоставления широкого поприща личной инициативе и при отсутствии ограничений, тормозящих частные начинания в области торговли и промышленности»*. (...)

СПб., 10 июля 1914 г.

Председатель Совета Н. Авдаков

Товарищ председателя В. Жуковский» (Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. Редакторы-составители А. М. Анфимов, А. П. Корелин).

За строками документа отчетливо слышится предупреждение правительству.

И, чтобы закончить тему финансовой политики империи, скажем, что только после отставки премьер-министра и министра финансов Коковцова Кривошеину удалось повернуть стратегическое планирование в новом направлении. «Новый курс» нового министра финансов Петра Людвиговича Барка увеличивал капиталовложения в народное хозяйство и осуждалась прежняя система, «которая наполняет государственное казначейство ценою разорения, духовного и хозяйственного, всего народа». Стратегия радикально изменялась: финансовая система империи должна была работать «на началах производительных сил». Были приняты пятилетние (!) планы земельных улучшений и расширения сети железных дорог на 50 процентов, включая Турксиб и Южно-Сибирскую магистраль, было решено строить электростанции на Днепре и Волхове.

Все это было реализовано уже в СССР. До начала Первой мировой войны оставалось восемь месяцев.

Глава восьмая. Сердце царя в руке Божией.

В то время, когда уже были собраны силы мировой войны, жила в России одна счастливая семья, в которой муж и жена души не чаяли друг в друге, а дети были окружены заботой и любовью. Наверное, таких семей было немало. Но поговорим только об

одной, семье Николая Александровича и Александры Федоровны, императора и императрицы.

Он был хорошо образован, физически силен, настойчив, добр, аскетичен, не тщеславен. Действительно, к каким высотам ему надо было стремиться, будучи императором? В анкете Всероссийской переписи 1897 года он простодушно указал свою должность: «Хозяин земли Русской», что потом вызывало гору насмешек.

Все же нельзя назвать его идеальным героем. В историческом процессе подобных счастливых вообще нет.

Вот рассказ о его детстве великого князя Александра Михайловича: «Будущий Император Николай II рос в напряженной атмосфере вечных разговоров о заговорах и неудавшихся покушениях на жизнь его деда Императора Александра II. Пятнадцати лет он присутствовал при его мученической кончине, что оставило неизгладимый след в его душе».

Его любимая жена была четырьмя годами моложе, родилась в 1872 году в семье герцога Людвига IV Гессен-Дармштадтского и дочери английской королевы Виктории принцессы Алисы; ее тоже называли Алисой. В 1878 году от дифтерита умерли мать Алисы и ее сестра, надолго оставив у дочери чувство душевного одиночества. Веселый жизнерадостный ребенок превратился в замкнутого, задумчивого, недоверчивого. Ее воспитание проходило под присмотром английской королевы Виктории в духе пуританской морали, преимущественно на английском языке. Алиса много читала, прослушала курс философии в Оксфорде, знала литературу, искусство, говорила на нескольких языках. И была очень хороша собой — стройная, высокая, с большими темно-голубыми глазами. Все, кто близко знал ее, говорили, что главная черта ее характера — доброта.

Вот одно из описаний ее внешности, относящееся к 1915 году: «Улыбка кротости, смирения и какой-то покорности судьбе отражалась на страдальческом лице ее. (...) Ее поношенное, темно-лиловое платье было не первой свежести и не отвечало требованиям моды; длинная нитка жемчуга вокруг шеи, спускавшаяся до пояса, была единственным украшением туалета; но главное, что отличало Императрицу от дам большого света, было это отсутствие напыщенности и рисовки, чистота и непосредственность движений, отсутствие заботы о производимом впечатлении... Я видел перед собой простую, искреннюю, полную бесконечного доброжелательства женщину, кроткую и смиренную...»

У царской четы было пятеро детей, четыре дочери — Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия — и сын Алексей, родившийся в августе 1904 года, цесаревич, наследник престола. Девочек воспитывали по-спартански: они спали на жестких походных посте-

лях без подушек, утро начиналось с холодного купания. Мать обучала их рукоделию, что сама умела с детства.

Порой скромность Александры Федоровны вызывала улыбки. Так, сын ходил в перешитых из девичьих платьев штанишках и блузах. Да и сам отец не отличался щегольством. Один из его слуг потом рассказал: «Его платья были часто чинены. Не любил он мотовства и роскоши. Его штатские костюмы велись у него с жениховских времен, и он пользовался ими». В обнаруженных после убийства в Екатеринбурге военных шароварах были заплаты, а внутри левого кармана надпись-пометка: «Изготовлены 4 августа 1900 года, возобновлены 8 октября 1916 года».

Сердцем семьи был маленький Алексей, жизнерадостный, подвижный, веселый малыш. Мало кто знал, что он поражен неизлечимой болезнью — гемофилией, слабой свертываемостью крови. Любой ушиб, порез или даже сильный кашель могли оборвать его тонкую жизненную нить.

О несчастье семьи никто не должен был знать, чтобы не волновать государственной жизни и не будоражить династические проблемы среди многочисленной романовской родни.

Досуг семья проводила вместе. Часто после ужина собирались послушать, как отец читает вслух кого-нибудь из классических писателей — Пушкина, Гоголя, Толстого. В церковные праздники все молились в царскосельских церквях.

В узкий круг царской семьи мало кто мог свободно входить. Почему? Потому что нравственно очень требовательная Александра Федоровна, оказавшись перед лицом романовского клана, многочисленных великих князей, их жен, детей, внуков, друзей и всей клиентелы, ничего не сделала, чтобы стать для них своей. Она хотела счастья и покоя своим близким и защищала свой мир с неожиданной силой новообращенной православной христианки, принявшей старогреческую веру своего мужа как спасительную.

Все было бы хорошо, если бы не болезнь наследника и не стоявшее у порога царскосельского александровского дворца «Русское горе».

А. С. Суворин в дневнике намекает на это, приводя русскую пословицу: «Вынеси ты меня, мое горе!» А за два года до рождения императора Алексей Константинович Толстой написал очень странное стихотворение «Чужое горе», предсказывающее будущие трагедии.

*В лесную чащу богатырь при луне
Въезжает в блестящем уборе;
Он в остром шеломе, в кольчатой броне
И свистнул беспечно, бочась на коне:
«Какое мне дается горе!»*

*И едет он рысью, гремя и звеня,
Стучат лишь о корни копыты;
Вдруг с дуба к нему кто-то прыг на коня!
«Эй, кто за плечами там сел у меня?
Со мной, берегись, не шути ты!»*

*И щупает он у себя за спиной,
И шарит, с досадой во взоре;
Но внемлет ответ: «Я тебе не чужой,
Ты, чай, об усобице слышал княжой,
Везёшь Ярослава ты горе!»*

*«Ну, ври себе! — думает витязь, смеясь, —
Вот, подлинно, было бы диво!
Какая твоя с Ярославом-то связь?
В Софийском соборе спит киевский князь,
А горе небось его живо?»*

*Но дале он едет, гремя и звеня,
С товарищем боле не споря;
Вдруг снова к нему кто-то прыг на коня
И на ухо шепчет: «Вези ж и меня,
Я, витязь, татарское горе!»*

*«Ну, видно, не в добрый я выехал час!
Вишь, притча какая бывает!
Что шишек еловых здесь падает вас!
Так думает витязь, главою склоняясь,
А конь уже шагом шагает.*

*Но вот и ступать уж ему тяжело,
И стал спотыкаться он вскоре,
А тут кто-то сызнова прыг за седло!
«Какого там чёрта ещё принесло?»
«Ивана Васильича горе!»*

*«Долой вас! И места уж нет за седлом!
Плеча мне совсем отдавило!»
«Нет, витязь, уж сели, долой не сойдём!»
И едут они на коне вчетвером,
И ломится конская сила.*

*«Эх, — думает витязь, — мне б из лесу вон
Да в поле скакать на просторе!
И как я без боя попался в полон?
Чужое, вишь, горе тащить осуждён,
Чужое, прошедшее горе!»*

На императоре лежал тяжелый груз минувших времен. Тут было всё и все — киевский Ярослав Мудрый, ордынские ханы, Иван Васильевич Грозный, разгромивший боярскую оппозицию, Алексей Михайлович Романов с патриархом Никоном, Петр, гвардейские перевороты, восстание декабристов, Великие реформы, крестьянин Семенов, великая гора

общины, хитроумный Витте, героический и одинокий Столыпин, Рябушинские, Гинцбурги, Поляковы, профессор Струве и еще некто без лица с револьвером в подвале какого-то дома в Екатеринбурге.

К Петру Великому он относился без всякого почитания, однажды признавшись: «Это предок, которого менее других люблю за его увлечения западной культурой и попирающие всех чисто русских обычаев. Нельзя насаждать чужое сразу, без переработки. Быть может, это время как переходный период и было необходимо, но мне оно несимпатично» (*Мосолов А. А. При дворе последнего императора «Анкор», М., 1993. С. 28*).

Отдельно от них стояла фигура русского крестьянина Григория Распутина, вышедшего невесть откуда и принесшего надежду на исцеление малыша. Видимо, он и был олицетворением «Горя».

Кто он? Сибирский мужик, один из тех, которые «взыскуют истины», самоучка, малограмотный, умный, много повидавший в паломничествах по святым местам, хорошо знающий Библию. Он мог словом останавливать жестокие приступы болезни наследника, сотворяя непостижимое чудо. Разговаривать с ним было интересно и поучительно. Это был, надо понимать, голос русского народа, случайно вошедший в царский дом. Он обещал, что спасет Алексея, а после того, как наследнику исполнится шестнадцать лет, болезнь совсем уйдет. И, цепляясь за соломинку, не верить ему было невозможно.

Распутин заполнял сияющую имперскую пустоту как одомашненный колдун, похожий на разбойника и одновременно на древнего пророка. Это загадочное ощущение, угадываемое в русском простонародии, передал Иван Алексеевич Бунин: *Расцветают, горят на железном морозе несытые / Волчьи, Божьи глаза...*

Через Распутина и вползло горе. Слаб мужик, не сдержался, не устоял, поддался соблазнам, пожелал казаться всемогущим. По свидетельству Владимира Николаевича Коковцова, преемника Столыпина на посту премьера и министра финансов, «в начале декабря или в конце ноября» 1911 года в столице стали расходиться отпечатанные на гектографе копии 4-х или 5-ти писем — одно императрицы Александры Федоровны и ее дочерей к Распутину. «Все эти письма относились к 1910 или 1909 году, и содержание их и в особенности отдельные места и выражения из письма Императрицы, составлявшие в сущности проявления мистического настроения, давали повод к самым возмутительным пересудам», — писал в своих мемуарах Коковцов.

«Возлюбленный мой и незабвенный учитель, спаситель и наставник. Как томительно мне без тебя. Я только тогда душой покойна, отдыхаю, когда ты, учитель, сидишь около меня, а я целую твои руки

и голову склоняю на твои блаженные плечи. О, как легко мне тогда бывает. Тогда я желаю одного: заснуть, заснуть навеки на твоих плечах, в твоих объятиях. О, какое счастье даже чувствовать одно твое присутствие около меня. Где ты есть. Куда ты улетел. А мне так тяжело, такая тоска на сердце... Только ты, наставник мой возлюбленный, не говори Ане о моих страданиях без тебя. Аня добрая, она хорошая, она меня любит, но ты не открывай ей моего горя. Скоро ли ты будешь опять около меня. Скорее приезжай. Я жду тебя и мучаюсь по тебе. Прошу твоего святого благословения и целую твои блаженные руки. Вовеки любящая тебя Мама».

Письма цесаревен тоже были очень интимны и целомудренны. Однако: «Россия прочла эти строки, и по стране пошел гулять слух, что «Гришка» живет с царицей. По сути, это было начало конца. После этого Царскому дому, а значит, и всей Империи было не устоять» (*Варламов А. Н. Григорий Распутин — Новей. М., «Молодая гвардия». М., 2007. С. 292–294*).

Да, правящий класс уже выносил свой обвинительный вердикт, но в глубине России еще царил покой. Если учесть, что в большинстве деревень не было ни фельдшерских, ни акушерских пунктов, зато в каждой был свой колдун, то и какой-то Гришка Распутин казался сказкой о явлении мужика в царский дворец.

Дело в том, что письма были подлинными. Никакой интимной информации, которую увидели в них поборники нравственности, они не содержали. Правда, Распутин не должен был показывать их кому бы то ни было. Но показал из-за своей дикой натуры.

Или скажем по-другому. Достоевский в «Братьях Карамазовых» писал о таком типичном созерцателе, что, «может, вдруг, накопив впечатлений за многие годы, бросит все и уйдет в Иерусалим скитаться и спасаться, а может, и село родное вдруг спалит, а может быть, случится и то, и другое вместе».

Началась кампания по «раскрытию глаз» императору, выступления депутатов в Государственной Думе, волна публикаций в газетах. Царице был вынесен приговор: «Эта женщина не любит ни царя, ни Россию, ни семью и всех губит».

Сила и красота империи в год 100-летнего юбилея Бородинской битвы были очевидны. Вот какую яркую картину торжества видим в мемуарах московского губернатора Владимира Федоровича Джунковского — в день 28 мая 1912 года на открытии памятника Александру III в Москве: «В момент выхода Государя из Иверской часовни Вознесенская площадь представляла собой удивительно красивое зрелище. Блестели шитые золотом мундиры офицеров гвардейских полков, стоявших шпалерами, сверкало оружие войск на появившемся после дождя ярком солнце, развевались школьные знамена, а по обеим сторонам

Иверской часовни расположились красавцы конвойцы его величества в красных кафтанах, а по левой стороне часовни, у проезда через ворота стояли земские начальники, волостные старшины со всей России и типичные станичные атаманы с их булавами в руках, с самых отдаленных окраин нашей Родины, в разнообразных формах (...) В 11 часов из внутренних покоев через Екатерининский зал, Кавалергардскую комнату, Андреевский, Александровский, Георгиевский и Владимирский залы, Святые сени и Красное крыльцо в Успенский собор последовал высочайший выход. Во главе шествия шли камер-фурьеры, два церемониймейстера, обер-церемониймейстер барон Корф, придворные кавалеры, вторые чины двора, гофмаршал граф Бенкендорф, первые чины двора и др. В предшествии обер-гофмаршала князя Долгорукова следовали: Государь в форме гренадерского Астраханского полка под руку с императрицей Марией Федоровной, позади Государя министр двора барон Фредерикс и дежурство: генерал-адъютант князь Белосельский-Белозерский, свиты генерал Петрово-Соловово и флигель-адъютант князь Долгорукий; за императрицей — обер-гофмейстер князь Шервашидзе. Далее следовала императрица Александра Федоровна с наследником цесаревичем, который был в форме стрелков императорской фамилии. Затем парно шли остальные особы императорского дома, придворные дамы, лица свиты и т. д. (...) Как только на Красном крыльце появился Государь, то глубокая тишина, царившая на площади, дрогнула под звоном всех златоглавых церквей кремлевских. Потрясающее «ура», восторженно приветствовавшее их величества, как-то сразу вырвалось из груди народа, заполнявшего площадку и Царскую площадь. Под эти несмолкающие крики «ура» шествие медленно начало спускаться по красивой величественной лестнице, направляясь к Успенскому собору. (...)» (*Джунковский В. Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 1, 2.*)

Необыкновенная красота церемонии, восторг публики, золотые купола Кремля, славная история — все утверждало чувство гордости и патриотизма. Однако главные действующие лица не были так восторженны, как виделось со стороны. Они были актерами бесконечного спектакля, который был им утомителен, что подчеркивалось болезненностью сына, ушибшего ногу и сидящего на руках могучего боцмана Деревенько. Более того, они никогда не любили больших масс и чувствовали себя стесненно. Между царской семьей и остальным миром стояла невидимая стена. Приближенные и весь романовский клан ощущали это.

Поэтому Распутин оказался так кстати, так необходим тем, кто стремился оказать влияние на императора. Хотели вырвать царя из-под власти «темных» сил Столыпин, Коковцов, великие князья, церков-

ные иерархи, генералы, депутаты. А другие хотели через Распутина войти в доверие к императрице и императору.

По отношению к Распутину верхи разделились на «чужих» и «своих», что стало символом раскола. Царь не реагировал на информацию о «старце Григории», Александра Федоровна воспринимала всех «доброжелателей» как личных врагов.

К тому же надо учесть еще одно обстоятельство: Распутин был противником войны с Германией, главным индустриальным партнером империи. Соответственно, все, кто желал в ближайшее время получить «ключи от собственного дома» и следовать курсом английской дипломатии, были его недругами.

Глава девятая. Предполье мировой войны. Появление Гучкова.

В начале октября 1912 года, через месяц после Бородинских торжеств, началась 1-я Балканская война. России она не нужна была ни с какой руки. Более того, она разрушала ее планы. Эти планы, конечно, были связаны с Проливами и отталкивались от «дипломатической Цусимы» А. П. Извольского, когда он «проиграл» партию своему австро-венгерскому коллеге. Согласившись на переход двух бывших турецких провинций под юрисдикцию Вены, Петербург как будто просто признал статус-кво, ибо дипломаты знали, что по секретному Рейхштадтскому соглашению 1876 года Россия согласилась на «оккупацию» Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины (Новобазарский санджак), получав взамен ее нейтралитет в грядущей Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. На Берлинском конгрессе в 1879 году эта «оккупация» стала бессрочной, за Россией же были признаны права на Бессарабию.

Однако юридически в случае любых потрясений Босния и Герцеговина могли оказаться в ином владении. А уступать же эту территорию австрийцы никак не планировали.

Закрепив юридическое право на Боснию и Герцеговину, Австро-Венгрия нарушила баланс сил в регионе. В ответ Россия попыталась отыграть, укрепить сотрудничество с Турцией, а после того, как из этого ничего не вышло, пошла навстречу Италии. В октябре 1909 года в итальянском городке Раккониджи Николай II и король Виктор-Эммануил III подписали секретный договор. Он предусматривал поддержку со стороны Италии в сохранении статуса-кво на Балканах и содействие в открытии черноморских проливов для русских военных кораблей в обмен на доброжелательный нейтралитет России в случае захвата Италией Триполитании и Киренаики (нынешняя Ливия), находившихся в составе Османской империи. Дого-

вор также предусматривал совместное дипломатическое давление Италии и России на Австро-Венгрию в случае нарушения ею статуса-кво на Балканах.

В конце октября 1911 года итальянские войска заняли приморские города Триполитании и Киренаики, Рим объявил об аннексии этих провинций.

Десятого октября 1912 года началась 1-я Балканская война, крошечная Черногория объявила войну Османской империи. Тут же войну объявили Сербия, Болгария и Греция и стали быстро продвигаться к Константинополю. К началу ноября турецкая армия была разбита. Русское общество охватило воодушевление, но за восторгами, как обычно, не рассмотрели серьезной проблемы. Болгария, за которой стояли Германия и Австрия, могла захватить Проливы, что Россию никак не устраивало. Петербург потребовал прекратить наступление и предложил Германии, Франции, Англии, Австро-Венгрии и Италии выступить против раздела Турции. 30 мая 1913 года в Лондоне был заключен мирный договор: почти вся территория европейской Турции переходила к победителям, Турции осталась узкая полоска территории возле Константинополя.

Хотела ли этой войны России? Нет и еще раз нет!

Хотело ли ее российское общество? Да и еще раз да! Сомнений не должно было быть: святой долг России — сражаться за свободу православных братьев, за славянское содружество. Еще не был забыт герой прошедшей Русско-турецкой войны генерал А. Д. Скобелев, отчеканивший формулу: «Россия — единственная страна в мире, которая может воевать из сострадания!»

Сострадание или не сострадание, но не упустим из виду, что любая война — это и сугубо материальные интересы. В этой обстановке на правительство оказывала давление вся экспортноориентированная часть российской экономики, которой был необходим контроль над Проливами. Уже с 1910 года реорганизация армии и строительство флота было обеспечено финансами. В 1911 году были спущены на воду четыре дредноута.

Балканские войны, особенно 2-я, возбуждали военные химеры. Летом 1912 года была заключена франко-русская морская конвенция, согласовавшая действия флотов, а также в ходе совещания начальников генеральных штабов подтверждена стратегическая цель — поражение Германии. Французское правительство предложило ежегодные займы от 400 до 500 млн. франков на постройку стратегических железнодорожных линий, ведущих из центра страны к западным границам. Займы были приняты. Империя неудержимо шагала к мировой войне.

Одну из трагических ролей сыграл Гучков. Александр Иванович был незаурядным человеком, закаленный в старообрядческой традиции. Он окончил

Московский университет, учился в Германии, приобрел большой опыт в Московской городской управе, был товарищем (заместителем) городского головы, гласным городской Думы, работал управляющим московского Учётного банка, был совладельцем страхового общества «Россия», финансировал массовую газету «Новое время» и, соответственно, был близок к А. С. Суворину, возглавлял партию «Союз 17 октября». Октябристы были консервативными либералами, были согласны, условно говоря, на «49 процентов» в управлении страной и сотрудничали с правительством. С юности стремился к риску, гимназистом хотел бежать на войну с турками за освобождение Болгарии, добровольцем участвовал в англо-бурской войне на стороне более слабых буров, был ранен, оказался в плену. Во время Русско-японской войны был помощником главноуполномоченного Красного Креста при Маньчжурской армии — уполномоченным города Москвы и Комитета великой княгини Елизаветы Фёдоровны. Отказался покинуть Мукден вместе с отступающими русскими войсками и остался вместе с ранеными в японском плену. Выступал за решительную борьбу с революцией, в том числе с помощью военно-полевых судов. Не раз дрался на дуэлях. Поддержал роспуск 2-й Государственной Думы и изменение избирательного закона 3 июня 1907-го. Был избран в 3-ю Государственную Думу, поддерживал П. А. Столыпина. (Октябристы имели в этой Думе 154 мандата из 442.)

Одно время даже царь был расположен к Гучкову, но после разглашения последним подробностей их доверительного разговора перестал ему доверять. Более того, после участия Гучкова в раздувании антираспутинской истерии в Царском Селе называли его «подлецом».

Переход Гучкова от промонархической центристской позиции к радикальной оппозиции, что мы увидим накануне Февраля, происходил постепенно. Александр Иванович, будучи председателем думской комиссии по государственной обороне, вступил в жестокий конфликт с военным министром В. А. Сухомлиновым в вопросе модернизации армии. Заметим, что Военное и Морское министерства, Министерство внутренних дел и Министерство иностранных дел контролировались императором, а не Думой. В мае 1908 года с думской трибуны Гучков заявил о помехах, чинимых армейскому управлению великими князьями (родственниками царя), при этом никак не отвечающими за свои действия. Такой критики от политических союзников в адрес правящей династии еще никто себе не позволял. В итоге председатель Военного совета великий князь Николай Николаевич оставил свой пост.

П. Б. Струве относил Гучкова к типу политических деятелей, ярким примером которых в XIX веке

являлся президент Франции, умиритель Парижской коммуны Луи-Адольф Тьер: «Огромное честолюбие и огромная, граничащая с беспринципностью, пластичность. И рядом с этим — подлинный органический и общественный патриотизм, ярким пламенем вспыхивающий в моменты, когда Гучков касается той стороны нашей общественной жизни, которая его сильнее волнует, — вопросов государственной обороны» (Струве П. Б. 17 октября 1909 г. // *Patriotica: политика...* С. 150.)

Хочется назвать Александра Ивановича Григорием Ефимовичем, ибо какой-то древний мрак бился в его душе. Неспроста именно Гучков принимал отречение императора. Для такого дела требовалось нечто особенное.

Глава десятая. Интеллигенция на пиру оппозиции.

Велики заслуги русской интеллигенции и страшна ее вина перед государством. После революции 1905 года группа очнувшихся от революционных иллюзий авторов издала знаменитый сборник «Вехи», где в статье «Интеллигенция и революция» было предъявлено интеллигенции обвинение в «безрелигиозном отщепенстве от государства». Как ни странно, автор статьи совсем недавно высказывал иные мысли. Узнав о разгроме российского флота в Цусиме, он признался: «Я дрожал от радости: и именно в этом сознании чувствовал себя патриотом». Это уже известный нам П. Б. Струве, сын пермского губернатора и внук знаменитого астронома, основателя Пулковской обсерватории. Но надо ли удивляться столь противоречивым высказываниям?

Россия от самого верха до низов колебалась.

Разночинная интеллигенция, аскетичная, знающая жизнь, не удовлетворенная темпом перемен, становится оппонентом власти. Дворянское государство, исповедующее идеи жертвенного служения Отечеству и императору, воспринимается ею как атавизм, что совпадает с процессом социальной трансформации в европейских странах. Да и где они, эти дворяне? В 1897 году потомственные дворяне составляли только 23 процента от числа университетских студентов (*Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. Пер. с англ. Б. Пинскера. М., 2004. С. 203*).

Земская реформа самоуправления приоткрыла образованным слоям путь к реальной власти на местах, позволила в противовес государственной бюрократии заниматься широким кругом вопросов от создания земских школ и пунктов проката сельскохозяйственного инвентаря до строительства дорог и больниц. Эта деятельность неизбежно приобретала

политический характер, так как постоянно сталкивалась с препонами, идущими от чиновников.

К тому же экономическое положение этнического ядра империи было особенно тяжелым: налоговое обложение в русских губерниях было в среднем на 59 процентов выше, чем в национальных окраинах. (*Соловей В. Д. Кровь и почва русской истории. М., 2008. С. 105*).

Писатель Лев Толстой в январе 1902 года обратился к императору с письмом, призывая его совершить немыслимое. Оно начиналось несколько вызывающе: «Любезный брат! Такое обращение я счел наиболее уместным потому, что обращаюсь к вам в этом письме не столько как к царю, сколько как к человеку — брату».

Писатель явно не признавал императорское достоинство адресата, но это было не самое главное. Он говорил о язвах современной государственной жизни, о нищающем народе, массовом недовольстве деятельностью правительства, падении авторитета Православной Церкви и самодержавия. «Вас, вероятно, приводит в заблуждение о любви народа к самодержавию и его представителю — царю то, что везде при встречах вас в Москве и других городах толпы народа с криками «ура» бегут за вами. Не верьте тому, чтобы это было выражением преданности вам, — это толпа любопытных, которая побежит точно так же за всяким непривычным зрелищем. Часто же эти люди, которых вы принимаете за выразителей народной любви к вам, суть не что иное, как полицией собранная и подстроенная толпа, долженствующая изображать преданный вам народ, как это, например, было с вашим дедом в Харькове, когда собор был полон народа, но весь народ состоял из переодетых городских (...).

Самодержавие есть форма правления отжившая, могущая соответствовать требованиям народа где-нибудь в Центральной Африке, отделенной от всего мира, но не требованиям русского народа, который все более и более просвещается общим всему миру просвещением. И потому поддерживать эту форму правления и связанное с нею православие можно только, как это и делается теперь, посредством всякого насилия: усиленной охраны, административных ссылок, казней, религиозных гонений, запрещения книг, газет, извращения воспитания и вообще всякого рода дурных и жестоких дел».

Л. Н. Толстой предлагал: «В России, где огромная часть населения живет на земле и находится в полной зависимости от крупных землевладельцев, освобождение рабочих, очевидно, не может быть достигнуто переходом фабрик и заводов в общее пользование. Для русского народа такое освобождение может быть достигнуто только уничтожением земельной собственности и признанием земли общим достоянием, — тем самым, что уже с давних пор составляет за-

душевное желание русского народа и осуществления чего он все еще ожидает от русского правительства».

Несмотря на невыполнимость предложений литературного классика, 27 января 1902 года Николай II принял его сына Льва Львовича Толстого и разговаривал с ним около двух часов. В конце беседы гость призвал царя «к опрощению», не убивать животных, не пить и не курить.

Спустя пять лет Л. Н. Толстой обратился к председателю правительства Столыпину, которого помнил совсем малышом и даже нянчил у себя на коленях.

«26 июля 1907 года.

Петр Аркадьевич!

Пишу Вам не как министру, не как сыну моего друга, пишу Вам как брату, как человеку, назначение которого, хочет он этого или не хочет, есть только одно: прожить свою жизнь согласно той воле, которая послала его в жизнь.

Дело, о котором я пишу Вам, вот в чем:

Причины тех революционных ужасов, которые происходят теперь в России, имеют очень глубокие основы, но одна, ближайшая из них, это недовольство народа неправильным распределением земли.

Если революционеры всех партий имеют успех, то только потому, что они опираются на это доходящее до озлобления недовольство народа. (...)

Земля есть достояние всех, и все люди имеют одинаковое право пользоваться ею (...)

В том, что всё революционное раздражение держится, опирается на недовольство крестьян земельным устройством, кажется, не может быть сомнения. А если это так, то не сделать того, что может уничтожить это раздражение, вынудив почву из-под ног революционеров, значит, имея в руках воду, которая может потушить зачинающийся пожар, не вылить ее на огонь, а пролить мимо и заняться другим делом.

Думаю, что для энергического человека в Вашем положении это возможно. (...)

Только начните это дело, и Вы увидите, как тотчас же примкнут к Вам все лучшие люди всех партий; с Вами же будет все стомиллионное крестьянство, которое теперь враждебно Вам. С Вами будет могущественнейшая сила общественного мнения. А когда эта сила будет с Вами, очень скоро само собою уничтожится, рассеется то всё растущее озлобление и озверение народа, которое так тщетно пытается подавить правительство своими жестокостями».

Столыпин ответил в конце октября 1907 года: «Мне кажется, что отсутствие «собственности» у крестьян создает все наше неустройство. (...) Смешно говорить этим людям о свободе или о свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той, по крайней мере, наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным».

«Душитель революции» Столыпин и «зеркало русской революции» Толстой были родовитыми дворянами, помещиками, их предки создали славу империи. Но граф стал «интеллигентом», премьер остался в своем кругу. И не следует думать, что «добренький» Лев Николаевич ограничивался лишь обращением к верхам. Его мощная натура кипела отрицанием режима, его авторитет взрывал основы. Его облик — это одновременно декабрист, народник, народоволец-цареубийца, эсер-бомбист.

Возможно, читатель возмутится? Неужели создатель трогательного образа русской героини Наташи Ростовской, сказавший: «Наташа — это я», был средоточием таких политических страстей?

Да, был. Вот свидетельство: «Удовлетворение от убийства русских министров испытывали даже люди, вся жизнь и деятельность которых, казалось, кричала о недопустимости пролития человеческой крови. Писатель Владимир Короленко рассказывает об отношении к убийству министров и погрому дворянских имений Л. Толстого: «Чехов и Елпатьевский рассказывали мне, что когда ему передали о последнем покушении на Лауница, то он сделал нетерпеливое движение и сказал с досадой:

— И наверно, опять промахнулись...

Я привез ему много свежих известий. Я был в Петербурге во время убийства Сипягина... Толстой лежал в постели с закрытыми глазами. Тут его глаза раскрылись, и он сказал:

— Да, это правда. Я вот.. понимаю, что как будто и есть за что осуждать террор... Ну, вы мои взгляды знаете, и все-таки...

Потом глаза опять раскрылись, взгляд сверкнул острым огоньком из-под нависших бровей, и он сказал:

— И все-таки не могу не сказать: это целесообразно.

Я удивился этому полуодобрению террористических убийств, казалось бы, чуждых Толстому. Когда я перешел к рассказам о «грабежке», то Толстой сказал уже с видимым полным одобрением:

— Молодцы.

Я спросил:

— С какой точки зрения вы считаете это правильным, Лев Николаевич?

— Мужик берется прямо за то, что для него важнее всего. А вы разве думаете иначе?» (*Прайс-ман Л. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001. С. 85*).

Владимир Ильич Ленин не случайно назвал Льва Николаевича «зеркалом русской революции», требования которого практически совпадали с программами социал-демократов, эсеров и кадетов, но еще больше — с крестьянскими ожиданиями.

Александр Блок, видевший проблему изнутри, отмечал в 1908 году, что «интеллигентных людей,

спасающихся положительными началами», становится все меньше; «высшее начало» отсутствует, заменяется «всяческим бунтом и буйством, начиная от вульгарного «богоборчества» декадентов и кончая неприметным и откровенным самоуничтожением — развратом, пьянством, самоубийством всех видов».

Словно отвечая на письмо писателя премьер-министру, Ленин разобрался с проблемой Льва Николаевича весьма прозорливо: «Патриархальная деревня, вчера только освободившаяся от крепостного права, отдана была буквально на поток и разграбление капиталу и фиску. Старые устои крестьянского хозяйства и крестьянской жизни, устои, действительно державшиеся в течение веков, пошли на слом с необыкновенной быстротой (...) Толстой отразил накипевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого — и незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости».

«Интеллигентство» Толстого имело глубокие корни, уходящие в эллинские и византийские идеалы справедливой жизни и непризнание римского идеала жизни по закону. Законник Столыпин со своей чисто европейской рациональностью был ему чужд.

Николай Александрович Бердяев попросту написал Льва Николаевича к «духам русской революции», а не к какому-то ее «зеркалу»: «Толстой мешал народению и развитию в России нравственно ответственной личности, мешал подбору личных качеств, и потому он был злым гением России, соблазнителем ее. В нем совершилась роковая встреча русского морализма с русским нигилизмом и дано было религиозно-нравственное оправдание русского нигилизма, которое соблазнило многих. В нем русское народничество, столь роковое для судьбы России, получило религиозное выражение и нравственное оправдание».

Еще проще смотрел на проблему мрачный Суворин, записавший в дневнике 29 мая 1901 года: «Два царя у нас: Николай второй и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой несомненно колеблет трон Николая и его династии» (*Суворин. Дневник. С. 316*).

Тот же Суворин после встречи с Достоевским 8 августа 1887 года отметил в дневнике шокирующее признание писателя: «Тут же он сказал, что напишет роман, где героем будет Алеша Карамазов. Он хотел его провести через монастырь и сделать революционером. Он совершил бы политическое преступление. Его бы казнили. Он искал бы правду и в этих поисках, естественно, стал бы революционером...»

Впрочем, это только часть культурной панорамы, где мастодонтов классики окружали разные земноводные, которых становилось все больше и больше.

Антон Павлович Чехов с легкой насмешкой отметил в письме А. Н. Плещееву еще 27 августа 1888 года: «Под флагом науки, искусства и угнетаемого свободного мысля у нас на Руси будут царить такие жабы и крокодилы, каких не знавала даже Испания во времена Инквизиции. Вот Вы увидите! Узкость, большие претензии, чрезмерное самолюбие и полное отсутствие литературной и общественной совести делают свое дело».

Доктор Чехов в диагнозе не ошибся. Требования, предъявляемые экономическим развитием к культурному обществу, были подобны неостановимому ходу экспресса на застрявшую на железнодорожном переезде дворянскую коляску. Ее седоки в ужасе прыгивали на землю и старались зацепиться за пролетающие поручни, крича, чтобы машинист притормозил, а поездная команда впустила их в вагоны. Те, кому повезло, шли по коридору вдоль купе и видели в одном Льва Толстого, в другом — кадета Милюкова, в третьем — биржевых игроков и банкиров, в четвертом на мягком диване сидел молодой человек с интеллигентным лицом и крепко прикладывал к виску черный револьвер, угадывая, как надежнее застрелиться. Обезбоженность, о которой говорил Струве, давно царила в этом поезде.

А что было дальше? Равнодушие к собственной судьбе, проклятия в адрес Бога и отцов, отрицание святости семьи, культ греха, поиск наслаждений в этой короткой бессмысленной жизни. Начиная Серебряный век, поразивший мир свободой русского одиночества. Они утешались наркотиками, погружались в содомию, стрелялись. Как заметил исследователь этой тайной стороны Серебряного века Станислав Юрьевич Куняев: «В конечном счёте, самоубийство стало обычным явлением для «серебряной среды». Век, как древнеримский Сатурн, стал пожирать своих детей. Раствление душ, как правило, завершалось «жертвоприношением тел». Особенно рекордным по числу наложивших на себя руки был предвоенный 1913 год» (...) Дети Серебряного века очень любили в своих стихах намекать или говорить прямо, что они играют с адскими силами, что они накоротке с «владыкой тьмы», что их притягивают тёмные бездны зла. Такие игры даром не проходят. Игра в ад закончилась настоящим адом».

«Серебряные герои» чувствовали себя в тупике, из которого нет выхода. А рядом, по другую сторону культуры, обитала демоническая сила, запечатленная на картине художника В. Максимова «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» (1875): «Здесь чуть не целая деревня собралась в избу. Все сидят за столом, и вдруг, как привидение, вошел колдун, со своими длинными лычками у пояса, которыми может «связать», кого захочет. Он стоит, как грозная статуя, он уже собирается ступить за очерченный ме-

лом на полу круг. И вся толпа народа в испуге; дьякон тоже встал со скамейки и косится на врага своего. Какая глубокая картина деревенской веры и того обихода мысленного, чем поколения века живут у себя, по далеким деревням» (*Стасов В. В. Избранное: В 2 т. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 499*).

Как объяснить, что именно интеллигенция согласилась стать бродильными дрожжами Февраля? Неся идею культурного развития, обслуживая финансовую и промышленную олигархию и желая получить свою часть власти, она во время войны сделала свой выбор. Победа императорской России была для нее нежелательна.

Культуролог Русского зарубежья Владимир Вейдле отмечает: «Ленин был едва ли не одареннейшим из всех революционеров, когда-либо делавших революцию. Свой изумительный талант революционера доказал всем своим руководством революцией, лишь по видимости основанным на учении о классовой борьбе, на самом деле проистекавшим из понимания исконной, хоть и дремотной, вражды русского народа не столько к кулаку и толстосуму, сколько к барину, т. е. человеку, быть может, и небогатому, но носящему пиджак и воротничок, читающему книжки, живущему непонятной и не нужной народу жизнью (...). При встрече с народом новая Россия (т. е. февралистская. — *С.Р.*) разбилась о наследие Древней Руси, не преобразованное Петром и его преемниками на троне или у трона.

Лучшей гарантией успеха было для революции истребление правящего и культурного слоя, и эту гарантию Ленин от народа получил. После Октября полуинтеллигенты пришли к власти, а интеллигенция более высокого культурного уровня оказалась выгнанной или уничтоженной» (*Вейдле В. В. Умирание искусства. М., 2001. С. 141–143, 255*).

Простонародная Русь, со времен Петра более 200 лет ощущавшая себя «под романо-германским игом» (Трубецкой Н. «Наследие Чингисхана»), обрушилась на Санкт-Петербургскую империю в цивилизационном конфликте небывалой силы. Идея справедливости и правды победила идею закона и реформ. Вспомним: «Царь охранял культурный слой от напора народной тьмы, не нуждавшейся в высшей культуре» (*Бердяев Н. А. Судьба России: Сочинения. М., 2004. С. 493–49*).

Глава одиннадцатая. Надлом «силы порядка».

Мог ли великий князь из рода Романовых стать учредителем банка или акционерного общества? Мог! И некоторые становились акционерами или «продавали» свои имена учредителям; монархическая идея оказывалась в услужении Маммоны.

Читаем у Суворина: «17 июня, 1907. Я писал сегодня о дворянстве. В прошлом году И. Л. Горемыкин сказал мне: «Это недурно, что усадьбы жгут. Надо потрепать дворянство. Пусть оно подумает и перестанет работать в пользу революции. Есть ужасная дрянь в дворянстве» (*Суворин. Дневник. С. 272–273*).

Возможное будущее можно легко разглядеть в столкновении двух высших чиновников империи, о чем поведал Иосиф Фролович Гиндин: «В 1910 году товарищ министра внутренних дел, небезызвестный Курлов, пишет министру финансов следующее. По сведениям Министерства внутренних дел, управляющий одним из филиалов Азовско-Донского банка, близкий родственник председателя правления банка, совершил одно из тех уголовно наказуемых, но никогда до суда не доходящих дел, которые обычны в практике руководящих кругов капиталистических предприятий (спекулировал в собственных интересах, потерял банковские деньги и списал их с прибылей отделения). По сведениям Министерства внутренних дел, Азовско-Донской банк усиленно финансирует кадетскую партию. Министерство внутренних дел полагает, что Министерство финансов могло бы намекнуть на щекотливое дело, предложить банку прекратить указанную противоправительственную деятельность.

Коковцов коротко ответил, что не считает возможным принять какие-либо меры в этом направлении. Министерство внутренних дел на этом не успокоилось. Через некоторое время в следующем письме сообщается, что Азовско-Донской банк через члена правления А. И. Каминку (известный профессор гражданского права) широко финансирует провинциальную кадетскую прессу. Это сопровождается просьбой о принятии мер воздействия на банк. Ответа Коковцова на это письмо в деле нет. Его реакция выразилась только в нервной пометке карандашом: «Что же я могу сделать?»

Получается весьма живописный треугольник... Следует грозный окрик начальства в лице той части правительственного аппарата, которая являлась наиболее чистым выразителем социальной сущности самодержавия. Окрик разбивается о глухую стену — представительство интересов финансового капитала внутри того же правительственного аппарата.

В истории России едва ли есть более убедительный пример расползания государственной власти. И это произошло еще при живом Столыпине, «последнем дворянине империи»!

Знаменитый социолог и сам участник Февраля Питирим Александрович Сорокин писал в «Социологии революции»: «Когда растущим революционным силам «репрессированных» инстинктов группы обороны способны противопоставить контрсилу подавления, а тем самым создать баланс давления, ре-

волюция уже отнюдь не является столь неизбежной. Возможен сериал спонтанных выступлений, но не более. Когда же силы порядка уже не способны проводить в жизнь практику подавления, революция становится делом времени.

Насколько бюрократия опаздывала в принятии решений, видно из «школьной» задачи. Вот «Арифметический задачник для начальных училищ и приготовительных классов гимназий и реальных училищ». Автор Вишневский Г. Издание 31-е. Москва, издательство Башмаковых, 1911 год.

Обратим внимание на то, что это далеко не первое издание и что приведенные в нем факты относятся самое позднее к 1891 году, то есть они двадцатилетней давности. Все задачи на житейском материале, это своеобразная фотография повседневности.

Итак: «1123. Ребенок родился 12-го мая в 9 часов утра, а умер 11-го июня того же года в 1 час пополудни. Сколько времени жил ребенок?»

«Мальчик родился 17 января 1873 г. Когда он умер, если прожил 3 года 4 месяца?»

«1174. 25 нищих получили 2 руб. 75 коп. По сколько коп. досталось каждому?»

«1137. Учительница получает 16 руб. 66 коп. жалованья в месяц. Сколько жалованья она получит в 7 месяцев?»

Эту «Арифметику» можно назвать революционной пропагандой или примером чиновничьей тупости. За 20 лет в России произошли огромные перемены, а «31-е издание», однажды разрешенное цензурой, печаталось и печаталось без изменений.

Накануне Первой мировой войны в суворинской газете «Новое время» была опубликована статья Михаила Осиповича Меньшикова «Секреты немецких успехов». Эта консервативная газета была №1 в империи, ее читали все, начиная с царя. Вот что писал Меньшиков: «Мы плохо знаем и Германию, и Россию. Твердя, что Францию победил под Седаном школьный немецкий учитель, мы не догадываемся, что Россию разбил под Мукденом... русский школьный учитель. Именно своей отвратительной школе сверху донизу Россия обязана и военными, и мирными своими поражениями. «Когда попадешь в народную школу Германии, — пишет мне упомянутый почтенный ученый, — то наглядно убеждаешься, что иных результатов, кроме великих, она дать и не может. До такой степени там поставлена просто и здравомысленно фабрикация пригодных к жизни молодых людей. В простоте и здравомыслии школьных приемов вы, однако, различите великие начала, высказанные когда-то плеядой гениальных педагогов, начиная с Коменского. Например, концентрация преподавания различных предметов, кроме знаний, вводит в душу ребенка одни и те же положения нравственного порядка — любовь к семье, к родине, к

отечеству, религиозность, мужество, верность, правдивость и т. д. Немецкая школа воспитывает нравственных людей, наша же, схоластическая, развращает их. «Du, Deutsches Kind, sei tapfer, treu und wahr!» («Немецкий ребенок, будь храбрым, преданным, честным!») — вот моральный лейтмотив немецкой школы. Часто ли он слышится в русской? В то время как немецкая школа не стыдится открыто выставить добродетель как национальное преимущество немцев, у нас само слово «добродетель» иначе не произносится, как иронически. Благодаря способу воспитательного преподавания дети, кроме знаний, выносят из немецких школ нечто неизмеримо более драгоценное — чувство долга, твердые нравственные правила, вполне определенные, составляющие как бы кремль души. Кругозор немца, может быть, и замкнутый, но стойкий, дающий опору благородному характеру. Какое великое облегчение для большинства средних натур иметь уже заранее готовые директивы поведения и во многих жизненных случаях поступать не думая, не колеблясь, по привычке и в то же время правильно, без ошибки. Для свободы остается еще много места, но она рационально стеснена и не является беспочвенной, как у нас» (*Меньшиков М. О. Секрет немецких успехов. Письма к русской нации. Сост. М. Б. Смолин. Редакция журнала «Москва». М., 2005. С. 257–258.*)

Можно ли утверждать, что идеологические основы империи были прочны? Они опирались на Церковь, школьную и университетскую системы образования, классическую литературу, армейское воспитание новобранцев, на авторитет монархии и монарха. Но все же говорить о прочности основ нельзя.

Что сделало государство, чтобы укрепить своего естественного и массового союзника, десятки тысяч православных священников? Очень мало, почти ничего. Авторитет сельских батюшек был низок, они были бедны и материально зависимы от крестьян.

Протоиерей Георгий Флоровский отмечал, что в начале XX века среди рядовых клириков все больше развивалось чувство экономического закрепощения, которое постепенно «перерождалось в чувство классовой горечи, обиды, социальной несправедливости». Сельские клирики находились в скудости, бедности, зачастую — в прямой нищете.

Лишь половина православного духовенства получала от казны небольшое жалованье (так называемые «средне-нормальные оклады содержания»). Средний годовой оклад священника равнялся 294 руб., дьякона — 147 и псаломщика — 98 руб. Нищета! Казна ежегодно (1914) выделяла дотации на материальную помощь духовенству чуть более 18 млн. руб., однако для освобождения приходских священников от денежной зависимости от населения (пла-

ты за исполнение треб) было необходимо более 50 млн. руб.

Поэтому неудивительно, что в начале века дети-духовенства с образованием уходили на гражданскую службу, учителями в школы и т.д., а семинаристы — в светские учебные заведения. Например, в духовном ведомстве в 1914 году осталось лишь 47,1 процент, менее половины выпускников семинарий. А священнический сан (на 1913 г.) приняло еще меньше — 26,7 процента выпускников духовных школ (*Миронов Б. Н. Социальная история России. В 2 т. «Дмитрий Буланин». СПб., 1999. Т. 1. С. 98, 107, 109.*)

(Кстати, многие руководители Коммунистической партии имели духовное образование, среди них самые известные — И. В. Сталин и А. И. Микоян.)

В церковном руководстве тоже было далеко не все спокойно. Архиереи относились к высшим государственным сановниками в генеральских чинах; по Табели о рангах митрополиты, архиепископы и епископы приравнивались к трем первым классам Табели о рангах. Однако из-за постоянного контроля царской администрации, берущего начало со времен Ивана Грозного и окончательно оформившегося при Петре, епископат считал свое положение приниженным и даже оскорбительным.

Значительная часть епископата являлась магистрами и докторами богословия. Большинство иерархов обладало опытом административной деятельности, поскольку многие из них в свое время являлись инспекторами и ректорами духовных семинарий и академий.

Взаимоотношения императора с руководством Церкви было полно тайного напряжения. Существует версия, что после очередной (зимней) сессии Святейшего Синода в 1905 году царь высказал желание оставить престол и принять монашество, предложив свою кандидатуру в качестве кандидата на патриаршество. Ответом ему было красноречивое молчание владык.

Профессор государственного и канонического права Михаил Валерьянович Зызыкин утверждал, что вскоре после рождения наследника цесаревича Алексея царь и царица навестили Санкт-Петербургского митрополита Антония (Вадковского) и попросили благословение на отречение от трона в пользу сына, а самим постричься в монашество. Митрополит отказал в благословении, указав «на недопустимость строить свое личное спасение на оставлении без крайней надобности своего царственного долга, указанного Богом». Он также предупредил, что в период регентства (во время малолетия наследника) страна может подвергнуться непредсказуемым опасностям, обусловленным отсутствием «легитимной» власти. По мнению митрополита, лишь по достижении цесаревичем совершеннолетия государь

мог бы оставить свой многотрудный пост (*Зызыкин М. В. Царская власть в России. Журнал «Москва». М., 2004. С. 590.*)

Николай II видел идеал православной империи в единстве государства и Православной Церкви, но архиереи стремились к независимости, фактически к отделению от государства.

«Политическая подоплека патриаршества была такова, что в лице первопрестольного архиерея император мог получить центр оппозиционно настроенных сил клерикализма. Тем более что в непростой политической обстановке, которая была в стране в 1905 году, в духовной среде наблюдалось охлаждение верноподданнических чувств. Понятно, что при возникновении каких-либо (пусть даже незначительных) разногласий между церковной и государственной властями патриарх мог перейти в открытую оппозицию царю. При этом он был бы фактически «недосыгаем» для императора: в случае, например, суда над патриархом для рассмотрения его дела следовало бы приглашать «равночестных» тому по сану восточных первосвятителей (как в случае с патриархом Никоном в 1666 г.). При этом государству грозила бы вероятность церковно-политического раскола, аналогичного расколу XVII века, что в условиях нарастания революционного движения могло послужить катализатором революции. По сути, патриарх нужен был революционному движению как сила, с помощью которой можно было бы ускорить падение (или свержение) самодержавной власти помазанника Божьего» (*Бабкин М. Там же. С. 78–79.*)

Насколько верны утверждения, что император претендовал на патриаршество? Это неверная трактовка разговора в Синоде в 1906 году. На самом деле император спросил, кого из иерархов члены Синода хотели бы видеть Патриархом? Иерархи ответили молчанием. Тогда он спросил: «Тогда мне самому надо стать патриархом?» И тоже — молчание. (*Зызыкин М. Там же. С. 590.*)

Скрытый конфликт выплеснулся наружу после Февраля, когда практически все владыки присягнули Временному правительству.

После восстановления патриаршества в ноябре 1917 года и избрания на патриарший престол Тихона (Белавина) была сделана попытка спасти царскую семью, находившуюся в Тобольске, выкупить ее у охраны, назначенной Временным правительством. Охрана состояла из трех гвардейских стрелковых рот участников Первой мировой войны, многие были георгиевскими кавалерами. Командовал ею полковник Е. С. Кобылинский, являвшийся ее начальником и до отречения императора Николая II. Солдаты, несколько месяцев не получавшие жалованья, были готовы передать царскую семью любой власти, которая выплатит им долги. Деньги для выкупа, собранные

монархистами Петрограда и Москвы, были тайно доставлены епископу Тобольскому и Сибирскому Гермогену (Долганову). И тут произошло немыслимое: патриарх Тихон распорядился ограничиться передачей Николаю II большой просфоры и своего благословения, деньги же не тратить, а отложить для церковных нужд. Вскоре в Тобольск прибыл отряд красноармейцев, доставивший жалование для охраны, и царская семья была вывезена в Екатеринбург, где ее через три месяца расстреляли. (*Бабкин М. А. Духовенство Русской Православной Церкви и свержение монархии (начало XX в. — конец 1917 г.) М., 2007*).

Расшифровка действий патриарха таится в византийской глубине церковно-государственных отношений, в проблеме «священства — царства». Таким образом, со времен царя Алексея Михайловича и Петра Великого до расстрела последнего царя протянулась эта трагедия.

Глава двенадцатая. Буржуазия проламывает дорогу.

Признание председателя Петербургского совета рабочих депутатов Хрусталева-Носаря о финансировании всеобщей забастовки крупным капиталом свидетельствовало, что процесс смены управленческой модели переходит в экстремальный режим.

Наиболее мощными экономико-политическими группировками были октябристы и кадеты. Несколько в стороне от них стояли «прогрессисты» Павла Павловича Рябушинского и Александра Ивановича Коновалова, выдающихся московских промышленников. Почти полностью скрытые покровом тайны находились масоны.

Всех их можно назвать «армией прорыва», а для красочности картины использовать пример времен Ивана Грозного, когда государству потребовалось перевести режим управления из стабильного в радикально-оперативный. Вот что писал по этому поводу М. Н. Покровский: «Дорога «воинства» шла через труп старого московского феодализма, и это делало «воинство» прогрессивным, независимо от того, какие мотивы им непосредственно руководили. Старые вотчины внутри государства были теперь единственным земельным фондом, на счет которого могло шириться среднепоместное землевладение; государева казна — единственным источником денежных капиталов. Но для того чтобы воспользоваться тем и другим, нужно было захватить в свои руки власть, а она была в руках враждебной группы, державшей ее не только со всей цепкостью вековой традиции, но и со всей силой нравственного авторитета...»

Тогда управленческую революцию возглавил сам царь Иван, разделив страну на дворянскую опрочнину и боярскую земщину. Здесь важно и уточнение

историка Н. И. Костомарова: «Земщина представляла собой как бы чужую покоренную страну, преданную произволу завоевателей...»

Теперь же система государственного управления во главе с императором не отвечала представлениям крупного бизнеса, которому требовалось «покорить империю». Поэтому должно было случиться одно из двух: либо император становится диктатором, либо система рушится. Третий вариант, переход императора на сторону либеральной оппозиции, чтобы возглавить перемены, был маловероятен.

Здесь нам не обойтись без рассмотрения финансовой базы оппозиции, ибо никакой серьезной политики не может быть без денег. Большими деньгами располагали две независимые группировки — московских «ситцевых» капиталистов и еврейских банков.

Соответственно, не обойти вниманием и «еврейский вопрос», бывший тогда самым, пожалуй, острым в национальной проблематике империи. Как говорится в исследовании Александра Исаевича Солженицына «Двести лет вместе», еврейское население России росло очень быстро: «В 1864 без Польши оно составляло 1,5 миллиона. А вместе с Польшей было: в 1850 — 2 млн. 350 тыс., в 1880 — уже 3 млн. 980 тыс. К переписи 1897-го, то есть за столетие выросло больше, чем в пять раз. «Только один этот быстрый численный рост, без всех остальных сопутствующих особенностей еврейского вопроса, — уже ставил перед Россией большую государственную проблему. (...) При таком экстраросте российского еврейства — все настоятельнее сталкивались две национальные нужды. Нужда евреев (и свойство их динамичной трехтысячелетней жизни): как можно шире расселиться среди иноплеменников, чтобы как можно большему числу евреев было бы доступно заниматься торговлей, посредничеством и производством (затем — и иметь простор в культуре окружающего населения). А нужда русских, в оценке правительства, была: удержать нерв своей хозяйственной (затем — и культурной) жизни, развивать ее самим».

Кадетская партия, выступавшая за равноправие всех наций, была близка еврейским интеллектуалам и финансистам и поддерживалась ими.

Чтобы понять реальную силу этой национальной группы, приведем следующие данные, относящиеся к 1870-м годам: «...пока рубль обернется у русского 2 раза, он у еврея обернется 5 раз». У русских купцов — застой, сонность, монополия (например, после изгнания евреев из Киева жизнь там вздорожала). Сила еврейского участия в торговой жизни — в ускорении циркуляции даже самого незначительного оборотного капитала.

Проблема защиты большинства от оборотистого меньшинства воспринималась в верхах как государ-

ственная. Еврейская предприимчивость и идейная страстность были настоящим динамитом эпохи. Куда ни глянь, всюду видим процветающие еврейские компании и акционерные общества с явным или скрытым участием евреев — в торговле зерном, лесом, льном, нефтью, в различных производствах — сахара, пива, муки, мебели, одежды, в угле- и золотодобыче. Они первенствуют в ссудо-сберегательных товариществах и кооперативах. О банковской сфере мы уже не раз говорили.

Гинцбурги, Поляковы, Б. Каминка, А. Добрый, Д. Рубинштейн и десятки других банкиров разного уровня занимали в российской финансовой системе высокое положение и одновременно были ходатаями перед властями по еврейским делам. Но нельзя назвать их деятельность узкоопозиционной. Нет, они играли по всему полю.

Единственно, что можно определенно сказать о связях банковского капитала с серьезной политикой, — это повторить вслед за П. Б. Струве, что «одним из устоев нашей конституции» является «внутренняя политическая и финансовая слабость России». Несмотря на силу самодержавия, конституционная «форма неотменима, потому что на ней держится государственный кредит России и тем самым ее международная дееспособность». Таким образом, вся деятельность Государственной Думы коронной властью априорно должна была восприниматься привязанной к западной политике.

Словом, Конституционно-демократическая партия («профессорская») была партией горожан и интеллигенции. Ее председатель Павел Николаевич Милюков — потомственный дворянин, в 1877 году после окончания гимназии добровольно участвовал в Русско-турецкой войне уполномоченным московского санитарного отряда в Закавказье, окончил историко-филологический факультет Московского университета, приват-доцент, был близок к народникам. Арестовывался, сторонник конституционной монархии, член 3-й и 4-й Государственной Думы, председатель фракции конституционных демократов. Именно Милюков и его партия были главными фигурами Февраля и были переиграны социалистами-масонами.

Партия 17 октября («октябристы») представляла иную группу имперского населения. Это было видно во всем, прежде всего в личности ее создателя и председателя ЦК А. И. Гучкова.

Гучков был убежденным сторонником сохранения монархии, но чрезвычайно скептически оценивал личность самого императора.

Близким к октябристам была группа Павла Павловича Рябушинского и Александра Ивановича Коновалова. Их финансово-экономическая сила была очевидна, но имела одно отличие: в своем деле они

предпочитали видеть только своих, проверенных, верных старообрядческому духу. В их банках и предприятиях не было евреев, они им не доверяли. Рябушинский жестко конкурировал с еврейскими предпринимателями и выиграл важнейшие площадки: стал монополистом в льняном и лесном бизнесе. Его можно назвать одним из идеологов будущего столкновения с германским капиталом. В 1914 году заканчивался срок действия торгового договора с Германией, заключенного в 1904 году во время стесненных обстоятельств Русско-японской войны. Рябушинский и его единомышленники считали необходимым выстроить систему протекционистских мер против промышленной экспансии Берлина и всецело поддерживать собственных производителей. В этом он выступал против помещиков, получающих доходы от вывоза зерна, считая, что на зерно надо тоже поднять таможенные пошлины, а растущий благодаря индустриализации внутренний рынок обеспечит его спрос. Ему удалось добиться ощутимых преференций для отечественных текстильщиков, борющихся за рынки балканских стран и Турции с австро-венгерскими и германскими производителями.

Идеологию московской группы сформулировал Коновалов: «Для промышленности, как воздух, необходимы плавный, спокойный ход политической жизни, обеспечение имущественных и личных интересов от произвольного их нарушения, нужны твердое право, законность, широкое просвещение в стране».

Вот некоторые занимаемые им должности: председатель Совета Российского взаимного страхового союза, член учетно-ссудного комитета Московской конторы Государственного банка, соучредитель Московского банка (вместе с братьями Рябушинскими), во время мировой войны — товарищ председателя Московского военно-промышленного комитета и заместитель председателя Центрального военно-промышленного комитета, объединившего частные предприятия для работы по военным заказам. На своих фабриках он ввел 9-часовой рабочий день, построил две школы на 300 учеников, библиотеку, избу-читальню, клуб, две больницы, родильный приют на 135 мест с бесплатным лечением, ясли на 160 мест, бесплатные казармы для одиноких рабочих, поселок для семейных на 120 домов на арендном пользовании. Он был (до мая 1914 г.) товарищем председателя, одним из авторитетных думских ораторов в 4-й Думе по вопросам торговли и промышленности, председателем рабочей комиссии, товарищем председателя комиссии по вопросам торговли и промышленности, членом финансовой и комиссии по печати. С начала 1910-х годов член мasonicкой ложи «Великий Восток народов России».

В 1912 году стал одним из лидеров Партии прогрессистов, оппозирующей правительству.

Весной 1914 года предпринял попытку объединить деятельность всех (!) оппозиционных партий (включая социал-демократов) для внепарламентского давления на правительство, создал Информационное бюро Совещания оппозиционных партий. В 1915 году — один из организаторов оппозиционного Прогрессивного блока, ставшего базой Февраля. В декабре 1916 года на собрании Городского союза высказывался за свержение правительства и замену его Временным правительством.

После Февраля стал министром торговли и промышленности Временного правительства 1-го и 2-го составов, затем — заместителем председателя Временного правительства. Выступал за легализацию трестов и синдикатов и контроль над ними, за явочный порядок учреждения акционерных обществ. Предлагал ограничивать сверхприбыли, установить государственную монополию на некоторые важнейшие товары (уголь, зерно и т. д.), ввести профсоюзное движение в законные рамки, создать биржи труда, примирительные камеры для урегулирования трудовых конфликтов, улучшить социальное страхование.

Говоря о подготовке Февраля, надо вспомнить и о масонах, духовной сущностью которых было страстное желание «соединить с земным небесное» (В. В. Зеньковский). В Государственной Думе была так называемая «Думская ложа», в которую входили депутаты, сыгравшие выдающуюся роль в Февральской революции. Это будущие члены Временного правительства А. Ф. Керенский, Н. В. Некрасов, А. И. Коновалов, а также будущие члены Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов М. И. Скобелев, Н. С. Чхеидзе, А. И. Чхенкели. Среди кадетов были члены ложи «Великий Восток народов России» — А. И. Шингарев, В. А. Маклаков, Ф. А. Головин, Ф. Ф. Кокошкин и др.

Также существовало несколько других масонских лож, в том числе Военная, в которую входили несколько генералов, в том числе начальник Главного артиллерийского управления Военного министерства А. А. Маниковский, и сам А. И. Гучков.

И вот что еще существенно — сам фон событий. Нина Берберова по этому поводу заметила: «В 1915–1916 гг. открылось несколько новых лож, в том числе и «Думская ложа». В ней очень скоро оказалось около 40 человек. Она сразу же начала проявлять большую активность (...) В это же время «Верховный Совет Народов России» поручил всем Досточтимым Мастерам русских лож на территории Российской империи составить список будущего правительства, когда произойдут наконец желанные всем перемены.

На это было отвечено Досточтимыми Мастерами, что эти списки уже давно составлены. Итак —

кадры были готовы. В обеих столицах думцы, профессора, дипломаты, члены Военно-промышленного комитета, члены Земского и Городского союза, адвокаты, военные, земцы, «общественники» созывали друг друга: их день настал. (...) Они объединились вокруг несомненно демократической, хотя и недалеко идущей программы «трудовиков» (или «народных социалистов»): земельная реформа, земские школы, отмена цензуры, не взрывать Зимний дворец, но предложить царю уехать в Англию... Свобода, равенство, братство. И, может быть, — Республика, потому что нет кандидата на трон!» (*Берберова Н. Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. «Калейдоскоп», Харьков. «Прогресс-Традиция», Москва. 1997. С. 31–32).*

Российское издание французской ложи «Великий Восток народов России» (ВВНР) объединял 40 лож. С 1916 года генеральным секретарем ВВНР был депутат ГД, эсер-трудовик, 35-летний адвокат А. Ф. Керенский, секретарем столичного совета ВВНР был профессор Санкт-Петербургского политехнического института Д. П. Рузский, двоюродный брат главнокомандующего Северным фронтом в 1917 году Н. В. Рузского.

Дальнейший ход событий зависел от многих факторов, главные — действия императора и позиция армии.

Глава тринадцатая. Борьба за контроль — Царское Село, правительство, армия, общество.

В феврале 1917 года Александра Федоровна написала мужу в Ставку письмо: «Дорогой, будь тверд, покажи властную руку, вот что надо русским. Дай им теперь почувствовать порой твой кулак. Они сами просят этого — сколь многие недавно говорили мне: нам нужен кнут. Это странно, но такова славянская натура — величайшая твердость, жестокость даже и вместе с тем горячая любовь. Я слишком хорошо знаю, как ведут себя ревушие толпы, когда ты находишься близко. Они еще боятся тебя. Они должны бояться тебя еще больше, так, чтобы, где бы ты ни был, их охватывала бы все та же дрожь».

Николай II на это ничего не ответил. До решающего наступления союзных армий Антанты оставалось около двух месяцев. Сражающаяся на двух фронтах Германия была обречена. После победы он планировал передать Государственной Думе формирование правительства и таким образом окончательно завершить спор о порядке управления государством.

А теперь вернемся к нашему «непатриотичному» историку М. Н. Покровскому, который по интересующему нас поводу писал: «В известном, неоднократ-

но цитировавшемся, разговоре с английским послом Бьюкененом, в апреле 1914 года, Николай сказал ему, что, если «Турция опять закроет Проливы, он, Николай, «прибегнет» к «силе», чтобы очистить дорогу русскому хлебу». Ибо в основе всей вышеприведенной статистики лежал тот факт, что благодаря ряду войн, начавшихся с 1911 года (итало-турецкая, балканская, турецко-греческая и т.д.), знаменитые Проливы — Босфор и Дарданеллы большую часть времени были закрыты для плавания».

Германия была не только лидером мирового промышленного производства. Ее развитие шло быстрее, чем развитие России. Если в России с 1900 по 1913 год производство стали выросло более чем вдвое (с 2,2 до 4,8 млн. тонн), то в Германии — более чем втрое (с 5,3 до 17,6 млн. тонн). Ввоз германских товаров составлял почти половину российского импорта. Германия контролировала половину российской торговли. Заключенный ею в 1904 году (во время Русско-японской войны) торговый договор был для России значительно менее выгодным, чем предыдущий от 1894 года, — были повышены таможенные сборы на отечественную сельскохозяйственную продукцию. Это обстоятельство всегда держалось в уме политической и экономической элитой России как неоспоримый признак растущего доминирования Берлина. В мае 1913 года Николай II сделал последнюю попытку удержать ситуацию. Он предложил Вильгельму II «размен»: Россия отказывается от претензий на Проливы, а Германия удерживает Австро-Венгрию от экспансии на Балканах. Но Вильгельм уклонился от ответа.

Фронт уже был обозначен. Генералы ждали приказа и готовились к военным действиям. Читаем в секретной записке министра иностранных дел С. Д. Сазонова от 23 ноября (ст. ст.) 1913 года: «Согласно объяснительной записке министра финансов к проекту государственной росписи доходов на 1914 г., торговый баланс России в 1912 г. был на 100 миллионов менее в сравнении со средним активным сальдо на предыдущие три года. Причиной этого министерство признает недостаточно удовлетворительную реализацию урожая; затруднения в вывозе хлеба, помимо стихийных причин, произошли вследствие закрытия Дарданелл для торговых судов всех наций. (...) Если теперь осложнения Турции отражаются многомиллионными потерями для России (...), то что будет, когда вместо Турции Проливами будет обладать государство, способное оказать сопротивление требованиям России?»

На записке рукой императора было начертано: «Согласен».

Пятнадцатого (28) июня 1914 года в Сараеве, столице аннексированной Австро-Венгрией Боснии, сербом Гаврилой Принципом был убит наследник

австрийского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд. В Боснии начались сербские погромы. 10 июля Австро-Венгрия выдвинула Сербии ультиматум, который был нацелен либо на фактическое подчинение Белграда, либо в случае отказа Сербии — на войну.

Убийство было далеко не первым в XX веке. 29 июля 1900 года анархист Гаэтано Бреши четырьмя выстрелами из крупнокалиберного револьвера убил итальянского короля Умберто I; 14 сентября 1901-го от тяжелого ранения скончался президент США Уильям МакКинли; 29 мая 1903 года офицерами-заговорщиками были убиты (застрелены и порублены саблями) король Сербии Александр Обренович вместе с супругой, премьер-министром и министром обороны; 1 февраля 1908-го был застрелен король Португалии Карлуш I; 18 марта 1913-го застрелен король Греции Георг I.

Убийство эрц-герцога было событием случайным, по своим последствиям — вполне ожидаемым и закономерным. Войны с прогнозом «на завтра» никто как будто не хотел, но разрешение «натянутого и тревожного положения» было неизбежным.

Двадцать восьмого июня 1914 года, за месяц до начала военных действий, английский министр иностранных дел Э. Грей подтолкнул Вену к нападению на Белград. Он дезинформировал австрийского посла Лихновского, сказав, что «между Великобританией, с одной стороны, Францией и Россией — с другой, не существует никаких тайных соглашений, которые налагали бы на Великобританию какие-либо обязательства в случае европейской войны. У Англии руки совершенно развязаны, и она в случае континентальных осложнений может действовать совершенно свободно». «На случай, если бы венский кабинет увидел себя вынужденным вследствие сараевского убийства решительно выступить против Сербии, он (Грей) стремился бы склонить русское правительство к спокойному взгляду на этот вопрос и к примирительной политике относительно Австрии». Правда, тут следовали дипломатические оговорки насчет «славянских чувств», кои могут испортить все дело. В итоге Лихновский понял Грея, как тот и хотел, и в послании в Вену было сказано: «Министр был в совершенно оптимистическом настроении и заявил весело, что нет никакого основания относиться к положению пессимистически».

Понятно, почему германский император пришел в бешенство, когда узнал, что Великобритания, выждав три дня после нападения немцев на нейтральную Бельгию, вступила в войну. Он понял, что все пошло не так.

Война стала водоразделом между историческими временами. Ее участники планировали окончить боевые действия в несколько месяцев, однако она продлилась четыре года, в течение которых были

применены новые формы межгосударственной борьбы. Фактически эта индустриальная война ознаменовала изменение в содержании исторического процесса, с нее и началась эпоха, именуемая XX веком. Как символ непрерывности будущих потрясений надо рассматривать письмо американского посла в Лондоне Пейджа Президенту США. Он писал, что «вся Европа (в той мере, в какой выживет) обанкротится, а «мы станем безмерно сильнее финансово и политически» (Цит. по: *Виноградов К. Б. Кризисная дипломатия. Сб. «Первая мировая война». Пролог XX века. М., 1998. С. 127*).

Спустя почти 70 лет советский министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко заметил по этому поводу: «Война привела к двум важным изменениям в экономических отношениях между США и другими крупными капиталистическими государствами, и прежде всего Англией... Отныне около двух десятков стран, включая Англию и Францию, оказались в долговой зависимости от Вашингтона. Если в 1914 году США находились еще в положении должника, импортируя капиталов на 3,7 млрд. долл. больше, чем вывозили, то из войны они вышли как чистый экспортер капитала с активным сальдо в 3 млрд. долл. (...) Вудро Вильсон в сентябре 1919 года прямо заявил, что Первая мировая была для США «промышленной и коммерческой войной» (...) Попытки союзников на Парижской мирной конференции добиться обсуждения с делегацией США вопроса о долгах натолкнулись на твердый отказ В. Вильсона. Это был голос страны, которая желала повелевать, а не обсуждать вопрос даже со своими союзниками» (*Громыко А. А. Внешняя экспансия капитала: история и современность. М., 1982. С. 88, 93, 95*).

Но так далеко никто тогда не заглядывал. Генералы Антанты считали, что быстро разобьют с двух фронтов центральные империи, а Большой германский генеральный штаб планировал в скоротечном нападении разгромить французскую армию, после чего беспрепятственно расправиться с русской.

Здесь надо отметить далекоидущую активность американских деловых кругов. Мы имеем в виду прежде всего Чарльза Крейна, владельца чикагской компании «Вестингауз», председателя Финансового комитета Республиканской партии, советника Президента США Вудро Вильсона. Он был дружен с П. Н. Милюковым (организовывал его лекции в Америке), находился в свойстве с будущим Президентом Чехословакии Томашем Масариком (тот был женат на его сестре), свыше 20 раз бывал в Российской империи и потом в СССР, «много сделал, чтобы вызвать революцию Керенского, которая уступила дорогу коммунизму» (по словам посла США в Германии У. Додда).

Милюков, побывавший во время Балканских войн в Сербии и Болгарии, вспоминал: «На Балканах появился мой старый друг, Чарльз Крейн, всегдашний поклонник старых культур и сторонник освобождающихся народностей».

Российское общество восприняло войну с воодушевлением. Огромные толпы вышли на улицы Петербурга. На площади перед Зимним дворцом люди запели государственный гимн и, когда на балкон вышел Николай II, опустили на колени. На чрезвычайной сессии Государственная Дума единогласно проголосовала за военные кредиты, и после выступления Николая II депутаты встали и воззвали: «Веди нас, государь!» Император был потрясен.

Потом начались сложности, нестыковки, провалы.

К концу 1914 года стало ясно, что цена войны будет очень высока, хотя против австрийских войск русские добились больших успехов. Горячка первых недель схлынула. Разверзлась пропасть старого раскола общества.

В сентябре 1914 года германский канцлер Бетман-Гольвег назвал задачи войны: создание «Срединной Европы», объединение стран германского блока в банковский и таможенный союз с Италией, Швейцарией, Бельгией, Голландией, балканскими государствами. (Похоже на современный Европейский Союз.)

Россию следовало отодвинуть от немецких границ, она должна вернуться к допетровским границам, и от нее должны быть отчленены территории, населенные национальными меньшинствами. В 1914–1916 годах под эгидой Германии создавались многочисленные национальные бюро и комитеты. Был выработан план «Лига нерусских народов России», стимулировались центробежные тенденции и «революционизирование» России. Через Лигу оплачивалась работа некоторых журналистов стран Антанты, публиковавших выгодные для Германии статьи о России.

Планы России выглядели так. Овладение Проливами, контроль над Константинополем; присоединение турецкой Армении и Курдистана; присоединение немецкой и австрийской частей Польши и создание автономного Польского государства в границах Российской империи. Великобритания и Франция должны доминировать на Западе, Россия — в Восточной Европе, между ними — урезанная, ослабленная Германия с отдельным Ганноверским королевством; Шлезвиг-Гольштейн отходит к Дании, Эльзас-Лотарингия — к Франции. Австро-Венгрия теряет Боснию, Герцеговину, Далмацию и Северную Албанию, которые должны присоединиться к Сербии. Болгария должна была получить часть Македонии. Греция и Италия — разделить Южную Албанию. Англия, Франция и Япония —

разделить германские колонии. Богемское королевство (Чехия, Моравия, Словакия) должно было стать независимым.

С. Ю. Витте категорически возражал против участия России в войне и с большой тревогой говорил послу Франции Морису Палеологу: «Что мы надеемся получить? Увеличение территории. Боже мой! Разве империя его величества еще недостаточно большая? Разве мы не обладаем в Сибири, Туркестане, на Кавказе, в самой России громадными пространствами, которые все еще остаются нетронутой целиной?... Тогда каковы те завоевания, которые манят наш глаз? Восточная Пруссия? Разве уже у императора не слишком ли много немцев среди его подданных? Галиция? Она же полна евреями! Кроме того, как только мы аннексируем польские территории, входящие в состав Австрии и Пруссии, мы сразу же потеряем всю русскую Польшу. Не совершайте ошибку: когда Польша обретет свою территориальную целостность, она не станет довольствоваться автономией, которую ей так глупо пообещали. Она потребует — и получит — свою абсолютную независимость. На что мы ещё должны надеяться? На Константинополь, на Святую Софию с крестом, на Босфор, на Дарданеллы? Это слишком безумная идея, чтобы она стоила минутного размышления! И даже если мы допустим, что наша коалиция одержит полную победу, а Гогенцоллерны и Габсбурги снизойдут до того, что запросят мира и согласятся с нашими условиями, — то это будет означать не только конец господства Германии, но и провозглашение республики повсюду в Центральной Европе. Это будет означать одновременный конец царизма! Я предпочитаю умалчивать относительно того, что может ожидать нас, в случае принятия гипотезы нашего поражения».

Николай II говорил: «Главное — уничтожение германского кошмара ... в котором Германия держит нас уже более сорока лет. Нужно отнять у германского народа всякую возможность реванша» (Цит. по: *Уткин А. И. Первая мировая война. М., 2001. С. 151*).

Это был колоссальный геополитический план, требующий огромных жертв. Было ли к ним готово население? Насколько он отвечал первоочередным задачам государственного развития? Не могла ли Россия после его реализации стать объектом конкуренции со стороны союзников, как это было перед Русско-японской войной? Ответ был получен предельно ясно и жестоко.

Первое кадровое решение — назначение Верховного главнокомандующего — оказалось глубоко конфликтным. Фактически Верховным был сам император, но он, вынужденный остаться в это сложное время в столице, назначил временно, без указания точных сроков, на эту должность великого кня-

зя Николая Николаевича. Таким образом, верховная власть была разделена на фронт и огромную прифронтовую территорию, где командовали военные, и тыл, которым руководило правительство.

Двоевластие породило тяжелые проблемы, и, что характерно, ситуация зеркально повторила управленческую ошибку времен Русско-японской войны, когда наместник на Дальнем Востоке генерал-адъютант, адмирал Е. И. Алексеев и главнокомандующий генерал-адъютант А. Н. Куропаткин не смогли найти общего языка. Так и теперь — законодательно не предусматривалось никакого связующего звена между органами военного снабжения, находящимися на театре военных действий и остающимися в глухом тылу в распоряжении военного министра.

Николай Николаевич был военным до мозга костей, окончил Николаевское Инженерное училище, Академию Генерального штаба, участвовал в Русско-турецкой войне, командовал войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа, считался отличным строевиком. В драматические дни октября 1905 года он шантажировал императора тем, что застрелится у него на глазах, если не будет подписан Манифест. Кроме того, терпеть не мог военного министра Сухомлинова. В придворных кругах к нему относились по-разному. Так, генеральша Александра Викторовна Богданович за несколько лет до начала войны 4 декабря 1908 года записала в дневнике высказанное мнение императрицы-матери, что Николай Николаевич: «болен неизлечимой болезнью, он глуп».

Вторая серьезная проблема, нехватка снарядов и вооружений, была вызвана стратегическими просчетами в длительности военных действий и привела к ряду тяжелых поражений на фронтах и, что, может быть, еще тяжелее, к обвинениям Военного министра В. А. Сухомлинова в шпионаже в пользу Германии. Обвинения были пустыми, но слухи о них опасно возбудили общество. Просчеты военного министерства были очевидны: например, расход снарядов на фронте превосходил миллион в месяц, а их производство было в десять раз меньше.

Третья проблема — слабость военной промышленности. Кроме того, после закрытия Турцией Проливов, подвоз из-за границы был сильно затруднен.

Четвертая проблема — необходимость подключения частных заводов и фабрик к снабжению армии, что привело к созданию Центрального Военно-промышленного комитета (ЦВПК) с десятками отделений на местах. Центральный ВПК возглавил А. И. Гучков (будущий военный и морской министр Временного правительства), Московский ВПК — А. И. Коновалов (будущий министр торговли и промышленности, заместитель председателя Временного правительства), Киевский — М. И. Терещенко

(будущий министр финансов, министр иностранных дел Временного правительства). В составе руководства были П. П. Рябушинский, С. Н. Третьяков, Э. Л. Нобель, М. В. Челноков (московский городской голова, председатель Союза городов), Г. Е. Львов (председатель Всероссийского земского союза, будущий премьер-министр первого состава Временного правительства), Г. А. Крестовников. Они считали необходимым создание назначаемого Думой «правительства общественного доверия».

Обращает на себя внимание принадлежность ведущих руководителей ЦВПК к Московской группе. Именно П. П. Рябушинский выдвинул идею военной мобилизации всей промышленности. В начале войны он занимался организацией санитарных поездов и госпиталей, сблизился с руководителями Земского союза и его председателем князем Г. Е. Львовым и московским городским головой и руководителем Союза городов М. В. Челноковым. Все они контактировали с британским послом Дж. Бьюкененом, через них британское посольство поддерживало связи с либеральной оппозицией. По предложению Челнокова, Бьюкенен даже стал почетным гражданином Москвы.

О Земском союзе надо сказать особо. Он был создан по решению правительства для мобилизации всех общественных сил (земских) по организации помощи больным и раненым воинам, финансировался преимущественно из государственного бюджета и стал вместе с ЦВПК основной политической и кадровой опорой оппозиции.

Земский и Городской союзы действовали вне правительственного контроля, дублировали организации Красного Креста; их работники были освобождены от призыва в Действующую армию. Если раньше городские самоуправления и земства были в ведении Министерством внутренних дел, то теперь они стали государством в государстве. Как писал начальник Петроградского охранного отделения генерал-майор К. И. Глобачев, была создана крупнейшая «общественно-политическая организация, в которой объединились все оппозиционные к правительству элементы и, при минимальной пользе в смысле помощи больным и раненым воинам, максимум своей работы обратили на борьбу с правительством».

Гучков прекрасно знал особенности работы Военного ведомства. Крайняя медлительность и бюрократическая запутанность в работе Главного артиллерийского управления во времена министра Сухомина получили такую известность, что ГАУ иначе не называли, как «главным артиллерийским затруднением». Решение простых вопросов там измерялось неделями, а в Артиллерийском комитете нормальным движением считалось 3–4 месяца. Что

касается серьезных проблем, то разрешение их длилось месяцами и даже годами.

По мнению крупного специалиста в области боеприпасов В. И. Рдултовского, летом 1915 года армия могла бы отбить германское наступление, если бы до войны удалось расширить казенный Санкт-Петербургский Трубочный завод, где выпускались и дистанционные трубки для шрапнельных снарядов. Для расширения производства необходимо было выкупить соседние участки земли, занятые лесными складами. Тогда к началу 1915 года у русских артиллеристов было бы больше на несколько миллионов трехдюймовых снарядов. «И потеря польского театра войны, — пишет Рдултовский, — не имела бы места».

Реконструкция Трубочного завода была провалена в 1908–1909 годах в результате интриги частных предпринимателей, желавших получить государственный заказ на изготовление трубок. Однако их претензии оказались технологически несостоятельными.

Здесь надо напомнить одно обстоятельство Русско-японской войны. На одном из докладов ГУГШ, от 10 декабря 1911 года, имелась пометка начальника Генерального штаба, свидетельствующая о недостатке боевых припасов в Русско-японскую войну. Была названа причина: «Во время войны 1904 года заводы бастовали, и одна из причин, побудивших заключить мир, был недостаток снарядов и невозможность их изготовлять».

Запомним это обстоятельство, вскоре история повторится.

Война на многое раскрыла глаза. Провал «сухоминонской» несистемной практики заставил власти признать, что без допуска финансистов и промышленников к военной промышленности невозможно провести мобилизацию военного производства.

Глава четырнадцатая. Военная промышленность: за государственный социализм и диктатуру.

Когда выявились просчеты в боевом снабжении фронта, на сцену вышли новые фигуры. И прежде всего — генерал-лейтенант (затем генерал от артиллерии) Алексей Алексеевич Маниковский, начальник Главного артиллерийского управления. Он встряхнул военную промышленность, казенную и частную, и, выявив огромные коррупционные провалы, встал на защиту государственных интересов. Дело в том, что нужда в вооружении и боеприпасах была настолько безмерной, что к военным заказам ринулась целая армия лоббистов, банкиров, политиков, аристократов, в том числе иностранцев.

Ситуация осложнялась тем, что правительство было не в состоянии обеспечить работу военной

промышленности. В книге А. А. Маниковского говорится: «Но при первых же известиях о крайнем недостатке боевого снабжения на фронте и возможности вследствие этого «хорошо заработать» на предметах столь острой нужды «известную» часть общества бывшей царской России охватил беспрецедентный ажиотаж. Именно 76-мм (3-дм.) снаряд и был тем первым лакомым куском, на который оскалились зубы всех шакалов, жаждущих только легкой наживы и у которых оказывалось подчас немало сильных покровителей...»

В результате «расплодилась масса мелких, немоощных в техническом отношении и просто дутых предприятий, поглощающих с поразительной прожорливостью и с ничтожной производительностью всякого рода оборудование, инструментальную сталь, металлы, топливо, транспорт, рабочие руки и технические силы, а также валюту».

Беспомощность в вопросе организации военной промышленности, которую показал военный министр В. А. Сухомлинов, свидетельствовала не о злом умысле (в чем его обвинили), а о несоответствии генерала условиям промышленной модернизации.

Не помогло и образование в мае 1915 года Особого совещания по обороне государства, куда вошли многие депутаты. Лоббизм только усилился, начался «крестовый поход на казенный сундук под видом спасительных для армии предложений».

Чтобы современному человеку понять абсурд положения, надо рассказать о новации Особого совещания, оказавшейся чистой воды кормушкой для банков. Для гарантии исполнения заказов подрядчику из казны следовало выплатить аванс (до 65 процентов от суммы заказа) под обеспечение (если такового не имелось у подрядчика) банка. И здесь открылась золотая россыпь для банковской инициативы. Разумеется, обеспечительные гарантии выдавались, но под огромные проценты! Ни о каком качестве продукции теперь говорить не приходилось: банковская кабала заставляла экономить на всем. Аферисты процветали. Особое совещание, демократическая говорильня, демонстрирующая участие общественности в обороне, блистало на газетных страницах. Однако вырванные лоббистами заказы исполнялись с опозданием, намного дороже и с более низким качеством, чем на государственных заводах.

Соответственно, военные расходы бешено разгоняли инфляцию, плодили бедность и раздражение населения. Маниковский отмечал, что владельцы частных заводов «безмерно обогатились в самую черную годину России». Кроме того, ЦВПК получил право отчислять на свои нужды один процент со стоимости выполняемых им оборонных заказов, итоговые суммы были очень велики. Биржа чутко отреагировала на обогащение частного бизнеса, после

создания ЦВПК биржевые настроения круто пошли в гору.

«Биржевые котировки в 1915 году стали расти. В начале 1916 года изменилась экономическая ситуация в стране. При подведении итогов деятельности промышленных предприятий за 1915 год оказалось, что подавляющее их большинство не только не находится в расстроенном состоянии, а, наоборот, получило изрядную прибыль и смогло выдать неплохие дивиденды. Наряду с этим на свободном рынке появился значительный избыток денежных средств (...) Прибыльность некоторых предприятий, выполнявших оборонные заказы, удесят�ерилась (*Лизунов П. В. Российское общество и фондовая биржа во второй половине XIX и начале XX в. // Экономическая история: Ежегодник. М., 2005. С. 280*).

Союзники по Антанте тоже стремились помочь русскому фронту. Под гарантии английских банков российские военные заказы передавались представителю американского банковского синдиката Морганана, а тот распределял их между американскими фирмами. Англичане как посредники получали огромную выгоду.

Двадцатого октября (2 ноября) 1916 года Маниковский «созрел» для системного действия: правительству был направлен Доклад ГАУ «Программа строительства новых военных заводов», в котором предлагалось начать перестройку российской экономики и ограничить претензии буржуазии. Согласно «Программе» сильное ядро государственных заводов должно составлять основу промышленности в военное время, а после войны — быть регулятором цен и лидером научно-технического развития. Частные заводы должны были укрепляться «ячейками военных производств под контролем ГАУ», что означало ни много ни мало, как максимальное государственное участие в организации военной промышленности «на основах государственного социализма». «Программа» указывала правительству направление действий: «После войны частная промышленность должна заняться своим прямым делом — работать на великий русский рынок, который до войны заполнялся в значительной степени зарубежными фабриками... Вот поистине благородная задача для нашей частной промышленности — завоевать свой собственный рынок».

К 1916 году в результате усилий ГАУ значительно выросли поставки в Действующую армию вооружений и боеприпасов, «войска повеселели».

Неудивительно, что идеи генерала Маниковского поддержал начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал Михаил Васильевич Алексеев, который решал ту же проблему. Алексеев, признанный стратег российской армии, был одним из главных фигур Февраля.

И, чтобы завершить рассказ о начальнике ГАУ, скажем, чем закончилась его «Программа»: «Тотчас же после февральского переворота гг. промышленники настояли на образовании особой комиссии с преобладанием их для уничтожения казенного строительства, что и было ими успешно выполнено».

В конце концов, армия со всей своей мощью и политической наивностью повлияла на ход истории. Находясь в эмиграции, бывший депутат Государственной Думы и член Особого совещания по обороне Василий Витальевич Шульгин составил схему развития государственного кризиса в империи и в одном из пунктов записал: «Недовольство высших офицеров».

С каждым днем войны общество все сильнее осознавало, что государственный порядок управления нуждается в срочном «ремонте».

Может показаться удивительным, что власть вообще пошла навстречу инициативе деловых кругов. Достаточно было прочесть интервью Гучкова в газете П. П. Рябушинского «Утро России» 23 августа 1915 года, чтобы догадаться о близких неприятностях: «Сейчас положение России тяжелое, однако поправимое при условии, чтобы инициатива была в руках сильной власти во главе с сильным человеком. А у нас идут по пути спасения с сильным опозданием...

Нетрудно выпустить толпу на улицу, но это немыслимо в интересах обороны. Более резкие выступления радикальных партий могут повести к нежелательным эксцессам и революционизированию масс. Но в одном кадеты глубоко неправы: они не выдвинули лозунга обновления власти, в чем ощущается острая нужда. Когда кормчий слаб духом, он может быть терпим для штиля, но в момент бури, когда гибнет корабль, власть должна быть взята из неумелых рук» (*Гучков А. Московская сага: летопись четырех поколений знаменитой купеческой семьи Гучковых. 1780–1936. СПб., 2005. С. 506*).

Еще одна тяжелая проблема — национальная, в данном случае — наличие в имперской верхушке многих выходцев из Германии и Прибалтики. «Простонародная Русь» воспринимала их как чужаков, а с началом войны — как вражеских агентов. Правительство же пошло на поводу у толпы.

После поражений русской армии в Галиции и тяжелых потерь в обществе происходили тревожные перемены. Как вспоминал начальник охраны царя генерал А. И. Спиридович, «Петербург кипел». Обвиняли правительство, военного министра, российских немцев (шпионы!), Распутина, императрицу. Был пущен страшный слух о подготовке «партией императрицы и Распутина» сепаратного мира. В конце мая в Москве произошли крупные беспорядки, были разгромлены сотни магазинов и пред-

приятий, в основном принадлежавших немцам. Протест задевал и царскую семью, в адрес сестры императрицы, вдовы великого князя Сергея Александровича, Елизаветы Федоровны прозвучали угрозы и обвинения.

Имеющий множество информаторов посол Франции Палеолог с удивлением отмечал в дневнике несуразность происходящего, что «именно балтийская знать является основным стержнем структуры режима».

В Ставке и в окружении Николая Николаевича начались разговоры о возможности заговора против императора, о заточении императрицы в монастырь. Накапливавшееся недовольство привело к тому, что в правительственных кругах созрело мнение о необходимости «нового курса на общественность». Инициатором его стал «умный и хитрый» министр земледелия, «правая рука» Столыпина Александр Васильевич Кривошеин, с которым были солидарны несколько министров и Верховный Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич. Показательно, что вражда Николая Николаевича с военным министром генералом Сухомлиновым выражалась еще и в том, что любое упущение или поражение Ставка пыталась объяснять изменой министра, что бросало тень на монарха. На Верховного Главнокомандующего оппозиция стала смотреть как на возможного преемника императора, а окружение Александры Федоровны — как на врага.

Перечисленные проблемы (а в действительности их было много больше) отражались в зеркале социальных противоречий, которые с бешеным ростом инфляции и дороговизны нагнетали озлобление населения. К тому же еще до начала войны децильный коэффициент (разница в доходах между 10 процентами верхов и низов) превосходил 20-кратную величину и был выше, чем в Англии и США, что порождало острое недовольство большей части населения уровнем жизни и общественным строем.

Обстановка на фронтах была крайне тяжелой. К лету 1915 года в условиях острого недостатка боеприпасов шло Великое отступление российской армии из Галиции и Польши. В этот период на заседаниях Совета министров шли острые споры. Записанные помощником управляющего делами Совета министров А. Н. Яхонтовым разговоры министров раскрывают суть дела.

«Считаю своим гражданским и служебным долгом заявить Совету министров, что отечество в опасности», — так, в заседании Совета министров 16 июля 1915 года, приступил генерал Поливанов к своему очередному докладу о положении на фронте. В голосе его чувствовалось что-то повышенно-резкое (...) Ставка Верховного Главнокомандующего не сооб-

щает главе Военного ведомства никаких данных о положении на боевой линии. Военному министру приходится судить об этом положении на основании доходящих непосредственно в Петербург донесений нашей контрразведки о передвижениях в неприятельском лагере. Во всяком случае, для каждого, мало-мальски знакомого с военным делом, человека ясно, что приближаются моменты решающие для всей войны. — Пользуясь огромным преобладанием артиллерии и неисчерпаемыми запасами снарядов, немцы заставляют нас отступать (действуя) одним артиллерийским огнем. Тогда как они стреляют из орудий чуть ли не по одиночкам, наши батареи вынуждены молчать даже во время серьезных столкновений» («Тяжелые дни». Секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 Сентября 1915 года). Составлено А. Н. Яхонтовым, б. помощником управляющего делами Совета министров (*Архив Русской Революции. Т. XVIII. С. 16–17*).

Это была катастрофа. В Ставке Верховного Главнокомандующего царя растерянность, и обвинения за провал возлагались на правительство. Реальной информацией император не обладал. Усугубляло положение ширящаяся волна беженцев из прифронтовых областей. Без согласования с Советом министров военные выселяли во внутренние губернии евреев, среди которых брали заложников, российских немцев, латышей и остальное гражданское население. Города внутренних губерний задыхались от перенаселенности, население было в ужасе, губернаторы не знали, что делать. Ставка стала принимать другие решения, противоречившие государственной политике, — формировать национальные подразделения: польские легионы, латышские батальоны, армянские дружины.

Речи министров были предельно откровенны, поэтому премьер-министр И. Л. Горемыкин призвал к спокойствию, указав, между прочим, на следующее обстоятельство: «В Царском Селе накапливается раздражение и неудовольствие против Великого Князя. Императрица Александра Федоровна, как Вам известно, никогда не была расположена к Николаю Николаевичу и в первые дни войны протестовала против призвания его на пост Главнокомандующего. Сейчас же она считает его единственным виновником переживаемых на фронте несчастий. Огонь разгорается. Опасно подливать в него масло. Бог знает, к каким это может повести последствиям».

Министр земледелия А. В. Кривошеин нарисовал босхиянский ужас: «По всей России расходятся проклятия, болезни, горе и бедность. Голодные и обворованные повсюду вселяют панику, угашают последние остатки подъема первых месяцев войны. Идут они сплошной стеною, топчут хлеба, портят луга, леса. За ними остается чуть ли не пустыня, будто са-

ранча прошла либо Тамерлановы полчища. Железные дороги забиты, передвижение даже воинских грузов, подвоз продовольствия скоро станут невозможными. Не знаю, что творится в оставляемых неприятелю местностях, но знаю, что не только ближний, но и глубокий тыл нашей армии опустошен, разорен, лишен последних запасов».

Еще одна проблема: новый поворот «еврейского вопроса». Где искать пристанище гонимым? Министр внутренних дел Н. Б. Щербатов добавил жути: «Обострились всевозможные кризисы — продовольственные, квартирные и проч. Появились заразные болезни. На местах настроение принимало все более тревожный характер; евреи озлоблены на всех и на вся, а жители — на непрощенных гостей, к тому же объявленных предателями и изменниками, и на порядки, при которых существовать у себя дома становится невозможным. Местные губернаторы доносят, что все заполнено свыше пределов вместимости и что, если дальнейшее вселение не будет немедленно прекращено, они не отвечают за безопасность новых поселенцев ввиду возбужденного состояния умов и погромной агитации, особенно со стороны возвращающихся с фронта солдат. Не только бытовые, но и экономические, и санитарные соображения требуют разрежения населения».

А. В. Кривошеин рассказал о заявлении банкиров: «К П. Л. Барку на днях явились Каменка, барон Гинцбург и Варшавский с заявлениями о возрастающих трудностях с размещением государственных бумаг, о неуспехе внутреннего займа, об отрицательном отношении к России среди заграничных финансовых кругов, о всеобщем возмущении по поводу отношения к еврейству и т. д. При этом они не скрывали, что улучшение наших финансовых операций в значительной степени находится в зависимости от изменения нашей политики в еврейском вопросе, что они не возлагают на правительство вину за происходящее на фронте, но что они ждут от правительства подсказываемых гуманитарными требованиями мер, и дальше в таком же духе. Кратко содержание беседы можно резюмировать словами: дайте — и мы дадим».

Министр иностранных дел С. Д. Сазонов: «Союзнники тоже зависят от еврейского капитала и ответят нам указанием прежде всего примириться с евреями».

Н. Б. Щербатов: «Мы попали в заколдованный круг. Сейчас мы бессильны, ибо деньги в еврейских руках и без них мы не найдем ни копейки, а без денег нельзя вести войну».

И. Л. Горемыкин: «Приходится признаться, что уступки неизбежны. Вопрос в их объеме. Я лично согласен с министром внутренних дел, что право свободного жительства может быть предоставлено евреям только в городах независимо от черты оседлости.

Но сельские местности мы обязаны оградить от еврейского нашествия».

Министр финансов П. Л. Барк: «Мне откровенно намекают, что нам не выйти из финансовых затруднений, пока не будет сделано каких-либо демонстративных шагов в еврейском вопросе. Словом, дилемма такова: или дадим льготы евреям и восстановим свой кредит для получения средств на продолжение войны, или... Третьего выхода я, как министр финансов, не вижу. Времена Минина и Пожарского, по-видимому, не повторяются. По крайней мере, сейчас трудно усмотреть какие-нибудь признаки».

А. В. Кривошеин: «Я тоже привык отождествлять русскую революцию с евреями, но тем не менее журнал о льготах этим самым евреям подписал, ибо сознаю неизбежность такого акта. Как я уже говорил в Совете министров, нельзя одновременно вести войны и с германцами, и с евреями. Это непосильно даже для такой могучей страны, как Россия».

И. Л. Горемыкин: «Вопрос о допущении евреев в города решен Советом министров и одобрен Его Величеством».

Н. Б. Щербатов: «Среди рабочих, как и вообще среди населения, ходят чудовищные слухи о взяточничестве при военных заказах. Говорят о спекуляциях, о комиссионерах, инженерах, чиновниках, будто бы поощряемых в их аферах, ссылаясь при этом на то, что якобы факты общеизвестны, но что тем не менее до сих пор никто не был предан суду. Все эти толки, конечно, в значительной степени плод злонамеренной агитации, но для успокоения толпы все-таки было бы не лишним принять какую-нибудь демонстративную меру. В судебном порядке сейчас действовать слишком долго. Нельзя ли какую-нибудь акулу изловить и с треском послать в тартарары: в Якутской губернии самый упорный заговорит и скажет правду».

П. А. Харитонов: «Значит, с ножом к горлу прижимают нас хорошие союзники — или золото давай, или ни гроша не получишь. Дай Бог им здоровья, но так приличные люди не поступают».

П. Л. Барк: «Трудно добиться от них реальных результатов, тем более что сейчас вопрос идет о платежах в Америке, а не у союзников, которые сами вывозят для этого золото».

Министр торговли и промышленности В. Н. Шаховской: «Насколько могу судить, мы, говоря просто, находимся под ультиматумом наших союзников».

П. Л. Барк: «Если хотите применить это слово, то я отвечу — да. Если мы откажемся вывезти золото (в залог. — С.Р.), то мы ни гроша не получим в Америке и с нас за каждое ружье американцы будут требовать платы золотом. (...) Стоимость рубля находится в зависимости не от обеспечивающего его

золота, а от перегруженности страны бумажными знаками и, больше всего, от удачливости военных действий. Охрана золотого запаса при запрете свободного размена — фетишизм. Нельзя ради отвлеченного принципа тормозить покупку шрапнелей и ружей. Если Совет министров откажет в согласии на вывоз золота, то я слагаю с себя ответственность за платежи в сентябре. Предвижу неизбежность катастрофы».

Можно сказать, что Совет министров заседал у подножия действующего вулкана.

Нетрудно догадаться, почему российское общество, получив в распоряжение ресурсы ЦВПК и Земгора, обратилось за поддержкой к единственно доступной структуре государства — Государственной Думе. Так сложился Прогрессивный блок, куда вошли сотни думских депутатов и членов Государственного Совета различной политической окраски, от кадетов и октябристов до националистов.

Однако создание блока еще не означало краха политической платформы столыпинской «третьеиюльской монархии». Наоборот, это был ее финальный подъем. При содействии столыпинского соратника Кривошеина «прогрессисты» надеялись создать с правительством союз; Кривошеин даже предложил царю ввести в правительство Гучкова, чтобы нейтрализовать оппозиционность «третьего сословия». Кривошеин играл в правительстве Горемыкина роль «серого кардинала» (отказался от поста премьера, чтобы не связывать себе руки), но здесь он переоценил свое влияние на монарха: услышав имя Гучкова, император был встревожен и предположил, что далее последует фактический переход власти в руки оппозиции. На совести Гучкова была не столь давняя антираспутинская кампания в Думе и в газетах.

Программа Прогрессивного блока включала два основных пункта: создание правительства общественного доверия во главе с одним из министров, готовым сотрудничать с Думой, и «радикальное изменение приемов управления». В программе не было ничего революционного, участники блока считали, что спасают страну от революции. В качестве главы правительства назывались готовые к сотрудничеству с Думой Кривошеин и генерал Поливанов, членами правительства могли оставаться некоторые прежние министры. Вопрос об ответственности «министерства доверия» перед Думой не ставился, и, следовательно, требование блока оставалось в рамках закона.

Впрочем, «вегетарианству» Прогрессивного блока доверяли далеко не все. Вот пример иной оценки. Лев Тихомиров, раскаявшийся народоволец, ставший монархистом, в своем дневнике писал, что оппозиция стремится произвести «фактический госу-

дарственный переворот, задавить Царя, созвать Думу и составить правительство».

В середине августа 1915 года в газетах появились варианты «министерства доверия», в его составе назывались кадеты П. Н. Милюков (впоследствии министр иностранных дел в первом составе Временного правительства), А. И. Шингарев (министр финансов Временного правительства), А. В. Маклаков (посол Временного правительства во Франции), октябристы А. И. Гучков (военный и морской министр в первом составе Временного правительства) и Н. В. Савич (отказался от должности морского министра в первом составе Временного правительства).

Далее последовали важные кадровые перемены. Военный министр В. А. Сухомлинов, которого молва обвинила в шпионаже и которого великий князь Николай Николаевич терпеть не мог, был уволен в отставку, арестован, и против него возбудили следствие. Новым министром был назначен генерал А. А. Поливанов, близкий к Гучкову. Кроме Сухомлинова, были уволены несколько консервативно настроенных министров, в том числе министр юстиции И. Г. Щегловитов, обер-прокурор Святейшего Синода В. К. Саблер и министр внутренних дел Н. А. Маклаков. Щегловитов и Саблер считались сторонниками императрицы, а все они, преданные императору, — отпетыми «реакционерами».

Казалось, власть делает все, чтобы установить контакты с обществом: созданы ЦВПК, Земский и Городской союзы, Особые совещания с участием оппозиционеров (по обороне, продовольствию, топливу и перевозкам), и вот — перемены в Совете министров.

Однако «министерства доверия» не получилось по причине отсутствия доверия. Более того, император принял на себя обязанности Верховного Главнокомандующего, и отныне постоянным местом его пребывания делалась Ставка. А Николай Николаевич стал главнокомандующим Кавказским фронтом, наместником на Кавказе.

Решение императора не укрепляло, а ослабляло порядок управления, ибо функции повседневного руководства страной теперь ложились на председателя Совета министров 87-летнего Ивана Логгиновича Горемыкина, опытного и многознающего бюрократ, который в силу своего преклонного возраста не обладал должной энергией.

После секретного совещания на квартире министра иностранных дел С. Д. Сазонова восемь министров направили царю коллективное письмо, убеждая его не становиться Верховным Главнокомандующим и в противном случае собираясь уйти в отставку. Среди них были С. Д. Сазонов, министр земледелия А. В. Кривошеин, министр внутренних дел Н. Б. Щербатов, обер-прокурор Святейшего Синода

А. Д. Самарин, министр торговли и промышленности князь Н. В. Шаховской, министр финансов П. Л. Барк. Это был явный протест, так как они не имели права на отставку.

Кривошеин же считал, что надо было «использовать все доступные нам способы, чтобы удержать Его Величество от бесповоротного шага. Мы должны объяснить, что ставится вопрос о судьбе династии, о самом троне, наносится удар монархической идее, в которой и сила, и вся будущность России. Народ давно... считает государя царем несчастливым, незадачливым».

На предупреждение председателя Государственной Думы М. В. Родзянко, что при поражениях царь подвергнет риску трон, монарх ответил: «Я знаю, пусть я погибну, но спасу Россию».

Решение царя, посчитавшего, что он обязан в тяжелые времена быть с войсками, углубляло внутриэлитный конфликт. Николай II даже поссорился с матерью, вдовствующей императрицей Марией Федоровной, которая не одобряла решение сына. Зато Александра Федоровна полностью поддержала мужа. Теперь он оставался один на вершине ответственности, открытый со всех сторон для критики.

Обратим внимание еще на одно назначение, произошедшее в первой половине августа: Северо-Западный фронт был разделен на два фронта, Северный и Западный, и командовать Северным был назначен генерал-адъютант Н. В. Рузский, который впоследствии окажет решающее влияние на отречение императора от престола. Он был слаб здоровьем, нервен, употреблял морфий, так как страдал от старого ранения на полях Маньчжурии — сильно ушибся при падении на железнодорожную насыпь.

Третьего сентября 1915 года, отказавшись принять депутацию Прогрессивного блока, Николай II объявил «перерыв в работе Думы». С этого момента оппозиция стала превращаться в антирежимную.

Отъезд императора в Ставку изменял соотношение сил в структуре управления. В реальную политику вышли новые участники, среди которых на первое место выдвинулась императрица Александра Федоровна и ее окружение.

В правительстве произошли большие изменения, из него были удалены почти все «столыпинцы», нацеленные на сотрудничество с Думой. А. Д. Самарин был заменен членом Государственного Совета А. Н. Волжиным. Министром внутренних дел вместо князя Н. Б. Щербатова был назначен член Государственной Думы А. Н. Хвостов (племянник министра юстиции А. А. Хвостова, оставшегося на своем посту), А. В. Кривошеина сменил член Государственного Совета, самарский губернский предводитель дворянства А. Н. Наумов, министром путей со-

общения вместо С. В. Рухлова стал член Государственного Совета А. Ф. Трепов. Государственного контролера П. А. Харитонов сменил Н. Н. Покровский. Это была радикальная смена команды, разрыв политического фундамента. Что дальше, еще никто не представлял. Но мы-то догадываемся: либо диктатура, либо переворот.

Председатель Постоянного совета объединенных дворянских обществ А. П. Струков в письме премьеру Горемыкину обращал внимание, что «произносимые и передаваемые прессой во все концы страны левые речи, некоторые заключения столичных совещаний и злоупотребление печатным словом являются предвестниками новых смут с целью изменения государственного строя России. Только неизбежность основ существующего порядка в соединении с твердой и единой правительственной властью в центре страны и на местах, врученной Государем лучшим преданным Ему и осведомленным людям из обширного Русского общества оградит страну от шатания мысли внутренней смуты». Казалось, прозвучал мощный голос Петровской империи!

Но отовсюду посыпались протесты губернских дворянских обществ — Полтавского, Костромского, Петроградского, Московского, Новгородского, Пензенского, Смоленского, Владимирского, Уфимского, Ярославского Тверского, Симбирского, Орловского. Губернское дворянство не соглашалось с позицией своего председателя и фактически поддержало идею «министерства доверия».

Почему? Потому что в идущей модернизации дворяне так и не создали управляющего класса и, не понимая в полной мере беспримерности социальных перемен, предпочитали на ходу пересест в «буржуазный экспресс». Голос Петровской империи затихал. Даже в армии воспринимали его как смутное эхо.

Протопресвитер армии и флота Георгий Шавельский (идеолог Ставки!) в своих воспоминаниях весьма реалистично описал положение: «Пока великий князь Николай Николаевич был в Ставке, поддерживалось некоторое равновесие сторон, ибо решительным натискам царицы и К°. противопоставлялись столь же решительные натиски великого князя, которого Государь стеснялся, а может быть, по старой привычке, и побаивался, и который в одних случаях умел убедить, в других — запугать Государя (...) Генерал М. В. Алексеев официально занял место начальника Штаба, а фактически вступил в Верховное командование в тяжелую для армии пору — ее отступления на всем фронте, при огромном истощении ее духовных сил и таком же недостатке и вооружения, и снарядов. Положение армии было почти катастрофическим. Рядом принятых энергичных и разумных мер ему, однако, удалось достичь того, что,

к концу августа, наступление противника было остановлено, а в одном месте наши войска имели даже большой успех, захватив 28 тыс. пленных и много орудий. Этот успех «патриоты» сейчас же объяснили подъемом духа в войсках по случаю вступления Государя в Верховное командование».

Генерал-адъютант Михаил Васильевич Алексеев стал одной из самых влиятельных фигур в стране. Изменилось в целом и политическое влияние армии, что впоследствии станет решающим фактором национальной катастрофы в Феврале. К главным управленческим силам государства, бюрократии, высшему дворянству и буржуазии прибавился генералитет. Не вызывало ли это обстоятельство воспоминание о дворцовых переворотах послепетровских времен или предчувствие военной диктатуры?

Мысль о диктатуре исходила от начальника ГАУ генерала А. А. Маниковского, который по горло был сыт противоречиями системы. Показательно, что британский военный министр генерал Китченер, самочинно взявший на себя роль распорядителя российских военных заказов, действовал в США через банк Моргана (впоследствии главный бенефициар экономических решений Версальского договора!) и отвергал все попытки представителей ГАУ избавиться от иностранных посредников и иметь дело напрямую с заводами. И начальник штаба Верховного Главнокомандующего (Николая Николаевича) генерал Янушкевич стоял на стороне Китченера — «по политическим соображениям». Читаем в книге А. А. Маниковского: «Без особо ощутительных для нашей армии результатов, в труднейшее для нас время пришлось влить в американский рынок колоссальное количество золота, создать и оборудовать там на наши деньги массу военных предприятий, другими словами, произвести на наш счет генеральную мобилизацию американской промышленности, не имея возможности сделать того же по отношению к своей собственной».

Генерал Алексеев предложил для наведения порядка в управлении учредить институт «военного диктатора»: «Лицу этому, облеченному высоким доверием Вашего Императорского Величества и полнотой чрезвычайной власти, необходимо предоставить: объединять, руководить и направлять единой волей деятельность всех министерств, государственных и общественных учреждений, находящихся вне пределов театра военных действий, с тем чтобы деятельность эта была направлена в полной мере исключительно к служению армии Вашего Величества для полной победы и изгнания неприятеля из пределов России (...)»

Верховный министр государственной обороны должен исключительно и непосредственно подчиняться Вашему Императорскому Величеству (...)».

(Цит. по: *Дневники и документы из личного архива Николая II. М., 2003. С. 340–342.*)

Этот доклад означал, что генералы позволили себе вмешаться в управление государством.

Влияние начальника штаба было огромным. Обязанный по должности заниматься делами армии, он, кроме того, вникал в дела министерств, принимал у себя в Ставке министров по вопросам, касающимся армии, и был информирован о всех проблемах в столице.

Впрочем, предложение Алексеева было отвергнуто, в нем было усмотрено покушение на прерогативы самодержца.

Также появлялись различные проекты государственного контроля то над продовольственным снабжением рабочих военной промышленности через интендантское управление Военного министерства, то огосударствления всей торговли, то привлечения обывателей «к активной деятельности в области обнаружения скрытых товаров и установления случаев нарушения торговцами существующих правил».

Родилось предложение реорганизовать продовольственное дело с опорой на частные коммерческие банки, для осуществления которого банкиры прилагали немалые усилия повлиять на генералитет. Среди них были ведущие банкиры, в том числе и известный нам «кадетский банкир» Каминка. За банками стояли общественные организации, игравшие большую роль в распространении продовольствия в «потребляющих районах» — партии, земства, городские самоуправления, кооперативы. Поэтому правительство относилось к банкам с должной настороженностью как к большой и политически опасной силе, что вылилось в превентивной мере — наделением министра финансов правом проводить ревизии банков.

Однако ситуация требовала новых подходов. Над Особыми совещаниями появился еще один орган — совместные заседания председателей Особых совещаний, а над ними — Совещание пяти ведущих министерств (военного, внутренних дел, путей сообщения, земледелия, торговли и промышленности), затем преобразованное в Особое совещание для объединения всех мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла. При Министерстве внутренних дел был создан Особый комитет по борьбе с дороговизной.

Насколько остры были экономические дискуссии в верхах, можно судить по столкновению между председателями Особых совещаний — по обороне и продовольствию. В сентябре 1916 года военный министр, председатель Особого совещания по обороне отменил решение своего коллеги, министра земледелия А. А. Бобринского о повышении твердых цен на продовольствие на 40–50 процентов, что привело

бы к резкому повышению расходов Военного министерства и к всплеску дороговизны на все товары и продукты. Зато крестьяне оказались в явном выигрыше на фоне растущей инфляции.

Глава пятнадцатая. Военная контрразведка против Царского Села.

Кроме острейшего кризиса военной промышленности, который разрешался усилиями ГАУ, надвинулись новые — транспортный, снабженческий, торговый и продовольственный.

В специальном донесении Петроградского охранного отделения подробно проанализирована ситуация на продовольственном рынке столицы: спекулятивная практика банков и оптовых торговцев, неудовлетворительная работа железных дорог, коррупция путейских чиновников вызывали бешеный рост цен на продовольствие, резко опережающий инфляцию. Донесение рисует картину нарастающего хаоса и детализирует экономическую практику «мародеров», причем описывает действия немецких и еврейских банкиров, еврейских и русских купцов.

«Лица, близко стоящие к купеческой среде, рассказывают достойные увековечения истории о том, как ловкие спекулянты наживали в несколько дней сотни тысяч и из нищих становились миллионерами. Особенно много среди новых богачей — евреев, и путь их обогащения почти всегда один и тот же, на котором немного стоит остановиться. Всем известно, что петроградская торговля имеет кредит от евреев; этот кредит перед войной достигал 2/3 торговых оборотов столицы, причем значительная часть его шла от евреев берлинских; война, порвав связи с Берлином, не порвала связи с Германией: немецкие евреи переселились в Данию, Швецию, Голландию и пр. и оттуда продолжали оказывать финансовое давление на Петроград.

Происходило следующее: какой-нибудь ловкий комиссионер, получив сведения от администрации (гражданской или военной — все равно, т. к. та и другая легко давала нужные комиссионерам сведения) о том, что администрация опасается, как бы не оказалось в скором времени недостатка в таком-то продукте, немедленно телеграфировал своим коллегам в провинцию, чтобы они скупали этот продукт; деньги же из Петрограда не высылались, а лишь <кредит> на местные конторы; в результате через 3–4 дня оказывалось, что администратор, давший сведения, был прав: данных продуктов не хватало. О недостатке писали газеты, чем немедленно вызывали спрос, сразу же прекращавший всякое предложение; начиналась <гонка цен>, надбавки, перепро-

дажи и пр.; через неделю этот товар, нисколько не уменьшившийся в количестве, перепродавался с прибылью в 150–200%, из коих добрая часть приходилась на долю полунемецких, а то и чисто немецких комиссионеров. (...)

Несмотря на кажущуюся внешнюю тишину и на личность обязательного наружного порядка, настроение самых широких кругов населения, начиная от весьма недостаточных и в обычное время низов и кончая поставленными ныне, благодаря неимоверной дороговизне, в стесненное положение средними слоями столичного общества, носит весьма тревожный и неустойчивый характер, свидетельствует о все увеличивающейся нервности и дает показатели на крайнее озлобление зачастую стихийного и бессознательного тона (...) Генерал-майор Глобачев. 27 января 1916. № 41» (*ГА РФ. Ф. 102. 4 д-во. 1916. Д. 61. Ч. 9. Лит. А. Л. 9–27. Цит по: Глобачев К. И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. «РОС-СПЭН». М., 2009*).

Информацию жандармского генерала подтверждает запись в дневнике французского посла: «Пятница, 26 ноября 1915 года. Финансовые круги Петрограда продолжают поддерживать, через посредство Швеции, постоянную связь с Германией, и все их воззрения о войне инспирируются Берлином».

Палеолог прямо связывал действия российских банкиров с распространяемыми по Петрограду слухами о спасительности для России сепаратного мира с Германией. Особую тревогу у него вызывали высказывания Распутина: ««Россия вступила в эту войну против воли Господа Бога (...) Христос возмущен всеми этими жалобами, которые возносятся к нему с земли русской. Но генералы безразличны к тому, что убивают мужиков; то не мешает генералам есть, пить и богатеть... Увы! Кровь жертв ложится несмываемым пятном не только на них: она позорит и самого царя, потому что он отец мужиков... Я скажу вам: Божье мщение будет ужасным!»

Положение на финансовом рынке действительно требовало вмешательства властей. С 15 ноября 1914 года действовал Высочайший указ, согласно которому без разрешения министерства финансов любые финансовые операции за рубежами России, переводы денежных средств или разного рода ценностей были запрещены. Несмотря на это, банки продолжали свою нелегальную деятельность, «государство Витте» жило по своим законам.

В конце мая 1916 года, опираясь на данные Департамента полиции и военной контрразведки о подозрительных в пользу Германии банковских операциях Дмитрия Львовича Рубинштейна и некоторых других финансистов М. В. Алексеев получил разрешение Николая II на создание специальной

оперативно-следственной комиссии Северного фронта под началом контрразведчика Генерального штаба генерал-майора Николая Степановича Батюшина.

В официальном сообщении Петроградского телеграфного агентства от 26 октября 1916 года говорилось: «Арестованы по распоряжению военных властей на театре военных действий киевские сахарозаводчики Израиль [Борисович] Бабушкин, Иосель Гепнер и Абрам [Юрьевич] Добрый за противодействие снабжению армии сахаром, умышленное сокращение выпуска сахара на внутренний рынок Империи и злонамеренный вывоз сахара за границу в ущерб снабжению таковым армии и населения».

Расследование началось в связи с исчезновением с рынка сахара, хлеба и других продовольственных товаров (все-таки голос спецслужб услышали). С началом войны вывоз сахара в воюющие страны прекратился, и, тем не менее, сахара не хватало даже для армии.

Батюшинская комиссия установила, что до одной трети годового производства сахара-рафинада нелегально переправлялось через Багдад в Турцию.

Рубинштейна подозревали в махинациях с заказами интендантства, «спекулятивных операциях с немецким капиталом» (вспомним запись Палеолога о немецких капиталах из Швеции!), спекуляциях хлебом в Поволжье. Было также установлено, что через свои банки Рубинштейн зарабатывал до 40 процентов прибыли с заказов на оборону путем выдачи гарантий частным заводам и предприятиям, нанося огромный ущерб казне.

Его арестовали по обвинению в государственной измене в Петрограде и перевезли в псковскую тюрьму в зону ответственности военных, где он был недосыгаем для петроградской полиции.

Следствие батюшинской комиссии прогремело на весь фронт и столицу, но мало кто знал, что за ее деятельностью стояла интрига военной контрразведки, стремившейся устранить Распутина.

Контрразведчики установили еще одну дыру в системе безопасности, канал утечки секретной информации. Она уходила через страховые компании, которые перестраховывали риски в перестраховочных компаниях Германии и Австро-Венгрии. Туда передавались «подробные сведения о страхуемом предмете с точным указанием срока страховки: касается ли это заводов, работающих на оборону, или расширения их путем постройки дополнительных сооружений и установки новых машин, или постройки новых военных и торговых судов или же их снаряжения, или же это касается военных грузов, следующих на торговых океанских судах, главным образом из С.А.С.Штатов и пр. В последнем случае точно указывался путь следования судов и время,

на которое действует страховка. Дубликат такого досье должен был быть отправлен в перестраховочную контору, то есть в Германию или Австро-Венгрию через нейтральные конечно страны» (*Батюшин Н. С. Тайная военная разведка и борьба с ней. X-History, М., 2002*).

Неудивительно, почему германские подводные лодки могли успешно действовать в океане.

Также штабом Северного фронта было начато предварительное следствие против председателя страхового общества «Россия» А. И. Гучкова «по обвинению его по ст. 108 Уголовного уложения в содействии противнику через перестраховочные конторы». Однако Петроградский окружной суд, которому передали дело, его закрыл.

Чем закончилась история комиссии? На «сахарном деле» император начертал странную резолюцию: «Освободить, и если они в чем-либо виноваты, то пусть своей дальнейшей деятельностью заслужат себе оправдание». Вмешался Распутин, который имел тесные связи с Рубинштейном. И сама императрица была в этом заинтересована — она при посредстве банкира пересылала небольшую денежную помощь своим родственникам в Гессен, что было нарушением закона, и принимала от жены банкира пожертвования на свой госпиталь для раненых воинов.

«Симанович, секретарь Распутина, писал: «Сын известного председателя Петербургской синагоги Зив обратился ко мне с просьбой помочь его тестю, Гепнеру, киевскому сахарозаводчику. Хепнер (так!) был арестован совместно с сахарозаводчиками Бабушкиным и Добрым. Я должен был добиться прекращения дела Рубинштейна, так как оно для еврейского дела могло оказаться столь же вредным, как в свое время дело Бейлиса. Я вполне сознавал опасность положения и считал, что должны быть приняты все меры, чтобы отвратить надвигающуюся на евреев беду».

И министр финансов Петр Людвигович Барк тоже препятствовал ведению следствия против крупнейших банков — Русского для внешней торговли, Петроградского международного, Соединенного (в Москве), Русско-Французского и других; «они получали лихвенные барыши благодаря неестественному вздутию цен на предметы первой необходимости» (*Симанович А. Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. М.: Советский писатель, 1991*).

Спецслужбы империи вовремя информировали верхи и даже пытались вести самостоятельную игру. Ничего из этого не вышло. Наоборот, контрпропагандистская кампания в прессе, развязанная банками, дискредитировала и эти усилия, и государственную власть.

Французский посол записал разговор с членом Особого совещания по снабжению при Военном министерстве Алексеем Ивановичем Путиловым, директором-распорядителем крупнейшего Русско-Азиатского банка и председателем/членом правления многих заводов, железных дорог, нефтяных компаний, который прямо сказал: «Дни царской власти сочтены, она погибла, погибла безвозвратно; а царская власть — это основа, на которой построена Россия, единственное, что удерживает ее национальную целостность... Отныне революция неизбежна, она ждет только повода, чтобы вспыхнуть. Поводом послужит военная неудача, народный голод, стачка в Петрограде, мятеж в Москве, дворцовый скандал или драма — все равно; но революция — еще не худшее зло, угрожающее России. Что такое революция в точном смысле этого слова?... Это замена, путем насилия, одного режима другим. Революция может быть большим благополучием для народа, если, разрушив, она сумеет построить вновь. С этой точки зрения революции во Франции и в Англии кажутся мне скорее благотворными. У нас же революция может быть только разрушительной, потому что образованный класс представляет в стране лишь слабое меньшинство, лишенное организации и политического опыта, не имеющее связи с народом. Вот, по моему мнению, величайшее преступление царизма: он не желал допустить, помимо своей бюрократии, никакого другого очага политической жизни. И он выполнил это так удачно, что в тот день, когда исчезнут чиновники, распадется целиком само русское государство. Сигнал к революции дадут, вероятно, буржуазные слои, интеллигенты, кадеты, думая этим спасти Россию. Но от буржуазной революции мы тотчас перейдем к революции рабочей, а немного спустя — к революции крестьянской. Тогда начнется ужасающая анархия, бесконечная анархия — анархия на десять лет... Мы увидим вновь времена Пугачева, а может быть, и еще худшие...»

Глава шестнадцатая. Армия: герои, подвижники, звери?

С героических и страшных петровских времен армия была подобна светской Церкви, где выковывался дух служения Отечеству. Оставить ряды армии было невозможно, погибнуть — легко, победить врага и прославиться — необходимо. «Установив, с одной стороны, сверхвысокие ставки вознаграждения за доблестный ратный труд и сверхвысокие риски утраты всех прав за его профанацию, с другой стороны, Петр I создал между этими полюсами поле напряженности, в котором буквально кристаллизировались военные таланты» (*Волкова И. Русская армия в русской истории. М., 2005. С. 61–62.*)

Дворяне-офицеры и крестьяне-солдаты были строителями империи, армия была продолжением поместья и крестьянской общины, продолжением «вечности».

Один из самых известных генералов императорской армии в XX веке, участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн Антон Иванович Деникин, так писал о судьбе своего отца-офицера:

«Отец, Иван Ефимович Деникин, родился за 5 лет до наполеоновского нашествия на Россию (1807 г.) в крепостной крестьянской семье, в Саратовской губернии, если память мне не изменяет, в деревне Ореховке. (...) В молодости отец крестьянствовал. А 27 лет от роду был сдан помещиком в рекруты. В условиях тогдашних сообщений и солдатской жизни (солдаты служили тогда 25 лет и редко кто возвращался домой), меняя полки и стоянки, побывав походом и в Венгрии, и в Крыму, и в Польше, отец оторвался совершенно от родного села и семь (...) Солдатскую службу начал отец в царствование императора Николая I. «Николаевское время» — эпоха [12] беспросветной тяжелой солдатской жизни, суровой дисциплины, жестоких наказаний (...) На военную службу отец поступил только со знанием грамоты. На службе кой-чему подучился. И после 22-летней лямки, в звании уже фельдфебеля, допущен был к «офицерскому экзамену», по тогдашнему времени весьма несложному: чтение и письмо, четыре правила арифметики, знание военных уставов и письмоводства и Закон Божий. Экзамен отец выдержал и в 1856 году произведен был в прапорщики, с назначением на службу в Калишскую, потом в Александровскую бригаду пограничной стражи (...) В 1869 году отец вышел в отставку, с чином майора» (Деникин А. И. *Путь русского офицера*. М., «Современник», 1991. С. 12–13).

То, что после десятилетий военной службы такие офицеры были буквально железными, можно и не говорить. Во время Крымской войны, уже будучи на пенсии (нищенская, 36 рублей в месяц), семидесятилетний Иван Ефимович попросился в Действующую армию, и его было призвали командиром запасного батальона, но тут война закончилась. «Детство мое прошло под знаком большой нужды», — вспоминал его сын.

В конце XIX века среди всех потомственных дворян помещиками были не более трети, а среди офицеров — совсем немного, не более 10–15 процентов. По оценке известного историка Сергея Владимировича Волкова, «среди армейской элиты — полковников корпуса Генерального штаба никакой собственности не имели 95 процентов, а жалование младших офицеров соответствовало среднему заработку мастеровых на петербургских заводах (штабс-капитан

получал в месяц 43,5 руб., поручик — 41,25, а мастеровые — от 21,7 до 60,9 руб.).

Одна из Великих реформ, Военная реформа 1874 года, модернизировала армию, старая, помнившая суворовских ветеранов, ушла в историю. Началось перевооружение. Вместо рекрутского набора была введена всеобщая воинская повинность, надо было служить не 25 лет, а всего шесть (имеющие образование служили меньше; с высшим — всего полгода), отменены телесные наказания, создана сеть военных и юнкерских училищ, куда принимали всех, независимо от сословной принадлежности. Армия стала массовой и регулярной.

Надо заметить, что к Февралю состав образованного слоя и офицерский состав резко изменился. К 1897 году среди учащихся гимназий и реальных училищ доля потомственных дворян снизилась до 25,6 процентов, среди студентов — до 22,8 процентов, а к 1914–1916 годам составляла 8–10 процентов. Среди офицеров, произведенных во время войны, до 70 процентов происходило из крестьян, и лишь примерно 4–5 процентов — из дворян.

В целом за три года войны армия претерпела беспримерные трансформации, которые сказались на прочности государства. После революции 1905 года полковник А. И. Деникин, вернувшийся с Японской войны и видевший революционный хаос, заключил: «Армия устояла благодаря корпусу офицеров, который после 1905 года, относясь с большим вниманием, анализом, не раз осуждением к некоторым явлениям военной и общегосударственной жизни, сохранил характер государственно-охранительной силы. В этом его историческая заслуга, в этом же предопределение его позднейшей трагической судьбы» (Деникин А. И. *Там же*. С. 186).

В начале мировой войны и в ее конце фактически было две разные армии. Спустя три года мы увидим иную армию. Картина настолько фантастична и одновременно убедительна, что вошла в романы Алексея Толстого («Хождение по мукам») и Бориса Пастернака («Доктор Живаго»). Генерал Петр Николаевич Краснов описал ее с документальной точностью. Трагедия произошла 24 августа 1917 года, то есть уже после Февраля. Краснову сообщили, что полки пехотной дивизии отказываются исполнять боевые приказы, что ими руководит несколько весьма «зловредных агитаторов». Дальнейшие события развивались стремительно.

«На переданное требование выдать этих агитаторов солдаты 444-го пехотного полка ответили отказом. Надо их заставить выдать. Командир корпуса считает, что достаточно будет назначить один полк с пулеметной командой (...) В 10 час. утра мы прибыли в селение Духче, где нас ожидал начальник пехотной дивизии ген. лейт. Гиршфельдт. Он направил казаков

к пехотному биваку, приказавши окружить его со всех сторон, оставив одну сотню в его распоряжении (...) Я остался в штабе с Гиршфельдом ожидать комиссара Линде. Если я не ошибаюсь, Линде был тот самый вольноопределяющийся л. гв. Финляндского полка, который 20 апреля вывел полк из казарм и повел его к Мариинскому дворцу требовать отставки Милюкова (министр иностранных дел Временного правительства, выступавший за продолжение войны и захват черноморских проливов. — С.Р.).

Около 11 час. утра на автомобиле из Луцка приехал комиссар фронта Ф. Ф. Линде. Это был совсем молодой человек. Манерой говорить с ясно слышным немецким акцентом, своим отлично сшитым френчем, галифе и сапогами с обмотками, он мне напомнил самоуверенных юных немецких барончиков из прибалтийских провинций, студентов Юрьевского университета. Всею своею молодую, легкую фигуру, задорным тоном, каким он говорил с Гиршфельдом, он показывал свое превосходство над нами, строевыми начальниками.

— Ну, еще бы, — говорил он, манерно морщась на доклад Гиршфельдта, что все его увещания не привели ни к чему и виновные все еще не выданы. — Они вас никогда не послушают. С ними надо уметь говорить. На толпу надо действовать психозом (...)

Когда мы подъезжали, казаки уже окончили окружение бивака 444-го полка. Они выставили заставу с пулеметами по направлению к позиции. Они сидели на лошадях с обнаженными шашками и, казалось, готовы были ринуться на пехоту.

Командир пехотного полка встретил нас у края бивака и сообщил, что солдаты очень напуганы появлением казаков и собираются поротно, ружей не разбирают. Зачинщики ему названы (...)

Линде вышел вперед. Лицо его было бледно, но сильно возбуждено. Он оглянул роту гневными глазами, и сильным, полным возмущения голосом начал говорить. Я почти дословно помню его речь.

— Когда ваша родина изнемогает в нечеловеческих усилиях, чтобы победить врага, — отрывисто, отчетливо, говорил Линде, и его голос отдавало лесное эхо, — вы позволили себе лентяйничать и не исполнять справедливые требования своих начальников. Вы — не солдаты, а сволочь, которую нужно уничтожить. Вы — зазнавшиеся хамы и свиньи, недостойные свободы. Я, комиссар Юго-Западного фронта, я, который вывел солдат свергнуть царское правительство, чтобы дать вам свободу, равной которой не имеет ни один народ в мире, требую, чтобы вы сейчас же мне выдали тех, кто подговаривал вас не исполнять приказ начальника. Иначе вы ответите все. И я не пощажу вас!

Тон речи Линде, манера его говорить и начальственная осанка сильно не понравились казакам (...)

Когда Линде замолчал, рота стояла бледная, солдаты тяжело дышали. Видимо, они не того ожидали от «своего» комиссара.

— Ну что же! — грозно сказал Линде и пошел вдоль фронта.

Командир полка стал вызывать людей по фамилиям. Он уже знал зачинщиков. Выходившие были смертельно бледны, тою зеленоватою бледностью, которая показывает, что человек уже не в себе. Это были люди большею частью молодые, типичные горожане, может быть, рабочие, вернее, люди без определенных занятий. Их набралось двадцать два человека.

Один из вызванных начал что-то говорить. Линде бросился к нему.

— Молчать! Сволочь! Негодяй! После поговоришь...

— Возьмите их, — сказал он сопровождавшему его казачьему офицеру.

— Не выдадим!.. Товарищи! что же это!.. — раздалось из роты, и несколько рук, сжатых в кулаки, поднялось над фронтом.

Я обернулся. Конная сотня, стоявшая шагах в двадцати, грозно надвинулась, и люди стихли.

— Ведите этих подлецов, и при малейшей попытке к бегству — пристрелить, — сказал Гиршфельд казачьему офицеру.

— Понимаю, — хмуро ответил тот, скомандовал арестантам и повел их, окруженных казаками, из леса.

Дело было сделано, настроение солдат было очень возбужденное, квадраты батальонных колонн, выстроившихся на лесной прогалине, были грозны, и я подумал, что хорошо будет, если Линде теперь же и уедет, пока солдаты не поняли своей силы и нашего бессилия. Я сказал это ему.

— Нет, генерал. Вы ничего не понимаете, — сказал Линде. — Первое впечатление сделано. Надо воспользоваться психологическим моментом. Я хочу поговорить с солдатами и разъяснить им их ошибки.

Линде и начальник дивизии генерал Гиршфельд сияли счастьем от первой удачи; какая-то непреодолимая судьба несла их в самую пасть опасности. Они уже никого не слушались, и Линде полагал, вероятно, что он овладел массой. Мне же было жутко на него смотреть. По лицам солдат второй роты я понял, что дело далеко не кончено, что судом комиссара они недовольны. Я приказал офицерам и урядникам разойтись между солдатами и наблюдать за ними. Нас было едва пятьсот человек, рассыпанных по всему лесу. Солдат в 444-м полку было свыше четырех тысяч да много сходилось и из соседних полков. Весь лес был серым от солдатских рубашек.

Линде подошел к первому батальону. Он отрекомендовался — кто он, и стал говорить довольно длинную речь (...) Говорил он патетически, страстно,

сильно, местами красиво, образно, но акцент портил все. Каждый солдат понимал, что говорит не русский, а немец.

Кончив, Линде, несмотря на протест командира полка, хотевшего держать людей все время в строю и под наблюдением, приказал разойтись людям 1-го батальона и пошел говорить со вторым. Люди первого батальона разошлись по кучкам и стали совещаться. Некоторые следовали за Линде, и нас уже сопровождала порядочная толпа солдат (...) Я снова пошел к Линде и стал его убеждать. Но убедить его было невозможно. Глаза его горели восторгом воодушевления, он верил в силу своего слова, в силу убеждения. Я сказал ему все.

— Вас считают за немецкого шпиона, — сказал я.

— Какие глупости, — сказал он. — Поверьте мне, что это все — прекрасные люди. С ними только никто никогда не говорил.

Было около трех часов пополудни и сильно жарко. Линде уже не говорил речей, но и он, и генерал Гиршфельд стояли в плотной толпе солдат и отвечали на задаваемые им вопросы. Вопросы эти были все наглее и грубее. Из темной солдатской массы выступали уже определенные лица, которые неотступно следовали за Линде». (*Краснов П. Н. На внутреннем фронте. «Прибой». Ленинград, 1927*).

Комиссар Линде и генерал Гиршфельд были убиты со средневековой зверской жестокостью, словно они были порождением дьявола.

В мемуарах члена ЦК кадетской партии А. Тырковой — Вильямс царившие в партии идеи описаны не без профессорского шика (перефразируя древнеримского поэта): «Если боги не услышат нас, мы обратимся к Ахеронту», то есть к «реке Ада», царству дьявола.

Глава семнадцатая. Законы монархии против законов бизнеса. Назначенцы императрицы. Масонские ложи.

Претензии А. И. Гучкова и его соратников сделать ЦВПК главным органом мобилизации промышленности были правительством отвергнуты. На предприятиях ЦВПК была (под воздействием Маниковского) введена военная приемка продукции и контроль офицерами производственного процесса. Как и в других воюющих странах, правительство расширяло государственное регулирование в экономике, ограничивало возможности монополий.

В марте 1916 года был уволен военный министр А. А. Поливанов, имевший дружественные отношения с ЦВПК и Прогрессивным блоком.

Двадцать второго июня 1916 года было принято постановление, которое сводилось к сокращению посреднических функций военно-промышленных

комитетов, обязательной публикации информации об их деятельности и отмене существовавшего запрета военной цензуре не допускать в печати критики в адрес ВПК. Также был установлен контроль за бюджетами Всероссийского земского союза, Всероссийского союза городов и других организаций по призрению больных и раненых воинов. Власть почувствовала не только политическую, но и экономическую угрозу, исходившую от крупного капитала. Так, Министерство путей сообщения планировало помимо казенной добычи угля и нефти расширить собственное машиностроение и создать собственные металлургические заводы. Некоторые заводы были национализированы. Стала осуществляться относящаяся к началу 1914 года идея ввести пятилетние циклы строительства железных дорог, портов, крупных гидроэлектростанций.

Показательно, что горный инженер Петр Иоахимович Пальчинский, один из главных деятелей ЦВПК, был идеологом плановости государственной экономики и принципиальным противником хищничества монополий. Другими словами, внутри самой промышленной верхушки сталкивались непримиримые тенденции.

Начав борьбу с монополиями, руководители обороны и военной промышленности подчеркивали неэффективность и коррумпированность существующего порядка управления. Соответственно, промышленники и банкиры выступали против усиления государственного контроля. Такой же конфликт интересов наблюдался и в других важнейших отраслях экономики — прежде всего в угледобыче и хлеботорговле. Оппозиция назвала действия правительства «государственным социализмом».

Двадцать второго октября 1916 года Министерство торговли и промышленности получило право контроля за торговлей металлами. Был принят закон о секвестре. 12 декабря царь утвердил решение Совета министров о переводе на государственное управление электрических заводов «Сименс и Гальске», «Сименс-Шукерт», «Всеобщей компании электричества». Под государственное управление также перешел огромный Путиловский завод. «Государственный капитализм» по программе генерала Маниковского набирал обороты.

В конце 1916 года царь распорядился провести сенатскую ревизию всех отсрочек от воинской службы, полученных представителями Земского союза и Союза городов. Это был внятный сигнал оппозиции, что Николай II на соглашение не пойдет. Последствием ревизии стал бы массовый призыв в армию сотен и даже тысяч «земгусар», кадровой опоры Земгора.

Правительство постоянно сокращало финансирование ВПК, не справлявшихся со взятыми заказа-

ми. В противовес очевидным фактам ЦВПК заявлял, что неудачи объясняются чинимыми помехами.

Вместе с тем у правительства были бесспорные успехи, к осени 1916 года военная промышленность добилась впечатляющих результатов. По сравнению с показателями на 1 января 1915 года (100 процентов) производство увеличилось соответственно к 1 января 1916 года и к 1 сентября 1916 года: трехдюймовые орудия: к 1 января — в 3,8 раза и к сентябрю — в 8 раз. 48-линейные гаубицы в январе — в 2 раза, в августе — почти в 4 раза. Снаряды: 42-линейные в январе — в 6,5 раза, к сентябрю — в 7,5 раза.

Как заявил новый министр обороны генерал М. А. Шуваев на заседании Государственной Думы: «Враг сломлен и надломлен, он не справится. Я еще раз говорю: каждый день приближает нас к победе и каждый день приближает его, напротив, к поражению».

Многослойная панорама событий видна из донесений спецслужб. Начальник Петроградского охранного отделения К. И. Глобачев рассказывал о подспудных течениях в ЦВПК, которые выплеснулись на поверхность в конце 1916 и начале 1917 года:

«Комитет, созданный по мысли Гучкова и его товарища Коновалова и набранный из лиц, принадлежавших главным образом к оппозиционным и противоправительственным партиям, естественно, смотрел на это новое дело как на использование его в чисто политических целях. Комитет являлся, так сказать, той легальной возможностью, где можно было совершенно забронированно вести разрушительную работу для расшатывания государственных устоев (...) Когда же в 1916 году были собраны статистические сведения о продуктивности изготовления боевого снаряжения для армии — казенных заводов, частных предприятий и ЦВПК, то оказалось, что главное количество боевого снаряжения производится по заказам правительства на казенных заводах, меньшая часть — частными предприятиями и только 0,4% — по заказам ЦВПК. Вот какова была продуктивность пресловутой общественной организации. (...) Все служебные заседания носили не деловой характер, а скорее являлись политическими совещаниями и митингами. Агенты Комитета и сам председатель постоянно выезжали на фронт для постепенной подготовки оппозиционного настроения среди командного состава, причем Гучков брал на себя главнокомандующих фронтами и командующих армиями (...)

Уже с 1915 года, после первых неудач на войне, Государственная Дума, как я уже говорил, стала революционировать страну, а в 1916 году там образовался определенно революционный центр с молчаливого благословения ее председателя Родзянко. Ежевечерние закрытия заседания небольшой груп-

пы с Керенским и Милюковым во главе уже дирижировали настроениями в столице и вместе с сим во всей России. Этот центр опирался на такие мощные уже к тому времени группировки и организации, как <Прогрессивный блок>, <Союз земств и городов> и ЦВПК, а последняя организация связывала революционный центр через Рабочую группу с рабочими массами и давала ему возможность проводить в этих массах все свои начинания и директивы».

Как видим, развал управления нарастал. Распутин, царскосельский простонародный рупор, вел разговоры о крестьянской монархии и отмене дворянских привилегий, каковых, впрочем, кроме земельных, уже не было. Он заявлял, что монастырские и казенные земли надо разделить между безземельными крестьянами и, в первую очередь, между участниками войны, помещичьи — надо выкупить и распределить среди крестьян. И самое главное — заключить мир на любых условиях; любой мир будет спасительным. Когда же Россия окрепнет, мирные условия можно изменить.

Слухи о речах Распутина вызывали большую обеспокоенность в военных и финансово-промышленных кругах, ЦВПК, Думе, в посольствах союзников: остановка военных действий на российско-германском фронте привела бы к катастрофе Антанты.

Земельные же мечтания были неосуществимы, так как к 1917 году в 27 губерниях Европейской России было заложено в банках 32 млн. десятин частной помещичьей земли на сумму 32 млрд. руб., почти столько же было выдано на кредитование промышленности. На заложенную землю и претендовали крестьяне. Ее конфискация грозила крахом финансовой системе государства (*Осипова Т. В. Классовая борьба в деревне в период подготовки Октябрьской революции. М., 1974. С. 227–243*).

Но о финансовых тонкостях мало кто знал, поэтому призыв отчуждать помещичьи земли тоже воспринимался как приближение последних времен.

Теперь вопрос стоял так: либо имперская власть начнет действовать в духе Петра Великого, либо ее оппоненты «повернут штыки» в ее сторону.

Жизнь Распутина повисла на волоске. Пропаганда против «темных сил» и против императрицы нарастала. При этом никого не интересовало, что император далеко не всегда прислушивался к советам супруги. Когда Александра Федоровна настойчиво просила мужа освободить от призыва в армию единственного сына Распутина, это не возымело желаемого воздействия, молодой человек был призван. Впрочем, на фронт не попал, а оказался в санитарном поезде императрицы, на что решения царя уже не требовалось.

Война серьезно изменила жизнь императрицы, дала глубокое наполнение ее сильной натуре. Алек-

сандра Федоровна вместе со старшими дочерьми прошла фельдшерский курс обучения, как медицинская сестра участвовала в хирургических операциях, организовала санитарный поезд. В Зимнем дворце был размещен опекаемый ею военный госпиталь.

Тем не менее одиннадцать важных кадровых назначений было сделано через нее по просьбе Распутина. Это С. П. Белецкий — директор департамента полиции в 1912–1914 годах, товарищ министра внутренних дел с сентября 1915 по февраль 1916 года; А. Н. Волжин — с июля 1914-го директор департамента общих дел МВД, с сентября 1915 по август 1916-го обер-прокурор Святейшего Синода; Н. А. Добровольский — с 20 декабря 1916 года министр юстиции; князь Н. Д. Жевахов — 15 сентября 1916 года товарищ обер-прокурора Синода; Питирим — экзарх Грузии, архиепископ Самарский, Карталинский и Кахетинский, с 1915 года — митрополит Петроградский и Ладужский; А. Д. Протопопов — с сентября 1916 года министр внутренних дел; Н. П. Раев (сын умершего в 1898 году петербургского митрополита Палладия) — с 1916 года обер-прокурор Синода; А. Н. Хвостов — с ноября 1915 по март 1916-го министр внутренних дел; князь В. Н. Шаховской — с мая 1915 года управляющий Министерством торговли и промышленности; Б. В. Штюмер — с 20 января по 10 ноября 1916 года председатель Совета министров и одновременно с 3 марта по 7 июля министр внутренних дел, с 7 июля по 10 ноября министр иностранных дел; В. Н. Орловский-Танаевский с ноября 1915 года Тобольский губернатор (*Боханов А. Н. Николай II. «Молодая гвардия». М., 1997. С. 315*).

Из всех назначений четыре относились к «силовикам», одно — к должности премьера, четыре — к церковной сфере. Причем одно назначение — А. Д. Протопопова — имело роковые последствия.

Возможно, читатели уже устали от информации о просчетах коронной администрации и о патриотической деятельности оппозиции? Однако если посмотреть с морально-этической стороны, то оказывается далеко не все так приземленно. Например, на балансе Министерства двора висел ненужный груз — около 700 лошадей и обслуживающего персонала в царских конюшнях. Император ездил в автомобиле, зачем ему столько лошадей? Но он не согласился урезать расходы, было жалко увольнять работников, оставлять их семьи без дохода.

Принципы царя можно описать в этических принципах Великой Ясы Чингисхана, которые совпадают с взглядами «Простонародной Руси»: духовное выше материального; общее выше частного; справедливость выше закона; служение выше владения; власть выше собственности.

А «грешники» были разные, в основном культурные, образованные, патриотичные. И среди них —

масоны. Масонством была пронизана вся верхушка, действовало несколько масонских лож, в том числе дочерних с «Великим Востоком Франции».

Показательно, что «Великий Восток» еще в 1877 году отменил в своей конституции требование о необходимости для своих членов веры в Высшую Сущность и бессмертие души, посчитав это личным делом каждого. Масоны были идейными либералами, выступали за «свободомыслие и толерантность к различным проявлениям человеческого духа»; монархические принципы были им чужды. Соответственно, русский монарх, помазанник Божий, не вписывался в их политическое мировоззрение.

«Незадолго до Февральской революции, — отмечал Н. В. Некрасов в своих показаниях в НКВД СССР от 13 июля 1939 года, — начались и росли связи с военными кругами. Была нащупана группа оппозиционных царскому правительству генералов и офицеров, сплотившихся вокруг А. И. Гучкова (Крымов, Маниковский и ряд других) — и с нею завязалась организационная связь». Готовилась и специальная группа в селе Медведь, где стояли запасные воинские части. Она-то, судя по всему, должна была сыграть решающую роль в аресте царя.

Французская военная разведка тоже отслеживала уровень оппозиционности в Петрограде. Ее сотрудник, капитан де Малейси, отмечал: «Лидером искусно и давно подготовленного заговора был Гучков, поддержанный Техническими комитетами (ВПК) при содействии вел. кн. Николая Николаевича, охотно согласившегося на проникновение таких организаций в армию для ее снабжения. Менее открыто, но эффективно действовал ген. Алексеев по договоренности с большинством генералов, в том числе с Рузским и Брусиловым, не говоря о других, также предоставивших этим комитетам возможность проведения необходимой пропаганды в частях под их командованием. Алексеев уже давно контактировал с Гучковым, втайне содействуя всем своим авторитетом в армии ходу последующих событий. К тому же революция была осуществлена не самими революционерами, а монархистами, желавшими лишь отречения самодержца с установлением либеральной опеки при одном из великих князей в качестве регента» (*Революция глазами Второго бюро. «Свободная мысль», № 9, 1997*).

Согласно рапорту начальника Петроградского охранного отделения К. И. Глобачева Департаменту полиции МВД, существовали два революционных заговора. Первый находился в Москве, его состав был чисто буржуазным, объединяющимся вокруг Земского и Городского союзов (Земгора) и ЦВПК. Это были князь Г. Е. Львов, М. В. Челноков, А. И. Коновалов, П. П. Рябушинский и депутат Думы, член Прогрессивного блока, инженер-путеец, представи-

тель Всероссийского профсоюза железнодорожников (Викжель) А. А. Бубликов.

Второй заговор составляли социалисты — А. Ф. Керенский, Н. С. Чхеидзе, М. И. Скобелев. Оба центра были взаимосвязаны, первый действовал в верхах общества и армии и финансировал вторую организацию, а социалисты работали в казармах и на заводах. Земгор и ЦВПК финансировали социалистов и планировали в нужный момент их отодвинуть, а те принимали деньги, но собирались обыграть «капиталистов».

Связь между ними проходила через масонские ложи, в которых к 1917 году состояло 300–350 членов. Руководили русским политическим масонством пять человек: Н. В. Некрасов (связь с либеральной оппозицией), А. Ф. Керенский (связь с социалистами), М. И. Терещенко (работа с военными), А. И. Коновалов и И. Н. Ефремов (торгово-промышленные круги).

Надо учесть и огромное влияние творческих, культурных, научных кругов. «Проводниками масонского влияния в России накануне революции были: Религиозно-философское общество во главе с А. А. Каменской, Русское Антропософское общество (председатель Е. В. Васильева), Лига прав человека (председатель Яков Рубинштейн), Общество сближения между Россией и Америкой во главе Н. А. Бородиным и другие организации либерального и пацифистского толка. Наряду с творческой и научной интеллигенцией (З. Н. Гиппиус, Марк Алданов, Д. С. Мережковский, Б. В. Савинков, В. И. Немирович-Данченко, М. Волошин, академики В. И. Вернадский, С. Ф. Ольденбург, профессора Д. Д. Гримм, Е. В. Аничков, П. Б. Струве, С. П. Костычев, М. А. Таубе, А. В. Карташев, П. Е. Щеголев, широко были представлены в русском масонстве и торгово-промышленные круги: А. И. Гучков, Павел Бурышкин, А. И. Коновалов, М. И. Терещенко, Павел Штейнгель, Степан Морозов, Абрам Животовский, Карл Ярошинский, Алексей Путилов, П. П. Рябушинский и другие.

Практически полностью в масонских руках накануне революции находились и общественные структуры русской буржуазии: Земский и Городской союзы, объединившиеся в организацию — Союз земств и городов (Земгор) во главе с Г. Е. Львовым. Формально организация эта занималась налаживанием производства обмундирования, амуниции, медикаментов и теплых вещей для фронта. Фактически же она стала играть роль одного из центров оппозиции власти. Особенно сильным было масонское влияние в Военно-промышленном комитете, занимавшемся распределением военных заказов среди предприятий России. Ведущую роль в комитете играли А. И. Коновалов, П. П. Рябушинский, С. Н. Третьяков, М. И. Терещенко.

П. Н. Милуков, не называя масонов масонами, в своих мемуарах назвал будущих руководителей Временного правительства А. Ф. Керенского, Н. В. Некрасова и М. И. Терещенко «близкими «к конспиративным кружкам, готовившим революцию» (*Милуков П. Н. История второй русской революции. Составитель, автор комментариев А. В. Репников. М., 2001. С. 45*).

Великий князь Александр Михайлович по-своему, почти как социолог, объяснил перемены в настроения культурного общества. Масоны? Вовсе нет! «Это быстрое трестирование страны, далеко опередившее ее промышленное развитие, положило на бирже начало спекулятивной горячке. Во время переписи населения Петербурга, устроенной в 1913 году, около 40 000 жителей обоего пола были зарегистрированы в качестве биржевых маклеров. Адвокаты, врачи, педагоги, журналисты и инженеры были недовольны своими профессиями. Казалось позором трудиться, чтобы зарабатывать копейки, когда открывалась полная возможность зарабатывать десятки тысяч рублей посредством покупки двухсот акций «Никополь-Мариупольского металлургического общества».

«Достаточно ярко такое настроение охарактеризовывает нам октябрьская записка (1916 г.) Петроградского жандармского управления: «Безудержная вакханалия мародерства и хищений различного рода темных дельцов в разнообразных областях торгово-промышленной и общественно-политической жизни страны, бессистемные и взаимопротиворечивые распоряжения представителей местной администрации, недобросовестность низших агентов власти на местах; и, как следствие всего вышеизложенного, неравномерное распределение продуктов питания и предметов первой необходимости, прогрессирующая дороговизна и отсутствие источников и средств питания у голодающего в настоящее время населения столицы и крупных общественных центров — все это... определенно и категорически указывает на то, что грозный кризис уже назрел и неизбежно должен разразиться в ту или иную сторону».

Записка констатирует, что «экономическое положение массы, несмотря на огромное увеличение заработной платы, более чем ужасно. В то время как заработная плата у массы поднялась всего на 50% и лишь у некоторых категорий на 100–200%, цена на все продукты возросла на 100–500%» (*Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту. М., 2003. С. 39*).

Угрозы быстро накапливались. В воскресенье 5 ноября 1916 года посол Франции встретился в Мариинском театре в ложе министра двора с «генералом В.», который по долгу службы находился «в ежедневном контакте с петроградским гарнизоном». Судя по всему, это был генерал-майор свиты Владимир Николаевич Воейков — дворцовый комендант,

зять министра императорского двора В. Б. Фредерикса, председатель Российского Олимпийского комитета. Генерал откровенно сообщил, что петроградский ганизон «нехорош». В столице и окрестностях было расквартировано не меньше 170 000 человек в запасных частях. Они пребывали в страшной тесноте, безделье, боялись отправки на фронт. Генерал сказал, что следует оставить тысяч сорок человек «из лучших элементов гвардии и 20 000 казаков». Только тогда можно будет «парировать все события». Палеолог закончил эту дневниковую запись впечатляюще и тревожно: «Он останавливается, губы его дрожат, лицо очень взволнованно. Я дружески настаиваю, чтобы он продолжал. Он сурово продолжает: «Если Бог не избавит нас от революции, ее произведет не народ, а армия».

Повторим: это говорил генерал, ответственный за безопасность императора.

Размещенные в Петрограде так называемые запасные батальоны по численности вчетверо-впятеро превосходили обычные пехотные полки и состояли из 10 000—20 000 человек, в основном рабочих с городских заводов, «полумужиков». Офицеров катастрофически не хватало. Так, в запасном батальоне Измайловского полка на восемь тысяч солдат было всего семь офицеров, которые просто физически не могли поддерживать дисциплину и проводить обучение. Это была мина замедленного действия, батальоны разлагались, и не было реальной возможности что-либо исправить. Что касается офицеров и унтер-офицеров, то большинство кадровых за годы войны были выбиты, а «офицеры военного времени» в большинстве своем были слабы в профессиональном отношении, недисциплинированы, напичканы кадетской пропагандой.

Здесь уместно вспомнить о характерном анекдоте, который рассказывает знаток русской души Достоевский: русский офицер, прислушиваясь к атеистическим речам, спрашивает в состоянии глубочайшего внутреннего сомнения: «Но если нет Бога, как я могу оставаться майором?» (*Франк С. Л. Русское мировоззрение. Духовные основы общества. Рес-публика. 1992. М., С. 492*).

Настроения общественных кругов не могли не отражаться и в Ставке.

Из Думы сигнал быстро дошел до фронта. Генерал Деникин: «Между тем борьба Государственной Думы (Прогрессивного блока) с правительством, находившая несомненно сочувствие у Алексеева и у командного состава, принимала все более резкие формы. Запрещенный для печати отчет о заседании 1 ноября 1916 года, с историческими речами Шульгина, Милюкова и др., в рукописном виде распространен был повсеместно в армии. Настроение настолько созрело, что подобные рукописи не таились

уже под спудом, а читались и резко обсуждались в офицерских собраниях.

— Я был крайне поражен, — говорил мне один видный социалист и деятель Городского союза, побывав впервые в армии в 1916 году, — с какой свободой всюду, в воинских частях, в офицерских собраниях, в присутствии командиров, в штабах и т. д., говорят о негодности правительства, о придворной грязи. Это в нашей стране — «Слова и Дела»!.. Вначале мне казалось, что меня просто провоцируют...»

Генералы уже были настроены на волну Прогрессивного блока.

В письме Гучкова генералу Алексееву от 15 августа 1916 года мы читаем: «Ведь в тылу идет полный развал, ведь область гниет на корню. Ведь как ни хорошо теперь на фронте, но гниющий тыл грозит еще раз, как было год тому назад, затянуть и Ваш доблестный фронт, и Вашу талантливую стратегию, да и всю страну, в то невылазное болото, из которого мы когда-то выкарабкались со смертельной опасностью (...)

Мы в тылу бессильны или почти бессильны бороться с этим злом. Наши способы борьбы обоюдоострые и при повышенном настроении народных масс, особенно рабочих масс, могут послужить первой искрой пожара, размеры которого никто не может ни предвидеть, ни локализовать. Я уже не говорю, что нас ждет после войны — надвигается потоп, а жалкая, дрянная, слякотная власть готовится встретить этот катаклизм мерами, которыми ограждают себя от проливного дождя: надевают галоши и раскрывают зонтик...» (*Головин Н. Н. Наука о войне. Сост. И. А. Вершинина. М., 2008. С. 732—733*).

Вместе с тем армия сорвала стратегическое наступление противника и избежала окружения, благополучно выйдя из «польского мешка» летом 1915 года, когда на нее был направлен главный удар. Фронт замер вдали от жизненных центров страны. Армия удерживала Ригу, Двинск, Минск, остановила противника на Волыни и в Восточной Галиции. Сколько-нибудь реальной угрозы Петрограду, Киеву, Одессе, не говоря уже о Москве, не было. Наступление летом 1916 года (Брусиловский прорыв) и успехи Кавказского фронта возродили веру в победу. Обреченная драться на двух фронтах, Германия с каждым днем приближалась к поражению. На весну 1917 года планировалось широкое наступление всех сухопутных сил Антанты и вступление в войну Соединенных Штатов. Зная все это, император спокойно глядел на действия внутренней оппозиции.

Несмотря на достижения военной промышленности, перекрывшие горькие нехватки 1915 года, настроение генералов катилось под горку словно по инерции. В их головах переключили какой-то важный рычажок, и теперь уже острее всего их задевали

в первую очередь слухи о Царском Селе, о Распутине, о «безвольном» царе.

После неудачной попытки разгромить российскую армию в 1915 году, словно услышав Распутина, в Германии обнаружилась тяга к сепаратному миру. Соответствующий зондаж шел через нейтральные страны, в том числе Данию, Голландию, Испанию, Швецию. В датских и шведских газетах прошла волна пацифистских публикаций. Английская и французская разведки наблюдали за российскими посольствами с повышенным интересом, едва ли не большим, чем за германскими и австрийскими. Если Россия вышла бы из войны, победа Германии была бы гарантирована.

И вот Европу посетила многопартийная делегация депутатов Государственной Думы, которую возглавлял товарищ (заместитель) председателя ГД, октябрист Александр Дмитриевич Протопопов. В составе делегации был и П. Н. Милюков, который в Лондоне имел встречи на высшем уровне, даже с королем.

Возвращались депутаты через Стокгольм. Там и случилось событие, вначале никого особенно не заинтересовавшее, но потом давшее толчок к сходу гигантского оползня. Дело было так. Находившийся в Стокгольме бывший сотрудник Витте, ныне газетный публицист И. И. Колышко, близко знакомый А. Д. Протопопова, свел последнего с Варбургом, гамбургским банкиром (партнером российских Гинцбургов) и советником германского посла Люциуса по банковским делам. На встрече в «Роял-отеле» разговаривали о возможности сепаратного мира. Варбург не сказал ничего нового, что ранее не доводилось до российских официальных и неофициальных лиц. Предыдущие зондажи заканчивались, как только из Берлина предлагали Петрограду послать серьезный сигнал о готовности к переговорам. Никакого сигнала никто не посылал, а разговоры Распутина и его сторонников оставались разговорами. Сейчас же перед Варбургом сидел один из высших чинов русского парламента!

Определенное значение имело и то обстоятельство, что российское Министерство финансов получало кредиты от некоторых итальянских и шведских банков под гарантии «со стороны российских коммерческих банков» (*Эпштейн Е. М. Российские коммерческие банки. Роль в экономическом развитии России и их национализация. М., 2011. С. 92*).

Кстати будет вспомнить замечание депутата Думы минского священника Константина Марковича Околовича: «Все хозяйство страны — под надзором, а банки — не под надзором».

В стокгольмских переговорах Протопопова, окутанных ужасными предположениями о сепаратизме, была одна не разгаданная современниками тайна,

которая вела к стратегическим интересам США и одновременно базировалась на стремлении российского правительства вырваться из-под финансового давления британцев. Лондон к тому времени уже был в больших долгах перед Уолл-стрит, так что американцы в духе своей стратеми о «коммерческой войне» намеревались вытеснить англичан из России и занять их место. При этом партнеры русских по Антанте тоже были настроены весьма прагматично. На экономической конференции союзников в Париже в июне 1916 года Англия и Франция, помимо планов экономического «освоения» побеждаемой Германии, также дальновидно обсуждали юридические основы своей будущей финансовой гегемонии в России (*Ганелин Р. Ш. Царизм, буржуазия и американский капитал. Ганелин Р. Ш. В России двадцатого века. «Новый хронограф». Новосибирск, 2015. С. 339*).

Однако и за океаном не дремали. У Фрица Варбурга был прямой контакт с американцами, его брат Пауль был женат на дочери американского банкира Леба, совладельца крупной американской финансовой группы «Кун, Леб и К°». В мемуарах устроителя встречи шведско-американского банкира Олафа Ашберга говорится, что основной темой беседы с Протопоповым был не сепаратный мир, а русско-американские финансовые перспективы. Дело в том, что Петроград тоже хотел выйти из-под финансового контроля Лондона, чтобы развязать себе руки для более свободного планирования ближайшего будущего, не исключавшего, впрочем, и гипотетического мира с немцами. Получив американский кредит, Россия значительно укрепила бы не только рубль, но и свои позиции в Лондоне и Париже, сыграв на англо-американской конкуренции.

Накануне Февральского переворота (2 января 1917 года) в Петрограде было открыто отделение американского «Нейшнл Сити-банка» («National City Bank of New York»), и первым клиентом стал киевский миллионер, член ВВНР, будущий министр Временного правительства М. И. Терещенко, получивший бланковый (необеспеченный) кредит в 100 тыс. долларов (сегодня это примерно 9 млн. долларов). Показательно, что американская компания «Стандарт ойл» (действовала с помощью этого же банка) была крайне заинтересована в проникновении в российскую нефтедобывающую промышленность, но сдерживалась российским правительством. После окончания мировой войны Крейн входил в делегацию США на Парижской мирной конференции и затем контролировал передел границ Турции, имея в виду и перераспределение ближневосточных нефтяных месторождений.

За месяц до вступления США в войну (7 апреля 1917 года) правление «Стандарт ойл» приняло про-

грамму расширения своих месторождений: «знать, что делается на всех шельфах за границей в смысле разведочных работ и передачи собственности»; «находиться в поле зрения каждого владельца собственности, который может захотеть продать ее или отдать в аренду»; «собирать данные относительно будущих районов нефтяного производства на земном шаре и проявлять интерес к наиболее перспективным из них». Ближний и Средний Восток, Кавказ, Средиземноморье и Балканы — вот первейшие границы этой программы.

В марте 1917 года «сторонник освобождающихся народностей» (по определению Милюкова) уже известный нам Чарльз Крейн, на сей раз покровительствовавший Л. Д. Троцкому, вместе с ним одним паромом выехал в Россию. Именно Крейн убедил председателя Чешского национального комитета Т. Г. Масарика поддержать антисоветский мятеж Чехословацкого корпуса. В 1917 году, сразу после Февраля, сенатор, бывший государственный секретарь США Элиу Рут был отправлен в Россию со специальной миссией, в составе которой были генералы, банкиры, промышленники; членом миссии стал и Крейн. Полковник Хаус писал Вильсону, давая косвенную оценку деятельности Крейна: «Нынешние события в России произошли во многом благодаря Вашему влиянию». Что имелось в виду? Политическое влияние? Массонские связи? Финансирование? Что касается финансирования уличных беспорядков, то об этом — в следующих главах. (И справочно: «В начале лета 1917 года американская миссия Стивенса, прибывшая в Россию, добивалась контроля над всеми главными железнодорожными магистралями страны, и в первую очередь над железной дорогой, связывающей Владивосток с жизненными центрами европейской части России. Были подготовлены соответствующие договоры, предоставляющие американским монополиям многочисленных концессий на добычу нефти, угля, железной руды в различных российских регионах» (*Громыко А. А. Внешняя экспансия капитала: история и современность. М., 1982. С. 72*).

Но вернемся в Стокгольм. У английской разведки были все основания оценить фигуру Протопопова как опасную. В общем, там разыгрывалась финансово-политическая комбинация, которая на первых порах обернулась публичным скандалом в Петрограде, а через много лет, в конце 1920-х годов завершилась настоящей финансовой войной США и Великобритании.

Однако для думской оппозиции и британского посольства в Петрограде ситуация прочитывалась как опасная.

Вернувшись домой, Протопопов, не понимая, что играет с огнем, разболтал информацию о встрече

с немцем, придав себе вид вершителя судеб человечества. Вскоре Милюков, то ли получив рекомендацию из британского посольства, то ли по собственному почину, поднял тревогу. Сам он признался: «Естественно, что вызов Протопопова к царю тотчас по возвращении из-за границы и ласковый прием в Ставке вызвали усиленный интерес к его беседе с Варбургом в Стокгольме».

Шестнадцатого сентября 1916 года произошло событие, которое в ряду других особо не выделялось, но вскоре возымело печальное последствие. А. Д. Протопопов, заместитель председателя Государственной Думы, октябрист, крупный землевладелец, владелец завода и предводитель дворянства Симбирской губернии, был назначен управляющим Министерством внутренних дел. Кроме того, он был членом Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом и председателем Совета съездов представителей металлургической промышленности, — словом, вполне обуржуазившимся дворянином.

Принято считать, что его назначению содействовал Распутин и поддержала Александра Федоровна. Это правда, но не вся. Императрице рекомендовали Протопопова всего за девять дней до его назначения, и она сразу поняла, что возможное назначение разрушит единство оппозиции. Император предполагал, что Протопопов как депутат ГД сможет уменьшить враждебность большинства Думы. Он объяснял дворцовому коменданту Воейкову, что в назначении руководствовался тремя причинами: троекратной просьбой о назначении со стороны председателя ГД М. В. Родзянко, благодарственным письмом английского короля, в котором руководитель думской делегации характеризовался как «обладающий большой государственной мудростью», и рекомендацией министра иностранных дел С. Д. Сазонова, который просил царя «поближе познакомиться и довериться Протопопову как человеку, весьма подходящему для занятия ответственной государственной должности».

На первых порах назначение восприняли в Таврическом дворце обнадеживающим сигналом. Перемена в настроениях произошла чуть позднее, как будто кто-то нажал на невидимую кнопку. Боек соскочил с предохранителя, призрак сепаратного мира стал медленно окутывать Царское Село, а там и весь Петроград. Теперь назначение Протопопова оценивалось как коварная игра Царского Села с целью расколоть оппозицию, новый министр стал персонай нон грата. Без опоры на думцев, не будучи профессионалом в делах МВД, он стал посмешищем «с разжиженными мозгами».

Генерал А. И. Спиридович заметил, что «наступление на правительство началось с осени, после

возвращения из заграницы депутации Государственной Думы и Государственного Совета». Стали широко распространяться слухи, что «Царица по своим симпатиям чистейшая немка и работает на Вильгельма. Клеветали, что с целью подчинения Государя влиянию Царицы его опаивают каким-то дурманом, что расслабляет ум и волю Государя. Клеветали, что Распутин состоит в интимных отношениях с Царицей.

А. Ф. Керенский на общем собрании присяжных поверенных Петрограда в пылу полемики заявил, что «революция может удасться только сейчас, во время войны, когда народ вооружен, и момент может быть упущен навсег (…)) Капитал стремился к власти. Победа русской армии ему была страшна, так как она лишь укрепила бы самодержавие, против которого они боролись, правда, тайно, лицемерно» (*Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция 1914–1917 гг.*).

Протопопов был принесен в жертву своими коллегами ради светлых идеалов революции. Но разве главное в нашей истории судьба несчастного Протопопова? Главное в том, что этот руководитель государственной безопасности оказался никудышним защитником империи. Выбор императора был ужасной ошибкой.

Глава восемнадцатая. Заговор генералов.

В записках генерала Спиридовича есть сведения, что в октябре 1916 года в Петрограде была встреча, в которой участвовали П. Н. Миллюков, М. М. Федоров, А. И. Гучков, М. И. Терещенко, С. И. Шидловский «и еще несколько человек». «Было решено, что Император Николай II не может более царствовать. Необходимо добиться его отречения. Почти все высказались, что отречение должно быть «добровольным». Престол должен перейти к законному наследнику Алексею Николаевичу, а, по его малолетству, надо учредить регентский совет во главе с Вел. Кн. Михаилом Александровичем». (*Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция 1914–1917. Всеславянское издательство. Нью-Йорк, 1960.*)

У Гучкова был другой план. После Февраля, давая показания Чрезвычайной следственной комиссии, он сообщил: «План заключался в том (я только имен не буду называть), чтобы захватить по дороге между Ставкой и Царским Селом императорский поезд, вынудить отречение, затем, при посредстве воинских частей, одновременно, на которых здесь, в Петрограде можно было рассчитывать, арестовать существующее правительство и затем уже объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят собою правительство».

Читатель засомневается: «Захватить императора? Разве это возможно?»

Но то, что вчера было немыслимым, сегодня воспринималось как обсуждаемая проблема. Генерал-адъютант Алексеев во время пребывания Александры Федоровны в Ставке демонстративно отказывался «от приглашений к высочайшему столу». Начальник штаба Верховного Главнокомандующего, правая рука монарха, как обидчивая барышня, позволял себе такие выходки. И это сходило ему с рук. Верховный Главнокомандующий предпочитал объяснять это загруженностью ближайшего помощника.

Дворцовый комендант Воейков так не считал. Но не мог же он силком тащить генерала за стол? Он уже знал, что есть очаги «революционного брожения»: Государственная Дума во главе с председателем Родзянко, Земский союз с князем Львовым, ЦВПК с Гучковым и Ставка с генералом Алексеевым, «нанесшая самый сильный удар по монархическому строю».

Первого ноября 1916 года был дан «штурмовой сигнал» к атаке на правительство и императрицу. На пленарном заседании Государственной Думы прозвучало несколько речей, которые свидетельствовали об объявлении войны режиму. В воспоминаниях Миллюкова говорится: «Перед самым открытием Думы 1 ноября председатель Думы получил от собрания председателей губернских земских управ и от главноуполномоченного Союза городов обращения к Думе, подписанные Львовым и Челноковым. Кн. Львов писал, что собравшиеся «пришли к единодушному убеждению, что стоящее у власти правительство, открыто подозреваемое в зависимости от темных и враждебных России влияний, не может управлять страной и ведет ее по пути гибели и позора, и единогласно уполномочили его довести до сведения членов Государственной Думы, что в решительной борьбе Государственной Думы за создание правительства, способного объединить все живые народные силы и вести нашу родину к победе, земская Россия будет стоять заодно с народным представительством». В мотивах говорилось о «зловещих слухах о предательстве и измене», о «подготовке почвы для позорного мира», о необходимости «неуклонного продолжения войны до конечной победы». В обращении Городского союза повторялись те же мотивы с присоединением обвинения в «преступной медленности, проявленной в польском вопросе», и Дума уведомлялась, что «наступил решительный час — промедление недопустимо, должны быть напряжены все усилия к созданию наконец такого правительства, которое, в единении с народом, доведет страну к победе». (*Миллюков П. Н. Воспоминания. С. 444–445.*)

П. Н. Милюков нанес удар: «Когда с большой настойчивостью Дума напоминает, что надо организовать тыл для успешной работы, а власть продолжает твердить, что организовать страну — значит организовать революцию, и сознательно предпочитает хаос и дезорганизацию, что это: глупость или измена? (...) Но все частные причины сводятся к этой одной общей: к злонамеренности и неспособности данного состава правительства. Это наше главное зло, победа над которым будет равносильна выигрышу всей кампании».

Милюковская речь стала убийцей монархии. Генерал Спиридович писал: «Делая вид, что у него имеются какие-то документы, Милюков резко нападал на правительство и особенно на премьера Штюрмера, оперируя выдержками из немецких газет. Он упоминал имена Протопопова, митрополита Питирима, Манасевича-Мануйлова и Распутина и назвал их придворной партией, благодаря победе которой и был назначен Штюрмер и которая группируется «вокруг молодой царицы».

Милюков заявлял, что от английского посла Бьюкенена он выслушал «тяжеловесное обвинение против того же круга лиц в желании подготовить путь к сепаратному миру».

Перечисляя ошибки правительства, Милюков неоднократно вопрошал аудиторию: «Глупость это или измена?» — и сам, в конце концов, ответил: «Нет, господа, воля ваша, уже слишком много глупости. Как будто трудно объяснить все это только глупостью».

Дума рукоплескала. Милюков, конечно, понимал, чего стоят во время войны утверждения немецкой газеты, на которую он ссылался. Он знал, что никаких данных на измену кого-либо из упоминавшихся им лиц нет. Он клеветал намеренно. И эта клевета имела колоссальный успех. Вычеркнутые из официального отчета слова Милюкова были восстановлены в нелегальных изданиях его речи. Листки с полной речью распространялись повсюду (*Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция 1914–1917 гг.*).

На речь Милюкова пришел отклик из Москвы: «Торгово-промышленная Москва заявляет Государственной Думе, что она душой и сердцем с нею». Оно было подписано представителями Биржевого комитета, Купеческой управы, комитетов — Хлебной биржи, Мясной биржи и Биржи пищевых продуктов.

А. И. Гучков говорил: «Он потряс основы, но не думал свалить их, а думал повлиять. Он думал, что это прежде всего потрясет мораль там, наверху, и там осознают, что необходима смена людей. Борьба шла не за режим, а за исполнительную власть. Я убежден, что какая-нибудь комбинация с Кривошеиным, Игнатьевым, Сазоновым вполне удовлетворила бы.

Я мало участвовал в этих прениях, не возражал, а только сказал одну фразу, которая послужила исходной нитью для некоторых дальнейших шагов и событий: мне кажется, мы ошибаемся, господа, когда предполагаем, что какие-то одни силы выполнят революционное действие, а какие-то другие силы будут призваны для создания новой власти. Я боюсь, что те, которые будут делать революцию, те станут во главе этой революции. Вот эта фраза, которая не означала призыва присоединиться к революции, а только указывала, что из этих двух возможностей, о которых мы говорили (возможность, так сказать, катастрофы власти под влиянием революционного напора, призыва государственных элементов), я видел только вторую. Я был убежден, что, если свалится власть, улица и будет управлять, тогда произойдет провал власти, России, фронта».

Другими словами, Гучков предложил подумать об организации дворцового переворота, предотвратив революционный взрыв низов.

А. И. Спиридович вспоминал, что после думских речей «все читали об измене, о подготовке сепаратного мира и верили». То есть «штормовой сигнал» дошел до широких масс. Но министр А. Д. Протопопов заявлял, что держит ситуацию под контролем и «скрутит революцию».

Восемнадцатого октября британский посол Дж. Бьюкенен посетил Ставку Верховного Главнокомандующего в Могилеве, где вручил царю Большой рыцарский крест ордена Бани. Посол посоветовал ему принять идею японцев — в обмен на северную часть острова Сахалин они могут направить на германский фронт японский воинский контингент.

«Император сразу же сказал, что это абсолютно исключено и он не может уступить ни пяди русской земли. Я осмелился напомнить его величеству знаменитое высказывание Генриха IV: «Париж стоит мессы», — но безрезультатно» (*Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. Пер. с англ. М., 1991. С. 178*).

Насколько царь был раздражен, видно из того, что на завтрак в присутствии Бьюкенена он не надел знаков Ордена Бани «и не произнес, как это принято в таких случаях, тост за здоровье короля».

Следующая встреча царя и посла произошла на обеде в честь покидающего Россию японского посла виконта Мотоно. Бьюкенен, рискуя вызвать гнев, счел возможным заговорить о внутреннем положении России: «В дальнейшей беседе я указал на распространившееся по всей стране глубокое недовольство, вызванное нехваткой продовольствия, и беспорядки, уже имевшие место в Петрограде. Министр путей сообщения (А. Ф. Трепов, преемник премьер-министра Б. В. Штюрмера, не сумевшего найти общий язык с ГД. — *С.Р.*), заметил я, недавно

говорил мне, что левые партии пытаются воспользоваться сложившейся ситуацией, чтобы добиться от правительства политических уступок, но, как бы я ни уважал и ни ценил господина Трепова, я не могу согласиться с его точкой зрения по данному вопросу. Это не политический вопрос в строгом смысле этого слова и не движение в сторону конституционной реформы.

Я выразил надежду, что власти не будут прибегать к репрессивным мерам, поскольку недовольство вызвано сознанием того, что в такой богатой природными ресурсами стране, как Россия, трудящиеся не могут получить предметов первой необходимости из-за некомпетентности администрации. Я также не мог скрыть от его величества того, что, по донесениям наших консулов, крестьянство, всегда считавшее своего императора непогрешимым, утрачивает веру в него и что самодержавие лишается опоры из-за недобросовестности его министров» (*Бьюкенен Дж. Там же. С. 180–181*).

Это была речь не посла союзного государства, а прокуратора Римской империи. Император едва сдержался.

Правые круги тоже охватывала тревога при виде непонятных попыток коронной власти усидеть сразу на двух стульях, либеральном и консервативном. Они все еще надеялись исправить положение. В ноябре 1916 года Николаю II было передано письмо, которое впоследствии было названо «Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова». В письме содержались рекомендации по предотвращению революции. Среди его авторов называют как самого Римского-Корсакова, так и белгородского помещика, члена Государственного Совета М. Я. Говорухо-Отрока).

Александр Александрович Римский-Корсаков был членом Государственного Совета, председателем Комитета монархических организаций по устройству празднования 300-летия Дома Романовых, одним из основателей «Российского общества попечения о беженцах православного вероисповедания».

В январе 1917 года при участии Говорухо-Отрока была составлена и передана императору Николаю II еще одна «Записка», рекомендовавшая совершить переворот в духе 3 июня 1907 года, изменить закон о Государственной Думе и выборах в нее и ввести в стране военное положение. Обстановка в стране описывалась как вступление Думы «на явно революционный путь» «при поддержке так называемых общественных организаций» «в сторону государственного, а весьма вероятно, и династического переворота».

Предлагалось: назначить на высшие государственные посты абсолютно надежных людей, «спо-

собных решительно и без колебаний на борьбу с наступающим мятежом и анархией»; «Государственная Дума должна быть немедленно распущена»; «в обеих столицах, а равно в больших городах, где возможно ожидать особенно острых выступлений революционной толпы, должно быть тотчас же фактически введено военное положение (а если нужно, то и осадное) со всеми его последствиями до полевых судов включительно»; военные части в этих городах «должны быть заблаговременно снабжены пулеметами и соответствующей артиллерией»; «закрываются все органы левой и революционной печати и приняты все меры к усилению правых газет»; всем ответственным руководителям должно быть предоставлено право отстранения от должности неблагонадежных лиц, «кои оказались бы участниками антиправительственных выступлений либо проявили в сем отношении слабость или растерянность»; «вся военная промышленность должна быть милитаризована»; в главные комитеты Союзов земств и городов и их подразделения, «отделы, а равно во все Военно-промышленные комитеты и во все содержимые сими учреждения заведения, мастерские, лазареты, поезда и проч. должны быть назначены в тылу правительственные комиссары, а на фронт коменданты из эвакуированных офицеров для наблюдения за расходованием отпускаемых казною сумм и для совершенного пресечения революционной пропаганды»; из Государственного Совета должны быть удалены все участники «так называемого Прогрессивного блока». К Записке следовало пояснение. В нем не без иронии говорилось, что надо срочно действовать в указанном направлении «либо положиться на волю Божию и спокойно ожидать государственной катастрофы».

Эту Записку передал царю вскоре назначенный премьером вместо испросившего отставки А. Ф. Трепова (пробыл на посту полтора месяца) князь Н. Д. Голицын. Напрасно защитники режима ждали ответа, его не последовало.

Двенадцатого декабря из Берлина пришло неожиданное известие: все страны Четвертного союза предлагают заключить мир.

В тот же день, находясь в Ставке, император отдал приказ по всем войскам вести войну до победного конца, назвав целями завоевание Константинополя и Проливов.

В ночь с 16 на 17 ноября 1916 года начался скрытый государственный переворот. При участии членов царской семьи во дворце Феликса Юсупова Распутин был убит — князем Феликсом Юсуповым (женат на племяннице императора), депутатом ГД, правым националистом В. М. Пуришкевичем, великим князем Дмитрием Павловичем (племянник царя) и английским разведчиком Освальдом Рейне-

ром. Именно британец произвел контрольный выстрел в лоб Распутина из английского армейского револьвера.

Теперь британский посол Джордж Бьюкенен мог спать спокойно — опасный сепаратист был устранен.

Приехавший в столицу с фронта генерал А. М. Крымов без обиняков говорил членам Прогрессивного блока, что в армии «все с радостью будут приветствовать известия о перевороте».

Итак, каких еще доказательств не хватало правительству, чтобы ввести военное (осадное) положение и провести аресты, высылки и прочие специальные меры для защиты государственного порядка? Элита замерла в страшной тревоге.

Протопопов тоже предложил ввести в столицу гвардейскую дивизию, а также ограничить финансирование ЦВПК.

Следствие быстро установило убийц Григория Распутина и поставило императорскую семью перед трудным выбором. Из перлюстрированной переписки и телеграмм полиция выяснила, что многие члены семьи Романовых поддержали убийц, и среди них — сестра императрицы великая княгиня Елизавета Федоровна, вдова убитого эсерами великого князя Сергея Александровича, дяди царя; именно она была воспитателем великого князя Дмитрия Павловича. Что было делать? Суд над убийцами из царского дома стал бы еще одним ударом по режиму.

Никакого суда не состоялось. Великий князь Дмитрий Павлович был выслан на Кавказ, князь Юсупов — в свое имение, а депутат ГД Пуришкевич отбыл в своем санитарном поезде на фронт.

Казалось, все вокруг императора взывало к нему: прими вызов, соберись с силами, дай отпор!

Нет, он верил, что православные люди ради политических интриг не посмеют вредить России.

С точки зрения охраны, положение в столице усугублялось тем, что казармы гвардейских полков в городе были заняты новобранцами из запасных батальонов (около 200 тыс. человек), обитавших в страшной тесноте (нары в три-четыре уровня) и, главное, не желавших отправления на фронт. Предложение Николая II перевести в Петроград 1-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию не было выполнено под предлогом, что из-за отсутствия помещений ее негде разместить. Наличествующих в городе сил полиции и казаков было всего 10 тыс. человек.

Двадцать пятого декабря был назначен новый председатель правительства, 66-летний князь Николай Дмитриевич Голицын. Он был председателем Комитета по оказанию помощи русским военнопленным, членом Государственного Совета, где входил в группу правых, ранее был архангельским губернатором. Его по госпитальным делам хорошо знала Александра Федоровна.

Перед Новым годом царь принял Дж. Бьюкенена по его просьбе. Встретил холодно, не предложил сесть и не стал обсуждать внутренние дела, несмотря на то, что посол трижды пытался начать обсуждение. Было известно, что англичанин недавно встречался с Милюковым, Родзянко, Гучковым и что там затрагивался вопрос о дворцовом перевороте. Император упрекнул посла, что тот посещает оппозиционеров.

Готовили ли британцы государственный переворот? Это вопрос с двумя ответами. Революцию они не готовили, но поддерживали давление в российском политическом котле, добиваясь расширения прав оппозиции и считая, что таким образом будут контролировать ситуацию. А устроится конституционная монархия — тем лучше!

Поэтому французская разведка оправданно усматривала в их действиях провоцирование революции. Де Малейси доносил в Париж: «Лорд Мильнер (военный министр. — С.Р.) во время пребывания в Петрограде, это вполне установленный факт, решительно подталкивал Гучкова к революции, а после его отъезда английский посол превратился, если можно так выразиться, в суфлера драмы и ни на минуту не покидал кулис. По ходу исторических событий, вместо доведения до сведения императора, который тогда находился в Царском Селе, требований Думы с попыткой в последний раз добиться уступок, Бьюкенен просил лидеров гучковско-милюковской и т. д. группировки лишь потерпеть до приезда государя в Ставку, чтобы из-за удаленности у него фактически не оставалось времени вмешаться в нужный момент, пойдя на уступки, которые у него вырвали бы в случае настойчивого отказа. Если бы он не уехал, весьма вероятно, не произошло бы самого события» (*Революция глазами Второго бюро. Свободная мысль. М., 1997, № 9*).

Кроме того, французский разведчик указывал, что целью двойной игры Англии, кроме разгрома Германии, является уменьшение влияния России в будущие мирные времена, чему «помогают и ассирируют Родзянко, Сазонов, Милюков и Гучков».

В конфиденциальной записке лорда Мильнера императору от 4/17 февраля 1917 года указывалось, что России «нужна лучшая организация».

Уместно вспомнить откровенное признание в дневнике английского посла во Франции лорда Берти, относящееся к февралю 1916 года: «Обещание Константинополя было огромной глупостью, чтобы не сказать — преступной ошибкой» (*Берти Ф., лорд. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже 1914–1919. Перевод и примечания Е. С. Берловича. Государственное издательство. М.; Лд.; 1927. С. 161*).

Вспоминая о подготовке заговора, Гучков утверждал, что убивать царя не предусматривалось, собирались вынудить его подписать отречение в пользу на-

следника Алексея при регентстве царского брата, великого князя Михаила Александровича. Какими способами хотели добиваться отречения, не сказал. Генерал Спиридович уточнил: «Если бы Государь не отрелся, его убили бы. Так было решено».

Замысел дворцового переворота распространялся все шире и шире. К нему присоединился председатель Земского союза князь Георгий Евгеньевич Львов, будущий председатель первого состава Временного правительства. По его плану монархом должен был стать великий князь Николай Николаевич. Посвящая в заговор своих соратников-земцев, среди которых были московский городской голова М. В. Челноков и тифлисский — А. И. Хатисов (по данным Н. Берберовой, оба масоны), Львов сказал, что заговор поддержали 29 председателей губернских земских управ и городских голов, что великий князь Николай Николаевич оповещен и что сам Львов возглавит будущее правительство.

А. И. Хатисов отправился на встречу с Николаем Николаевичем, которого хорошо знал. Перед Тифлисом он заехал в Петроград обсудить план с Милюковым и депутатом ГД, социал-демократом Чхеидзе. Однако Милюков заговор не поддержал, сказав, что в ближайшее время произойдет революция, а Чхеидзе вообще заявил, что царский режим нельзя свергнуть.

Тридцатого декабря 1916 года Хатисов встретился с Николаем Николаевичем и предложил план Львова, также сообщил, что начальник ГАУ генерал Маниковский готов всячески содействовать замыслу. Великий князь попросил два дня на размышление.

Накануне их встречи Николай Николаевич виделся с приехавшим рано утром великим князем Николаем Михайловичем, который сообщил, что 16 великих князей договорились устранить Николая II с трона. Николай Михайлович пользовался большим авторитетом в семье, он был членом Французской академии наук, историком, масоном, открыто высказывался против «темных сил» в окружении Александры Федоровны, за что был выслан из Петрограда. Кроме того, у него на Кавказе был собственный бизнес, он владел источниками минеральной воды «боржоми».

Спустя два дня Николай Николаевич снова принял Хатисова и сказал, что решил не участвовать в заговоре. Таким образом, план Львова с опорой на великого князя не был осуществлен, остался гучковский — с регентством великого князя Михаила Александровича. Однако то, что великий князь, главнокомандующий Кавказским фронтом не арестовал посланца заговорщиков, говорило о наступлении последних времен.

Н. Берберова встречалась в 1929 году в Париже с самим Хатисовым, и тот полностью подтвердил эту историю.

Глава девятнадцатая.

Почему Церковь канонизировала императора?

Мы приближаемся к последним дням трагедии. Читатель должен помнить, что сказал Николай II, принимая пост Верховного Главнокомандующего: «Я знаю, пусть я погибну, но я спасу Россию». Однако не верится, что он осознанно шел навстречу гибели. Так не бывает. Тогда почему же?

Конечно, мы слышали, что император был безвольным, слабым, малоразумеющим, наделал массу ошибок. Но это не ответ. Да и кому принадлежат эти определения? Причисленный Русской Православной Церковью к лику священномучеников Николай Александрович Романов таким не был. Дав слово союзникам не заключать мира, пока не победят врага, он сдержал его, пойдя на личную жертву.

Вот как состоялось это жертвоприношение. В 1990 году в Лос-Анджелесе авиаконструктор, сын белогвардейского офицера Игорь Александрович Автомонов подарил автору экземпляр журнала, издаваемого выпускниками имперских кадетских корпусов, со статьей Бориса Николаевича Сергиевского, Генерального штаба полковника, начальника Службы связи Ставки. В ней раскрыто неизвестное решение императора, которое в итоге стоило ему жизни.

Дело в том, что на 12 апреля 1917 года намечалось начать генеральное наступление. 26 февраля Ставка отдала секретное распоряжение о переброске к фронту 10 армейских корпусов, для чего требовалось 500 воинских эшелонов и 145 суток.

Однако после бунта запасных батальонов император приказал направить в Петроград семь полков с артиллерией (45 эшелонов), что должно было задержать переброску армейских корпусов примерно на две недели. Взвесив риски, Главнокомандующий сделал выбор: приостановил движение полков к столице (*Сергиевский Б. Н. Отречение 1917. Публикация И. А. Автомонова. «Кадетская перекличка», Нью-Йорк, № 38, 1985*).

Что еще можно говорить после этого решения?

Распутин? Это пустяк, раздутый до небес.

Ответственное правительство? Не смешите.

Еврейский вопрос? Черта оседлости? Она фактически была отменена, и в ближайшие месяцы ее отменили бы официально.

Что еще? Хлеба не было в Петрограде? Был хлеб. Сами подумайте, ведь из-за войны был прекращен зерновой экспорт. Хлеба в стране было вдоволь.

(Примечание. Вот голос не верхушки, а простых народных низов. Спустя несколько дней после «штурмовой речи» Милюкова, 4 ноября 1916 года, депутат ГД минский священник Околович разгромил существующий торгово-экономический порядок: «Сама собой напрашивается мысль, что кто-то

взял всю нашу торговлю, мясную, хлебную и молочную в свои руки и руководит повышением и понижением цен. Есть какой-то вампир, который овладел всей Россией. Своими отвратительными губами он прилип к сердцу ее народнохозяйственного организма; в своих клещах он крепко держит голову, мешает работать мысли. Имя этому чудовищу — банки... Печать отмечала, что за годы войны банки стали собственниками многих заводов. Банковские операции с сахаром представляют собой явление того же порядка, как и торговые сделки с мясом, хлебом, овсом и многими другими продуктами (...) Все, от низшего до высшего, кричат о дороговизне и показывают кулак в кармане, а настоящей борьбы с нею не ведут, как будто бы кто-то запрещает, как будто есть какая-то неведомая сила, которая мешает приступить к борьбе с дороговизной». И привел для примера высказывание некоего генерала, который предложил свой рецепт: повесить на железнодорожной платформе одного начальника станции, одного купца и одного банкира и «пустить это трио» по всем железным дорогам» (*Государственная Дума... С. 140—144*).

Петроград был переполнен мобилизованными, беженцами, солдатами, переселенцами, все резко подорожало — квартиры, дрова и уголь, транспорт, продовольствие. Инфляция сводила на нет повышение заработной платы, которая к 1917 году выросла вдвое, а цены на основные продукты питания — вчетверо. Когда была введена продажа хлеба по низким нормированным ценам, лавки с дешевым хлебом окружили длинные многочасовые очереди; хлеб раскупался мгновенно, из-за чего родились слухи о грозящей продовольственной катастрофе.

Еще добавим, что 23 сентября 1916 года правительство ввело продразверстку и установило твердые цены, по которым крестьяне должны были продавать хлеб. «Вольные» же цены в три раза превышали твердые, а цены на промышленные товары не ограничивались, что явно било по деревне; появились слухи, что скоро цены на хлеб повысятся в 10 раз; крестьяне остановили все продажи.

Снабжение населения столицы было передано городской управой в руки купцов Левенсона и Лесмана, а те стали нелегально и втридорога продавать муку в Финляндию.

Великие князья? Генералы? Масоны? 200 тысяч новобранцев в запасных батальонах?

Император мог изменить положение одним росчерком пера.

Тогда почему? И почему такого ничтожного руководителя Церковь канонизировала?

Ответ такой: он уповал на Господа, верил в высшую справедливость и не допускал, что православные патриоты могут предать. Он терпеливо глядел на

недругов и оппонентов и ждал, что вот сейчас мы победим, все наладим, везде успеем. Он взял на себя всю тяжесть времени, чтобы удержать его от распада.

Может быть, так?

А пока император жив, вернемся к нему. О встрече кадета Хатисова с великим князем Николаем Николаевичем ему уже сообщили. На Новый, 1917 год из Царского Села не были посланы традиционные рождественские подарки великим князьям. Он давал знать, что ему все известно. 22 января 1917 года он отбыл из Петрограда в Ставку, куда его позвал генерал Алексеев. Во время начавшихся беспорядков Николая II в городе не было.

Капитан де Малейси сообщал в Париж: «В дни революции русские агенты на английской службе пачками раздавали рубли солдатам, побуждая их нацепить красные кокарды. Я могу назвать номера домов в тех кварталах Петрограда, где размещались агенты, а поблизости должны были проходить запасные солдаты».

Председателем Думы М. В. Родзянко и главнокомандующим Северного фронта генерал-адъютантом Н. В. Рузским царь был введен в заблуждение относительно реального положения дел. Задержанный в Пскове император оказался в западне. Ему пригрозили, что армия развалится, что его жена и дети могут оказаться без защиты. По подсказке также введенного в заблуждение генерала Алексеева все главнокомандующие фронтов прислали телеграммы, призывающие его отречься от престола ради сохранения армии и государственности. И он подписал отречение.

Когда-то он записал в «Послужной книге нижнего чина» одного из полков, в который по просьбе командира согласился быть зачисленным рядовым первой роты: «Николай Романов. Срок службы — до гробовой доски». И этот срок наступал.

После отречения его поезд был выпущен из Пскова. Все было кончено. Свергнутый император остался в своем купе, едва освещенным горевшей перед иконами лампадой. Один. В дверь постучали, вошел дворцовый комендант Воейков. «После всех переживаний этого тяжелого дня Государь, всегда отличавшийся громадным самообладанием, не был в силах сдержаться. Он обнял меня и зарыдал...»

В это время в Петрограде и Ставке совершались большие и малые предательства, немыслимые преступления, грабежи и убийства. Это было только начало Февраля, «великой бескровной революции».

«Те зверства, которые совершались взбунтовавшейся чернью в февральские дни по отношению к чинам полиции, корпуса жандармов и даже строевых офицеров, не поддаются описанию (...) Городовых, прятавшихся по подвалам и чердакам, буквально раздирали на части, некоторых распинали у стен,

некоторых разрывали на две части, привязав за ноги к двум автомобилям, некоторых изрубали шашками. Были случаи, что арестованных чинов полиции и жандармов не доводили до мест заключения, а расстреливали не набережной Невы, а затем сваливали трупы в проруби. Кто из чинов полиции не успел переодеться в штатское платье и скрыться, тех беспощадно убивали. Одного, например, пристава привязали веревками к кушетке и вместе с ней живым сожгли».

В это страшное безгосударственное время единственной силой могли стать подлинные гвардейские (не запасные!) части. К Таврическому дворцу в полной форме под командованием великого князя контр-адмирала Кирилла Владимировича прибыл гвардейский флотский экипаж (морская пехота). Никаких красных знамен и бантов! Кирилл Владимирович привел гвардейцев, зная об отречении императора и руководствуясь обманной информацией Родзянко о необходимости сохранения монархии. «Великий князь Кирилл Владимирович во главе командуемого им гвардейского экипажа отправился в Думу, надеясь этим способствовать установлению порядка в столице и спасти династию в критический момент. Попытка эта не нашла поддержки и осталась безрезультатной». Впоследствии великий князь, один из немногих сохранивших выдержку военачальников, был оклеветан; ему приписали и «красный бант», и признание революции.

Еще пытался спасти положение прибывший с фронта в краткосрочный отпуск командир лейб-гвардии Преображенского полка, геройский полковник Александр Павлович Кутепов, будущий знаменитый белогвардейский генерал. Да было уже поздно. Десятки тысяч из запасных батальонов, подстрекаемые невесть откуда взявшимися агитаторами, захватили город.

А что же Церковь? Защитила ли она своего Помазанника Божьего? Нет, не защитила. Святейший Синод на заседании 26 февраля отказался призвать православных мирян не участвовать в беспорядках и демонстрациях. 5 марта Синод распорядился во всех церквях Петроградской епархии многие лета царствующему дому «отныне не провозглашать».

«Диктатура капитала» обернулась переизданием «государства Витте» без сдерживающих начал.

Уже на третий день после отречения императора генерал Алексеев схватился за голову и буквально простонал: «Никогда не прошу себе, что я поверил некоторым людям!»

Кого он имел в виду?

Генерал Рузский недолго выступал, как герой Февраля. Он был убит (зарублен шашками) осенью 1918 года в Пятигорске.

В 20-х числах января 1919 года, как вспоминал известный нам полковник Б. Н. Сергиевский, главнокомандующий Вооруженных Сил Юга России А. И. Деникин посетил только что освобожденную белыми группу Кавказских Минеральных Вод; тела убитых красными заложников (в том числе и генерала Рузского) были перезахоронены, однако Деникин отказал вдове генерала перевезти тело мужа в Екатеринодар. Отказ Деникина был беспримерно суров: «Поведение генерала Рузского в отношении генерала Алексеева в ночь на 2-е марта было такое, что главнокомандующий ВСЮР не может оказывать помощи его семье».

Вспоминается восстание 1825 года, которым на целый век была ушиблена российская верхушка вплоть до Февраля, и его позднейшая оценка одним из декабристов: «Восстание 14 декабря осадило Россию назад на полстолетие» (*Розен А. Е. Записки декабриста // Мемуары декабристов. Сост. А. С. Немзера. «Правда». М., 1988. С. 99*).

А насколько отбросил Февраль? И был ли он неизбежен?

Кстати, Н. Н. Берберова говорила об интеллектуальной «тирании Парижа над Петроградом», которая «продолжалась около ста лет и делала русскую интеллигенцию устарелой в XX веке, позволяя устарелым идеям 1789 года бесконтрольно владеть лучшими умами России».

Император был незаурядным человеком. Именно он санкционировал переход к парламентской монархии и экономические реформы Витте и Столыпина, отказался прибегнуть к террору против оппозиции. Можно предположить, что, если бы он остался на троне, Россия двинулась бы по пути, который сегодня мы называем «китайским».

Для такого предположения есть все основания. В январе 1915 года произошло событие, на которое обратил внимание Сергей Переслегин. С началом мировой войны стало понятно, что в стране отсутствуют точные данные о стратегическом сырье, необходимом для производства вооружения. Поэтому академик В. И. Вернадский на заседании Физико-математического отделения Императорской Санкт-Петербургской Академии наук поставил вопрос о создании Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). Царь сразу поддержал академика. Впоследствии на базе КЕПС были созданы механизмы развития страны — ГОЭЛРО (план электрификации) и Госплан СССР. По мере развертывания советской индустриализации от КЕПС «отпочковалось» 16 исследовательских институтов. То есть научная база советских успехов была заложена при царе и царем.

Но земной срок императора был отмерен.

После отречения Николая Александровича вынудили отречься и его младшего брата Михаила Александровича. Кто вынудил? Группа Керенского из ВВНР, для которой монархия, пусть и конституционная, даже без ненавистного Николая II, была неприемлемой. Предложение Милюкова и Гучкова для сохранения государственного порядка объявить Михаила «протектором народа» вызвала у Керенского «припадок бешенства, град ругательств и угроз, которые привели в ужас всех присутствовавших» (М. Палеолог).

Возвратившись из Пскова в Могилев в Ставку, «полковник Романов» попрощался с войсками, солдаты ответили «многоголосым ревом рыданий» (Сергиевский Б. Н.).

Пятого (18) марта 1917 года исполком Петросовета постановил арестовать всю царскую семью, конфисковать их имущество и лишить гражданских прав. Через два дня — 7 (20) марта 1917 года — в журнале заседаний Временного правительства № 10 была сделана запись: «*Слушали:* 1. О лишении свободы отрекшегося императора Николая II и его супруги. *Постановили:* 1) Признать отрекшегося императора Николая II и его супругу лишёнными свободы и доставить отрекшегося императора в Царское Село». В заседании участвовали: министр-председатель кн. Г. Е. Львов, министры: военный и морской А. И. Гучков, иностранных дел — П. Н. Милюков, путей сообщения — Н. В. Некрасов, финансов — М. И. Терещенко, обер-прокурор Святейшего Синода В. Н. Львов и товарищ министра внутренних дел Д. М. Щепкин, государственный контролёр И. В. Годнев.

Когда-то давным-давно, после смерти царя Федора Иоанновича и пострижения в монахини царицы Ирины, в утвержденной грамоте об избрании на царство Бориса Годунова было сказано: «...оставили еси сирых, безгосударственны и беспомощны... и великое наше отечество Российское государство небрегаемо и беззаступно» (*Киселев М. А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII — первой четверти XVIII века // Исторический вестник, № 6 (153). М., 2013*).

Вот и теперь Россия оказалась «небрегаема и беззаступна». Воссоздание государства через грядущие великие потрясения, Гражданскую войну и новую модернизацию никто не мог предвидеть.

В ночь с 16 на 17 июля 1918 года в Екатеринбурге была расстреляна вся семья Николая Александровича Романова. Он предполагал, что его могут убить, но надеялся, что детей не тронут. Он ошибся. Идя на самопожертвование, он следовал вековой идее русского самодержавия: дело власти — самопожертвование во имя спасения народа, ибо народ греховен и

может «безумно мнить о наличии в себе силы и мудрости неограниченной».

Однако вопрос о спасении не имеет простого ответа.

«Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо тотчас вам будет дано, что сказать» (Мтф. 10.19).

Это и будет ответом.

Вот и всё, сограждане. Империи не стало.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ

Владимир Вейдле. «Три России».

«Было, впрочем, время — то, что зовут «эпохой Великих реформ», — едва ли не самое трагическое в русской истории, когда весь еще не распавшийся культурный слой, включавший и подрастающую интеллигенцию, и правившее еще дворянство, и государство, и общество, и всю ту Россию, что была нацией, но не народом, обратился к этому народу, чтобы дать ему то, в чем, казалось, он нуждался, чтобы с ним соединиться, чтобы сделать нацией и его. Но время потому и было трагическим, что попытка не удалась, и все реформы, включая и освобождение крестьян, были приняты народом как барские затеи, которые могут быть выгодны ему или нет, но всегда остаются ему чужды. Крестьяне хотели не столько избавления от крепостного права, сколько избавления от государства, будь оно представлено помещиком, исправником или воинским начальником; если бы они могли найти подходящие слова, они сказали бы, что им не нужна история, а довольно и своего крестьянского быта, и что они просят сохранить за ними быт на вечные времена. 22 апреля 1861 года Юрий Самарин написал письмо (позже опубликованное в «Красном Архиве»), которое принадлежит к самым замечательным документам русской истории. Он говорит там о явлении, «которое теперь обнаружилось перед всеми с сокрушительной ясностью. Это — полное, безусловное недоверие народа ко всему официальному, законному, т. е. ко всей той половине русской земли, которая не народ. Обыкновенно официальность и образованность относятся к народу как власть, т. е. передают приказание и требуют послушания. В настоящем случае пришлось толковать, объяснять, убеждать, разуверять. Мы встретились с народным убеждением и сами убедились, что оно не только не подвластно нам, но что вообще слово не берет его, не действует на него нисколько. Спор возможен только при одном условии, когда у спорящих есть хоть одна общая исходная точка, хоть один факт, в котором они не сомневаются. Этого-то и не оказалось на сей раз. Манифест, мундир, чинов-

ник, указ, губернатор, священники с крестом, высочайшее повеление — все это ложь, обман, подлог. Всеми этому народ покоряется, подобно тому, как он выносит стужу, метели и засуху, но ничему не верит, ничего не признает, ничему не уступает своего убеждения. Правда, носится перед ним образ разлученного с ним царя, но не того, который живет в Петербурге, назначает губернаторов, издает высочайшие повеления и передвигает войска, а какого-то другого, самозданного, полумифического, который завтра же может вырасти из земли в образ пьяного дьячка или бессрочно отпускного».

При встрече с народом новая Россия разбилась о наследие Древней Руси, не преобразованное Петром и его преемниками на троне или у трона; она разбилась о географию, о неизменность народной жизни, ее победил все тот же стихийный разлив русской земли. Будучи побежденной, она пошла навстречу своему распаду: с шестидесятых годов начинается история русской революции. Быстро стали образовываться два враждебных механизма, бюрократический и интеллигентский, правительственный и революционный, два механизма, мешавшие видеть, мешавшие отличать реальные нужды страны от теоретических постулатов революции или контрреволюции, постоянно нарушавшие естественное развитие культурной жизни. Чеховский разбитый параличом мир обязан своим происхождением действию обоих механизмов, а не одного только, как обычно думают (...)

Россия, созданная Петром, кончилась покаянием, но не только за царевича Алексея и казненных стрельцов, а за Грозного, за Калиту, за призвание варягов. Сами варяги и каялись — за то, что Россия стала нацией, но не включила в нацию народа».

Иван Солоневич. «Великая фальшивка Февраля».

«Сущность же вопроса заключается в том, что на этом отрезке исторического времени скрестились две *несовместимые* линии развития: безусловная необходимость для страны сменить свой правящий слой и такая же невозможность менять его во время войны и подготовки к войне. Монархия стремилась пройти это «узкое место» эволюционным путем. Не прошла.

Сословный строй страны вызвал целый ряд трагических и *автоматических* противоречий. Я несколько раз пытался проделать такой эксперимент: стать на наиболее объективную точку зрения, какая только практически возможна, — это будет точка зрения русского монарха. Итак: сословный строй дан исторически и унаследован от всего прошлого. От этого прошлого унаследованы и некультурность

масс, и культурность дворянства, не всех, впрочем, масс, и не всего, впрочем, дворянства.

Так вот: земство. Если отстранить дворянство от его ведущей роли в этом земстве, то земство попадет или в некультурные руки крестьянства, или в революционные руки интеллигенции. Если дать дворянству ведущую роль — совершенно неминуема оппозиция крестьянства. Администрация: если сломать дворянскую монополию — значит, нужно открыть двери или купечеству, у которого достаточных административных кадров еще нет, или разночинной интеллигенции, которая начнет «свергать». Если оставить эту монополию, то купечество и интеллигенция пойдут в революцию, — как это и случилось на самом деле. И так плохо, и так нехорошо. Скорострельного выхода из положения *не было* вообще. По крайней мере, государственного разумного выхода.

На это основное противоречие наслаивались десятки и десятки других. Финляндия была практически независимой страной, и в том же 1916 году в Государственной Думе еще рассматривался закон о *равноправии* русских в Финляндии — хороши «завоеватели». Хива и Бухара управлялись своими ханами и эмирами по своему адату и шариату. Но Грузия не имела никакого национального управления. И было совершенно неизвестно, как его организовать в кавказских условиях. В Прибалтике шел процесс дегерманизации Эстонии и Латвии, но шел и процесс русификации — не очень уж насильственной, но ненужной и раздражающей. От западнорусских губерний России в Государственный Совет попадали исключительно польские магнаты (см. ниже), — но преподавание польского языка и литературы было запрещено. Перед самой революцией Государственный Совет зарезал законопроект, предусматривавший польский язык в суде и администрации Царства Польского. Еврейская беднота — а еврейская беднота в черте оседлости была ужасающей — была сжата всякими ограничениями, а еврей-банкир Манус — личность в лучшем случае весьма подозрительная — имел свободный доступ в великокняжеские салоны. Русское крестьянство рассматривало Распутина как свой *porte-parole* (на русском языке *нет* нужного термина), а те же великокняжеские салоны пустили по всему миру распутинскую *клевету*. Династия стояла в оппозиции Монарху, служба информации русской монархии была поставлена из рук вон плохо, монархия начисто изолирована от массы, и ген. А. Мосолов констатирует: «Бюрократия, включая министров, составляет одну из преград, отделяющих Государя от народа. Бюрократическая *каста* имела собственные интересы, далеко не всегда совпадавшие с интересами страны и Государя. Другая преграда — это интеллигенция. Эти две силы построили

вокруг Государя истинную стену — настоящую *тюрьму...*» А «ближайшая свита не могла быть полезной Императору ни мыслями, ни сведениями относительно внутренней жизни страны». Ген. А. Мосолов в качестве начальника канцелярии Министерства двора был, конечно, вполне в курсе дела: «истинная стена» и «настоящая тюрьма». Государю приходилось действовать более или менее вслепую. Это нужно учесть для будущего. Должна быть создана, по крайней мере, такая служба информации, какую имеют большевики. Так, в секретных сводках, предназначенных для членов ЦК партии, есть *все*, — без пессимизма и без оптимизма, — совершенно объективное изложение данного положения вещей. У русской монархии этого не было. Это одна из основных технических ошибок ее организационной стороны. Очень серьезная ошибка — ибо нет в природе людей, которые были бы совершенно свободны от «влияния». А «влияние» достигается вовсе не путем внушения, а путем информации. Информация хромала. И если ген. Мосолов выражается очень корректно: «ближайшая свита не могла быть полезной Императору ни мыслями, ни сведениями» и что «честные люди уходили», то А. Суворин, издатель крупнейшей в России монархической газеты, формулирует это положение вещей несколько менее корректно: «Государь окружен или глупцами, или прохвостами». Эта запись сделана в 1904 году. Тринадцать лет спустя Государь Император повторяет формулировку А. Суворина: «Кругом измена и трусость и обман» (запись в дневнике Государя Императора от 2 марта 1917 года). Само собою разумеется, что эта формулировка не могла относиться ни к Керенскому, ни к Ленину».

Морис Палеолог. «Царская Россия накануне революции».

«Суббота, 25 декабря 1915 года. В течение последней недели цесаревич, сопровождавший своего отца в инспекционной поездке в Галицию, стал страдать от сильного кровотечения из носа, которое вскоре усложнилось продолжительными обмороками.

Императорский поезд немедленно был отправлен обратно в Могилев, где можно было легче провести курс лечения. Но поскольку больной слабел на глазах, то император приказал, чтобы поезд проследовал в Царское Село.

После ужасного кризиса, который Алексей Николаевич перенес в 1912 году, он никогда не был жертвой такого сильного приступа гемофилии. Дважды казалось, что он отдаст Богу душу.

Когда императрице доложили об ужасной новости, она в первую очередь позаботилась о том, чтобы послать за Распутиным. Она излила перед ним всю

свою душу, умоляя спасти ее ребенка. Старец сразу же склонил голову в молитве. После краткой молитвы он торжественным тоном заявил: «Благодарение Богу! Он вновь вручил мне жизнь твоего сына...»

На следующий день, утром 18 декабря, императорский поезд прибыл в Царское Село. Еще до прибытия поезда, на рассвете этого дня, состояние здоровья цесаревича внезапно улучшилось: жар спал, ритм сердца усилился, и кровотечение уменьшилось. К вечеру того же дня ранка в носу зажила полностью.

Могла ли императрица разувериться в Распутине?»

Товарищ обер-прокурора Святейшего Синода князь Жевахов Н. Д.:

«На 26 февраля было назначено заседание Св. Синода, и я раньше обыкновенного вышел из дому. То, что я увидел на улицах, заставило меня очень усомниться в словах, сказанных накануне министром внутренних дел. Ни трамваев, ни извозчиков уже не было, и я, с большим трудом, вынужден был пробираться через толщу крайне возбужденной и озлобленной толпы, собиравшейся на улицах, в разных частях столицы. Встречались по пути и процессии, с красными флагами и революционными плакатами, с надписью: «Да здравствует Интернационал!» Попадались навстречу и жидки, с сияющими лицами, явление для столицы необычное... Движение было стихийным, но в то же время замечалась опытная рука, руководившая им. Казалось, что каждый выполнял полученное задание. Так, например, идя переулками, ибо путь к Невскому был уже загражден, я видел, как не только подростки, но и малые дети ложились на мостовую при виде приближавшегося извозчика с седоком и преграждали ему путь, заставляя поворачивать его обратно, но в то же время свободно пропускали грузовики с вооруженными до зубов солдатами... Я не мог отрешиться от недоумений и спрашивал себя, отчего же власть позволяет разрастаться этому стихийному движению и не останавливает его, отчего в течение этих трех дней со времени моего возвращения в Петроград не предпринималось ничего для того, чтобы обуздать эту толпу, чувствовавшую себя хозяином положения и державшую в панике все население столицы... И, глядя на эти бесчинства, я, идя в Синод и еще не отдавая себе ясного отчета в происходившем, намечал программу тех мер, какие могли быть приняты Синодом в помощь администрации, с целью воздействовать на сбитую с толку, обезумевшую толпу...

С большим трудом я добрался до Сенатской площади, к зданию Св. Синода. Из иерархов не все прибыли... Отсутствовал и обер-прокурор Н. П. Раев. Пе-

ред началом заседания, указав Синоду на происходящее, я предложил его первенствующему члену, митрополиту Киевскому Владимиру, выпустить воззвание к населению, с тем чтобы таковое было не только прочитано в церквях, но и расклеено на улицах. Намечая содержание воззвания и подчеркивая, что оно должно избегать общих мест, а касаться конкретных событий момента и являться грозным предупреждением Церкви, влекущим, в случае ослушания, церковную кару, я добавил, что Церковь не должна стоять в стороне от разыгрывающихся событий и что ее вразумляющий голос всегда уместен, а в данном случае даже необходим. «Это всегда так, — ответил митрополит. — Когда мы не нужны, тогда нас не замечают: а в момент опасности к нам первым обращаются за помощью». Я знал, что митрополит Владимир был обижен своим переводом из Петербурга в Киев; однако такое сведение личных счетов в этот момент опасности, угрожавшей, быть может, всей России, показалось мне чудовищным. Я продолжал настаивать на своем предложении, но мои попытки успеха не имели, и предложение было отвергнуто. Принесло бы оно пользу или нет, я не знаю, но характерно, что моя мысль нашла свое буквальное выражение у Католической Церкви, выпустившей краткое, но определенное обращение к своим чадам, заканчивавшееся угрозою отлучить от св. причастия каждого, кто примкнет к революционному движению. Достойно быть отмеченным и то, что ни один католик, как было удостоверено впоследствии, не принимал участия в процессиях с красными флагами».

Питирич Сорокин. «Социология революции».

«...революция суть худший способ улучшения материальных и духовных условий жизни масс. На словах обещается реализация величайших ценностей, на деле же... достигаются совершенно иные результаты. Революции скорее не социализируют людей, а биологизируют; сокращают их базовые свободы; не улучшают, а скорее ухудшают экономическое и культурное положение рабочего класса. Чего бы она ни добивалась, достигается это чудовищной и непропорционально великой ценой. Карают же она за паразитизм, распущенность, неспособность и уклонение от выполнения социальных обязанностей (хотя в любом случае происходит деградация их высокого социального положения) не столько аристократические классы, сколько миллионы беднейших и трудящихся классов, которые в своем пароксизме надеются раз и навсегда революционным путем покончить со своей нищетой (...)

Атмосфера предреволюционных эпох всегда поражает наблюдателя бессилием властей и вырожде-

нием правящих привилегированных классов. Они подчас не способны выполнять элементарные функции власти, не говоря уж о силовом сопротивлении революции. (...) Практически все дореволюционные правительства несут в себе характерные черты анемии, бессилия, нерешительности, некомпетентности, растерянности, легкомысленной неосмотрительности, а с другой стороны — распущенности, коррупции, безнравственной изощренности и т. д. Безмозглость, безволие, бесхитрость. (...) Перед нашими глазами — целая галерея физических и психических импотентов, бесталанных правителей, женственных и циничных карликов.

Простого сопоставления этой картины с той, что наблюдалась тридцать лет до этого, в правление императора Александра III, достаточно, чтобы увидеть, к каким катастрофическим результатам приводит дегенерация власти и правящих кругов.

Что же происходит при этом с аристократией? В былые времена, подобно французской знати, она успешно выполняла важные функции администрирования, суда, защиты отечества, то есть когда она целиком была поглощена государственными делами. Тогда ее привилегии были обоснованными. Но к концу XVIII века, после издания указа о вольности дворянства при сохранении всех привилегий, начался процесс вырождения. Потихоньку класс превращался в социального паразита, а его претензии — в необоснованные злоупотребления. Подавляющее большинство дворян попросту растрчивали богатства, накопленные их предками, время от времени выкачивая дополнительные средства из государственной казны. Когда же на миг возростала активность дворянства, как было, к примеру, в 1905 году, ее порождала не столько забота о благополучии страны, сколько примитивно хищнические аппетиты.

Вот почему не следует удивляться приговору истории, вынесенному русской аристократии, и пределу, который был положен этому наросту на теле России. Не удивляет нас также и полное отсутствие энергии класса в самозащите, в обороне старого режима и его сердцевины — самодержца. Гибель русской аристократии произошла безо всякого героизма. Нечто подобное можно наблюдать и на примере других революций. Все они подтверждают нашу догадку относительно второй причины революций — вырождение элиты общества. История «терпит» хищнические, жестокие, циничные правительства, но до поры до времени, пока они сильны, пока они хотят и знают, как управлять государством. Несмотря на все негативные стороны их правления, они полезны обществу.

Но бессильные и «добрые», бессмысленные и паразитические, высокомерные и бесталанные правительства история долго не выносит. (...)

Король может быть, конечно, человеком благородным, добросердечным и веселым. Но вспомним мудрые слова Наполеона: «Если люди говорят, что король мил, то это значит, что он дрянной правитель».

Г. М. Катков. «Февральская революция».

«Но даже и тогда, когда было принято решение об отречении, генералы продолжали думать, что они помогают спасти монархию и династию. Только 3 марта, когда Родзянко заговорил о том, что надо задержать обнародование манифеста, генералы поняли, что с их помощью совершен государственный переворот, для которого, с военной точки зрения, нельзя было выбрать худшего момента. Противоположно тактике предшествующих дней, Родзянко ни словом не обмолвился Рузскому и Алексееву о переговорах, касающихся отречения великого князя Михаила. На то у него были веские причины. Он знал, что если бы с главнокомандующими посоветовались до того, как Михаил принял решение отказаться от престола, то они могли бы поддержать кандидатуру Михаила».

В. А. Маклаков. «Власть и общественность на закате Старой России (воспоминания современника)».

«Представители общественности, уверенные, что они сами всё умеют, что страну они представляют, что она верит им, убеждённые, что управлять страной очень легко, что только бездарность нашей бюрократии не давала проявиться всем талантам русского общества, неустанно себя в своей прессе рекламировавшие и кончившие тем, что поверили сами тому, что сами о себе говорили, самовлюблённые и непогрешимые, не хотели унизиться до совместной работы с прежней властью; они соглашались быть только хозяевами. Они ими и стали в 1917 году, на горе себе и России».

Протопресвитер армии и флота Георгий Шавельский:

«Изучая предшествовавшую революции эпоху русской жизни, историки, может быть, скажут не одно горькое слово по адресу властной Императрицы. Может быть, они поставят ей в большую вину, что она не сумела разграничить область религиозной веры и область государственной политики, отличить здоровую веру от религиозного шарлатанства, настоящих государственных деятелей от низкопробных и продажных честолюбцев и льстецов, друзей от

врагов. Может быть, они обвинят ее, что она своим неразборчивым вмешательством в управление государством, своим настойчивым выдвиганием на высшие посты разных льстивших ей или подделывавшихся под ее настроение неудачников и ничтожеств, своим одиозным отношением ко всем, не разделявшим ее взглядов и привязанностей, своим крайним мистицизмом, которым она заразила Государя, — что всем этим она расстраивала государственную жизнь и ускорила катастрофу, помешав безболезненно разрешиться назревшему кризису. Но они не осмелятся обвинить ее в неискренности или в нечистоте ее намерений. В государственной же обстановке того времени и в царско-семейной они найдут многое, что значительно извинит ее увлечения и даже роковые ошибки. Образ же ее в заточении, в унижении и страданиях будет удивлять своим величием и красотой не только ее друзей, но и ее врагов.

Императрица Александра Федоровна на троне, в величии, не удалась; в унижении она оказалась великой.

Император Николай Александрович и в темнице остался тем же, чем он был на царском престоле: Иовом многострадальным, стойчески переносившим удары судьбы и не перестававшим надеяться на светлое лучшее. Чрезвычайные для монарха унижения, каким он подвергался, после своего отречения, в Царском Селе, Тобольске и Екатеринбурге, не вынудили его поступиться ни одним из принципов своей благородной души и не ослабили его любви к своему народу. Простой, деликатный, добрый, отзывчивый, благородный, как человек, он не мог не возбуждать самых горячих симпатий; как царю, ему недоставало непреклонной воли и боевого темперамента».

Роберт Вильтон. «Последние дни Романовых».

«Темнота в этом северном краю наступает летом очень поздно. Было за полночь (по новому советскому времени два часа утра), когда Юровский принял ся за дело.

Вся Семья спала глубоким сном; также и прислуга. Юровский вошел в Их комнаты и разбудил Их, приказав одеваться, чтобы покинуть город, которому будто бы угрожала опасность.

Семья поднялась. Оделись наскоро. Юровский пошел впереди; спустились по лестницам во двор, потом пошли в нижний этаж.

Государь нес своего сына на руках. За Семейей шли доктор Боткин и служащие Харитонов, Трупп и Демидова.

Юровский вел Их в заранее подготовленную западню, так как отказался от мысли убить Их в Их

Генеральный**директор***Елена Шевцова***Главный бухгалтер***Людмила Дьячкова***Художественный****редактор***Татьяна Погудина***Цветоделение****и компьютерная****верстка***Александр Муравенко***Заведующая****распространением***Ирина Бродянская*

Отпечатано

в АО «Красная Звезда»

123007, Россия, Москва,

Хорошёвское шоссе, 38

тел. +7(499) 762-63-02,

факс +7(495) 941-40-66

e-mail: kz@redstar.ru,

www.redstarprint.ru

Тираж 2 000 экз.

Уч.-изд. л. 10,0.

Заказ № 271-2017

Адрес редакции:

Россия,

107078, Москва,

Новая Басманная, д. 19

Телефоны

редакции:

8(499) 261-84-61

отдела распространения:

8(499) 261-95-87

Факс:

8(499) 261-49-29

E-mail:

www.roman-gazeta-1927.ru

Сайт:

www.roman-gazeta-1927.ru

Рукописи не рецензируются

и не возвращаются.

Отклоненные рукописи

сохраняются в течение года.

комнатах наверху: он опасался тревоги, которая могла бы нарушить его план перевозки тел в лес для Их тайного уничтожения.

Комната, предназначенная для убийства, была расположена как нельзя удачнее. Она была низка, имела одно окно, пробитое в толстой стене и забранное решеткой, оно охранялось часовыми и было отделено от улицы двумя высокими заборами.

Жертвы спустились без опасения, думая, что Их увозят. Они взяли с собой на дорожку подушки и шляпы; Анастасия Николаевна несла на руке свою болонку Джемми.

Пройдя через все комнаты первого этажа, занятые теперь венгерцами, узники прошли через переднюю, где была дверь в переулок. Правее передней, освещенной, как и все комнаты, электричеством, пленники видели в окно, выходящее в сад, силуэт часового.

Низкая комната находится налево, против этого окна. Таким образом, последующая сцена произошла на глазах двух русских часовых, одного — в саду, другого — в переулке.

В деле имеются показания трех лиц, которые наблюдали событие очень близко и которые приводят также показания обоих часовых. В числе этих свидетелей находится и цареубийца Медведев, очевидец унтер-офицер Якимов и ефрейтор Проскуряков, присланный после, чтобы вымыть комнаты. Рассказ мой основан на всей совокупности имеющихся в деле документов.

Алексей Николаевич не мог стоять, Государыня тоже была нездорова, и Государь попросил стульев. Юровский распорядился, чтобы их принесли.

Государь сел посередине комнаты, положив сына на стул рядом с собою. Императрица села у стены. Дочери подали Ей подушки. Доктор Боткин стоял между Государем и Государыней. Три Великие Княжны находились направо от матери; рядом с Ними стояли, облокотясь об угол стены, Харитонов и Трупп; слева от Императрицы осталась четвертая Великая Княжна и камер-юнгфера Демидова, обе облокотившись о стену около окна. За ними запертая дверь в кладовую.

Все ожидали сигнала к отъезду. Они не знали, что «карета» давно уже ждет у ворот. Это был 4-тонный грузовик «Фиат», на котором должны были отвезти тела. Все было предусмотрено с воинской точностью. Минуту спустя палачи вошли в комнату. То были, кроме Юровского, упомянутые уже лица: Медведев, Ермаков, Ваганов, неизвестный, носящий имя Никулина, и семь «латышей», принадлежащие, как и последний, к Чрезвычайке — всего 12 человек.

В эту минуту жертвы все поняли, но никто не тронулся.

Была мертвая тишина. В комнате, длиной в 8 и шириной в 6 аршин, жертвам некуда было податься: убийцы стояли в двух шагах.

Подойдя к Государю, Юровский холодно произнес: «Ваши родные хотели вас спасти, но это им не удалось. Мы вас сейчас убьем».

Государь не успел ответить. Изумленный, он прошептал: «Что? Что?»

Двенадцать револьверов выстрелили почти одновременно. Залпы следовали один за другим. Все жертвы упали. Смерть Государя, Государыни, трех детей и лакея Труппа была мгновенна. Сын был при последнем издыхании; младшая Великая Княжна была жива: Юровский несколькими выстрелами своего револьвера добил Цесаревича; палачи штыками прикончили Анастасию Николаевну, которая кричала и отбивалась. Харитонов и Демидова были прикончены отдельно.

Штыковые удары, направленные в Демидову, отбивавшуюся от палачей, попали в обшивку стены. Я заметил их следы при посещении комнаты. По требованию судебного следователя была в моем присутствии произведена экспертиза этих порезов — то, несомненно, были следы русского штыка».

П. Рыженко. Прощание с конвоем. Левая часть триптиха «Царская Голгофа». 2004 г.

П. Рыженко. Александровский дворец. 2004 г.

